

«ОПЕРАЦИЯ ПАРУС». Гонки учебных судов.

ISSN 0134-241X

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

10 '86

ТАМ ГДЕ СБЛИЖАЮТСЯ БЕРЕГА

Читайте стр. 76—77

Геннадию Ивановичу Невельскому, капитан-лейтенанту Балтийского флота, было тридцать шесть лет, когда он задумал свое путешествие. Транспорт «Байкал», капитаном которого его назначили, достраивался на верфи в Гельсингфорсе... «Байкал» должен был доставить грузы из Кронштадта на Камчатку.

Невельской выпросил разрешение — после сдачи грузов исследовать на «Байкале» устье Амура. Ему не дал покоя вопрос: как может такая могучая река не впадать в море? Ужели правы Лаперуз с Крузенштерном, что Сахалин связан с материком перешейком?

И вот «Байкал» идет в обратный путь. На пятьдесят второй параллели Невельской воочию убеждается, что Сахалин отделен от материка проливом... Так окончательно в июле 1849 года было установлено, что Сахалин — остров, а устье Амура судоходно.

Геннадий Иванович так описывал свое открытие: «22 июля 1849 года достигли того места, где матерый берег сближается с противоположным ему, сахалинским. Здесь-то, между скалистыми мысами на материке, названными мною Лазарева и Муравьева, и низменным мысом Погиби на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Броутоном и в 1846 году Гавриловым перешейка, мы открыли пролив шириною в четыре мили и с наименьшей глубиной в пять сажен... Проследовав открытым нами проливом, не теряя нити глубин, выведших нас из Татарского залива в лиман, направились вдоль западного берега Сахалина...»

Пролив был назван именем Невельского.

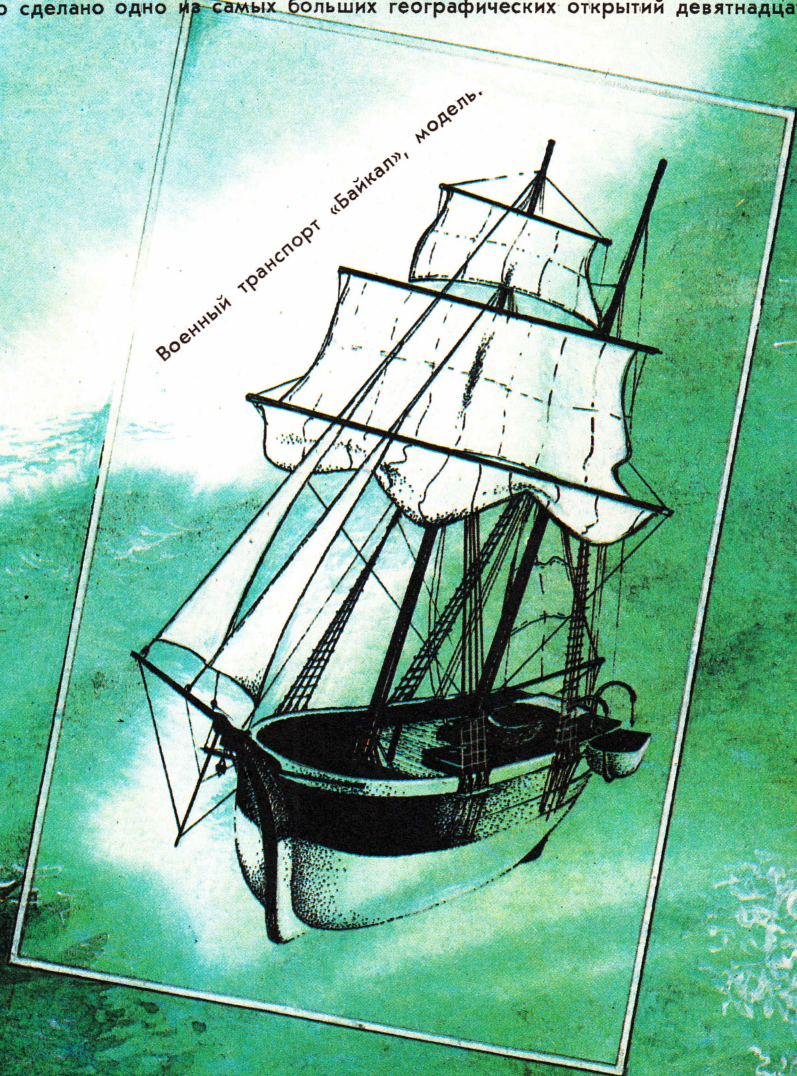
«Байкал» еще не раз принимал участие в обследовании дальневосточных земель. После аварии в 1867 году судно было выведено из состава действующих и использовано под склад флотского имущества в бухте Золотой Рог. Корабль постепенно пришел в негодность и затонул, поднимать его не стали. Позже, чтобы очистить бухту, его взорвали.

...И тем не менее на этом снимке — «Байкал».

Как и подлинное судно, корабль «выстроен» из поперечного набора хвойных пород деревьев. «Байкал» был не просто транспортным судном — он был военным транспортом, оснащенным четырехдюймовыми пушками. Все это тоже воспроизведено. Из старого шелка сшиты паруса. Даже канаты завязаны теми же узлами...

Эта модель — экспонат краеведческого музея в городе Оха на севере Сахалина. Маленький «Байкал» сделан по чертежам подпоручика Перхина, датированным 1841 годом и хранящимся в Центральном Государственном архиве Военно-Морского Флота СССР.

Изготовил модель рабочий Николаевского судостроительного завода Анатолий Михайлович Ведусов. Искусный мастер в точности воспроизвел корабль, на котором было сделано одно из самых больших географических открытий девятнадцатого века.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

10 '86

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

- В НОМЕРЕ:**
- 2/ Г. Иванов
ЗА ТОЙ ЧЕРТОЙ... Стихи
 - 6/ Б. Вайсберг
КОРРЕКТИРОВКА
 - 10/ Н. Никонов
СЕВЕРНЫЙ ЗАПАД. Начало
 - 30/ Ю. Иванов
ВЕТЕР ОКЕАНА
 - 33/ С. Чистяков
САМОЛЕТЫ ДОБРОЛЕТА
 - 34/ М. Любарский, Е. Ищенко
НЕОБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТИВ
 - 38/ Р. Евилевич
НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ...
 - 39/ П. Онищук
«С ПУЛЕЙ В СЕРДЦЕ Я ЖИВУ НА СВЕТЕ...»
 - 43/ В. Долматов
600 МГНОВЕНИЙ ВОЙНЫ РЯДОВОГО
178-й СИБИРСКОЙ ДИВИЗИИ КОНДРАТЬЕВА
 - 45/ К. Левитин
ЖИЗНЬ НЕВОЗМОЖНО ПОВЕРНУТЬ НАЗАД.
Повесть. Начало
 - 60/ К ЧИТАТЕЛЯМ НФ
 - 61/ Ю. Гурвич
КАК ПРЕДВИДЕТЬ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ!
 - 61/ Ю. Зубков
ДРОБЬ... ИЗ КОСМОСА!
 - 61/ ПРИЗ — ЗА ПЕСНЮ
 - 62/ Я. Андреев
АВТОГРАФ ИВАНА ДЕМИДОВА
 - 62/ В. Семянинов, Е. Субботин
АВАНГАРДИСТ ОЗАНФАН
 - 63/ В. Жерновников
БАЛЬМОНТИСТКИ ИЗ ТЮМЕНИ
 - 64/ Р. Пихоя
КНИГОЛЮБЫ ПУШКИНЫ
 - 66/ Б. Рябинин
ДВОЕ И НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ
 - 71/ И. Беляев
ТРАВЫ ЛЕСНОГО КРАЯ
 - 76/ Н. Широкова
ТАМ, ГДЕ СБЛИЖАЮТСЯ БЕРЕГА...
 - 78/ А. Пиров
СТРАННАЯ ВСТРЕЧА
 - 78/ Б. Матюнин
«А ТЫ, МАРИНКА!...»
 - 79/ А. Дудолодов
БАХ — И ГОТОВО!
 - 79/ МУДРЯШКИ
 - 80/ В. Пашин
«ЗА ПОЛТАВСКУЮ БАТАЛИЮ»

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

На 1-й стр. обложки фото
капитана дальнего
плавания Г. Н. Костецкого

© «Уральский следопыт», 1986 г.

За той чертой...

Герман ИВАНОВ

Лирико-публицистическая поэма

I.

В тот светлый день,
Когда ноябрьский холод
Озера в лед прозрачный
Заковал,
Я счастлив был.
Я был еще так молод
И ни о чем
Всерьез не тосковал,
Хотя была неведомой
Дорога,
Но я под шепот
Смерзшейся листвы
Шагнул вперед
С отцовского порога,
Не сдернув кепки
С бритой головы.
Я уходил —
Не оглянуться б только!
От грустных глаз
Укрыться поскорей...
Мы в юности
Небрежны и жестоки —
Стыдимся слез
И ласки матерей.
Чего жалеть мне было
В самом деле?
Ведь я —
Совсем свободный человек,
Уже давно,
Еще на той неделе,
С любимую поссорился навек.
И в сорок глоток,
Тишину нарушив,
Орали песни мы
Под звон струны,
Покуда уносили нас
Теплушки
Все дальше
От уральской стороны.
Поверх полей,
Предзимним сном почивших,
Среди лесов

И ягодных болот
Гуляя мой взгляд,
Еще полумальчишки,
Без горьких дум,
Без тягостных забот.
Лишь за заставой
Города-героя,
Когда состав
Границу проходил,
Я понял вдруг,
Что я —
Советский воин,
И Родина осталась
Позади...

II.

Я здесь бывал.
Тринадцать?..
Нет, побольше.
Почти пятнадцать лет тому назад.
Разбитая,
Разграбленная Польша
В следах войны —
Куда ни кинешь взгляд.
Я помню их,
Печальные руины —
Деревни, перемешанные с глиной,
Безлюдные,
Немые города.
Я к ним привык,
Пока дорогой длинной
Сквозь пол-Европы
Кочевал сюда.
Поля
В глубоких бомбовых воронках,
Где над добычей
Ворон пировал,
Глаза людей,
Читавших похоронки,
Я чувством пятилетнего ребенка
Обыденно,
Как жизнь, воспринимал.
Ковал народ

Тяжелую Победу,
И воевала
Вся моя семья —
Отец и брат,
И с госпиталем следом
Шли мать,
Сестра,
А вместе с ними — я.
Здесь —
В бредящих палатах
Госпитальных,
Среди бинтов
И стонов ранбольных,
Меня война —
Не мама воспитала.
Я сын войны.
Воспитанник войны.
В убежищах,
В захлавленных подвалах
Я темноты
Бояться перестал,
Лишь с каждым новым
Бомбовым обвалом
Все глубже,
Глубже
В землю прорастал.
А наверху,
Весь в почестях и славе,
Для всех слепых,
Контуженных,
Глухих
Я песни пел
И, бойко шепелявя,
Читал про счастье
Детские стихи.
В ребячий мир
Так нежно,
Так ответно
Бойцы тянулись
Всем теплом сердца,
Что были мне
Важней аплодисментов
Слова людей безруких:
— Молодец!

Был майский день
Сиренью весь окутан,
Глаза людей
Беспомощно влажны...
Здесь —
В польском городке
С названием Кутно,
Я проводил
Последний день войны.
.
Летел состав
В простор звонкоголосый,
Дым паровозный
В кольца завивал.
И мыслям в такт
Чеканили колеса:
— Ты здесь бывал.
— Ты здесь уже бывал...

III.

Разбитой,
Немощеною дорогой,
Мечтая о воде:
«Хотя б глоток»,
Въезжали мы
По улочке пологой
В зеленый старопольский городок.
Покрыты потом
В боевом учении,
Мы восседали в тряских кузовах.
На лицах пыль
Лежала серой тенью,
Скрипела в сапогах
И на зубах.
И вдруг
Во время краткой остановки
(Как будто нас
Ждала здесь много лет),
Одной рукой за борт держась,
Неловко
Вскарабкалась старушка
На лафет.
И из цветного

Фартука старушки,
Тяжелые,
С краснинкой по бокам,
Просыпались
И засияли груши,
И покатались
К нашим сапогам.
И в те дары
Впиваясь благодарно,
Так,
Что бежал по подбородкам сок,
Мычали мы:
— Дзенькуем бардзо, пани!
— Спасибо, мама,—
В десять голосов.
Наверно,
Ей мы были не чужие,
Как память о прошедшем...
И потом
Она кричала тоненько:
— Нех жие!
И мелким осеняла нас
Крестом.
Скрывался город
За зеленой чащей.
На ширь полей
Ложился полумрак,
А вслед колонне нашей уходящей
Какой-то враг
Показывал кулак.
Он вел себя
Предельно некультурно
И, видимо,
От злобы покраснев,
Вдогонку хрипло выражался:
— Курвы!
И напоследок
Вроде бы:
— Пся крив!
Нам жизнь сама
Антагонизм явила,
Который лишь по книгам
Был знаком,—
Старушкой,

Что крестом благословила,
И кулаком,
Грозящим кулаком...
Я крепко помню
Эту благодарность
И рядом злобный
Сволочной оскал
Врага,
Который слово «солидарность»
По западным помойкам
Затаскал.
Он не уйдет
От праведного гнева
Обманутых
Посулом веровским.
Я свято верю:
«Польша не сгинела»,
Коль память есть еще
В сердцах людских.
Не только сутью
Славянина близкой
И не соседством
Неба и земли
Сроднились мы —
Под сеньюobelisks
Поляк и русский,
Обнявшись, легли...

IV.

Еще не раз
Во время долгой службы,
Среди событий
Пестрой череды
Я познавал законы
Братской дружбы
И беспощадной
Классовой борьбы.
Не ради мести
Мною не забыты
Те фото
В караулке под стеклом
Солдат советских,
На посту убитых
Осенней ночью
В пятьдесят втором.
Не просто злоба
Против новой жизни
Убийц на преступление веда —
Им паутина
Национализма
Растерянные души
Оплела.
Но числа свой поступок
Благородным,
Они не понимали лишь того,

Что их «борьба»
От имени народа —
Предательство народа своего,
Что националисту
До фашиста
Всего лишь шаг,
А там — замкнулся круг...

Как ты живешь сейчас,
Товарищ Кшиштоф,
Мой дорогой,
Мой самый кровный друг?
Мы встретились
У переправы скользкой,
Сведенные солдатской судьбой,
Где наши части
Рядом с Войском Польским
Одним маршрутом
Шли в учебный бой.
Не будь тебя
В минуту эту рядом,
Как знать, остался б
Я тогда в живых
При взрыве нерасчетливом
Снаряда,
Который в небо
Поднял черный вихрь.
Покуда смерть
Случайная летела,
А я стоял,
Остолбевев слегка,
Ты сбил меня,
Прикрыл горячим телом,
Чтоб защитить
Уже наверняка.
Спасибо, друг,
За жертвенность такую!
Мне не хватает
Теплых слов и чувств,
Но надо будет —
На своем веку я
За жизнь твою
Своею расплачусь.
Ведь за мои
И за твои границы,
Прошедшие по Бугу
И по Нысе,
Отцы вели
Смертельные бои.
А нам придется —
Рядом станем биться,
Чтоб отстоять
Отечества свои.
Да, мир велик!
Но в нем взаимосвязан

Любой живущий
Присно и вовек.
И каждый миг
Ты должен,
Ты обязан
Знать, что за все в ответе
ЧЕЛОВЕК.
Не отгородят рвы,
Кордоны,
Стены
Чужую боль —
К тебе прорвется боль.
Как разветвленной
Нервной системой,
Оплетены мы
Общею судьбой.
И, значит, снова
Надобно сражаться
Не за свое богатство —
За умы!
Ни в бункере
Теперь не отлежаться,
Ни в космосе запрятаться.
Увы!..

V.

Кончался срок
Моей работы ратной.
И, предстоящей
Радостью полна,
Душа рвалась на родину
Обратно.
Там отчий дом.
Там мама.
Там — она...
Орchestra медь
Сияла, словно пламя,
Трубач в зенит
«Славянку» поднимал.
И я святое
Полковое знамя
Прощальными губами
Целовал.
Плечом к плечу
В рядах прямых и плотных,
Среди друзей,
Как братья, дорогих
Я в гулкий плац,
Где пролил столько пота,
В последний раз
Впечатывал шаги.
В последний раз
Солдатский харч отведав,
Уже в нестройной
«дембильской» толпе

Я шел к машине.
И за ними следом
Ворота задвигались КПП...

VI.

Никто не спал:
«Когда ж она, граница?»
И в тамбуре,
Где был погашен свет,
В крошечной тьме
Высвечивались лица
От бесконечных
Вспышек сигарет.
И лишь когда
Устали ждать солдаты,
Когда рассвет поднялся
Хмур и сер,
Вдруг на столбе,
Как зебра, полосатом
Проплыло мимо глаз —
СССР.
Все ярче,
Все сильнее рассветало.
Взгляд улетал
Далеко-далеко,
А за окном
Земля моя святая
Раскинулась
Привольно и легко.
Простор летел,
Сверкал и серебрился,
По льду поземкой
Солнечной струился,
Бежал по озерцу
И по реке.
А вот и город
Смутно проявился
Церквушкой золоченой
Вдалеке.
Здесь было все родное
В полной мере:
Вокзальная людская круговерть,
Киоск газетный
Из цветной фанеры,
Бегущие куда-то пионеры
И даже голос милиционера:
— Ребята, не положено шуметь!
Он сам себе
Казался очень строгим,
Надев на лик
Казенную печать,
Но вдруг во взгляде
Вспыхнула тревога
При возгласе:
— Качать его!

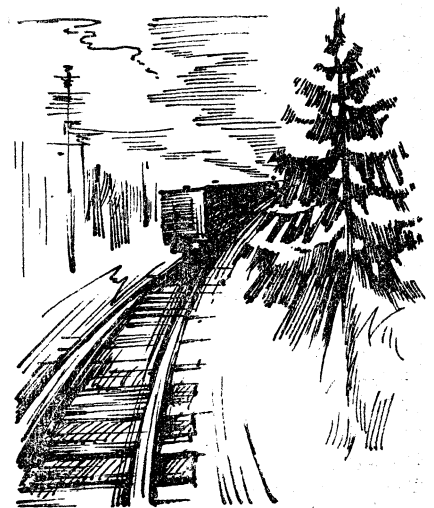
— Качать!
И всей братвой
Сердечно призывая
В его лице
Свою живую власть,
Мы старшину
Неистово качали,
Под синь небес
Подкидывая всласть...

VII.

Зима сдавала.
Холод шел на убыль,
Но ветер бился
В тонкое стекло.
Тепло избы
На водосточных трубах
Сосульками
Хрустально проросло.
И ранним утром,
Пробивая тропку
В снегу
На занесенный сеновал,
Хозяин видел —
День, хотя и робко,
А все же потихоньку прибывал.
Заправив пойло
Хлебную полову,
От сна еще красна
И горяча,
На сонное мычание коровы
Хозяйка шла,
Подойником брэнча.
Я тихо брел
По улочкам Сысерти,
И от опушек солнечных
Лесных
Настоем хвойным
Забияка-ветер
Мне доносил
Дыхание весны.
Жизнь продолжалась!
Жизнь была прекрасна!
И весь в лучах рассветных,
Трепеща,
День восходил над миром
Ясный-ясный.
Он счастье,
Он надежду обещал.
И песня
На простор сама просилась,
И я б нашел
Сердечные слова,
Но из открытой форточки доносилось:
Ливан...
Гренада...
Никарагуа...

«Любимый город
Может спать спокойно...»
Да как ему теперь
Спокойно спать,
Когда маньяки к новым —
Звездным бойням
Не устают
Бредово призывать.
И хоть нелеп
В расцвет цивилизаций
Такой призыв,
Но горестней всего,
Что все живое
Может оказаться
За той чертой,
Где нету ничего.
Земля моя!
Я тем лишь озабочен,
Чтоб стала ты и краше,
И мудрей.
Я твой поэт.
Я твой чернорабочий —
Один из миллиардных
Сыновей,
Впитавший боль
Расколотого века,
Кричащий,
Чтоб детей предупредить,
Я все же верю
В разум Человека.
И разум может,
Должен победить!

Рисунки А. Банных

КОРРЕКТИРОВКА

Борис ВАЙСБЕРГ

Приехала из Москвы съемочная группа. Будут снимать рекламный фильм о заводе. Меня вызвали в дирекцию и поручили сопровождать гостей. Консультировать их, связывать с людьми. Словом, оказывать содействие.

Я отказывался: не повременить ли? Так сказать, не скорректировать ли мне мероприятие? Ведь завод барахлит, планы не выполняются, в печати нас ругают. Ничего страшного, было отвечено, пусть снимают. Наверху разберутся. Ну что ж... И то верно: сверху виднее, успокаивал я себя. У дирекции могут быть свои резоны. С другой стороны — снизу тоже кой-чего заметно. Какие-то резоны найдутся и у рядового инженера. Как всякому солдату, положено мне знать свой маневр. Значит, придется проводить свою корректировку — при необходимости.

Окончательно усвоив себя, я двинул на проходную. Там ждал автобус с надписью «Киностудия». Медленно въезжаем на заводскую территорию. «Прямо, прямо, затем налево», — говорю шоферу, оглядывая своих подопечных, их вооружение. А гости с любопытством оглядываются по сторонам.

— Ну-с, что имеем новенького за последние годы, которые как птицы летят?

Это режиссер, старший группы, полный и веселый дядя. Имя-отчество у него такое замысловатое, что запоминается лишь к концу съемок: Эрнест Фосхатович. Лет пять-шесть назад, говорит, бывал у нас на заводе. Снимал тогда трудовые достижения передового коллектива.

— В прошлый раз, — сказал режиссер, — чувствовался подъем, если не ошибаюсь. А как сейчас настроение?

Шустрый дядя. Не ошибается, могу продолжить. Завод был занесен на Всесоюзную Доску почета, что на ВДНХ СССР. Лет шесть держали мы переходящее Красное знамя министерства. Не знали, что такое быть без премий. Своим вопросом режиссер берет быка за рога, ставя меня в затруднительное положение. Пока ужожу от прямого ответа.

— Присматривайтесь, сами увидите. Я человек не объективный, могу перехвалить... Почему вы приехали именно сейчас, а не раньше? И что собираетесь снимать?

Прибыли, отвечают, с опозданием. Съемки рекламного фильма о предприятиях отрасли запланированы давно. Однако планы несколько раз корректировались. «Как у вас в промышленности», — вставил режиссер. А снимать должны вот эти объекты. Подают мне список, согласованный с дирекцией и парткомом.

Паровая турбина Т-250, дизель-мотор для самосвала БелАЗ, станки типа ОЦ (обрабатывающий центр), газовая турбина ГУБТ, стенд балансировки роторов, передовые люди, сориентироваться на месте.

Все правильно, объекты имеют место быть. И все же очень неприятно оказаться гидом в подобной ситуации. Есть надежда: пока снимут кино, обработают пленку, смонтируют, за это время ситуация на заводе изменится в лучшую сторону.

Заведя гостей в музей, советую пока посмотреть стенды по истории завода. А я созвонюсь с цехами, все

выясню. Повод оттянуть разговор с режиссером. Не представляю, как отвечать на его прямые вопросы, которые, чувствую, скоро появятся. Не успел к ним подготовиться.

Звоню на сборку турбин. Занято. Там сейчас аврал, хотя месяц только начался. Как во многих цехах, здесь будут штурмовать до «тридцать пятого числа». Работа в счет прошлого месяца — такая пошла практика.

Недавно был на сборочном стенде, разговаривал с бригадиром Вениамином Зоринным. Машину пора отправлять заказчику, сказал он, а она еще не собрана и не испытана. Из цехов не поступили узлы и детали. В прошлом квартале отстали от графика на неделю, сорвали план. Нынче опаздываем уже на две недели, а дальше на сколько?

— Приходили из дирекции, ругались, грозили снять меня с бригадиров. А толку-то. Руганью дело не сделаешь. Нужны детали, а не крик.

Заметят ли все это мои киношники, думал я сейчас, накручивая телефонный диск. Люди работают, турбина собирается, а отставание от плана на пленке видно не будет.

Опять телефон бесконечно занят. Горячо там! Наконец ответил Зорин. Извинившись, коротко объясняя суть дела и от имени дирекции прошу подготовить стенд к съемке. И тут же плотнее прижимаю трубку к уху, хотя гости далеко и не слышат «голос народный», не предназначенный для широкой публики. Смысл все тот же: заделов нет, работаем с колес, а тут еще кино, бога в душу...

— Слушай, а может, они приехали из «Фитиля»? — спохватывается Зорин. — «Фитиль» — это хорошо!

Еще сказал Зорин насчет заделов. Они — лучший показатель здоровья производства, гарантия спокойной, ритмичной работы. Создаются заделы годами, как здоровье. Но растеряны могут быть очень быстро. Что у нас и случилось. Сейчас мы с тоской вспоминаем времена, когда держали в заделе почти полумесячный объем. А создавался этот объем так: цехам задавали чуть больше, чем планировалось заводу сверху. И никакие нежданности не могли выбить нас из колеи...

Со съемкой турбины договорились. Теперь решим с дизелем. Лучше всего звонить прямо главному конструктору Васильеву. Юлий Арсентьевич обычно мгновенно улавливает суть дела и так же быстро его решает. Злые языки полагают даже, что слишком быстро. Однако на фоне нашей нынешней медлительности в заводской жизни оперативность Васильева не кажется мне излишней. Лучший изобретатель министерства — с ним легко договориться.

Вот и сейчас он сразу уловил, что требуется для киношников. Уже вызывает, сказал, человека для консультации — инженера Белова. Дает команду подготовить стенд. И хорошо бы, добавил, снять эпизод, как автосамосвал, оборудованный нашим дизелем, соревнуется с иностранными машинами.

Вот это оперативность!

На сборке действительно ждал инженер Белов. И стенд уже готовили к съемке. Если бы так же быстро и четко налаживалось производство дизелей, как эта

рекламная шумиха, невесело шутим мы с Беловым. Давнее знакомство дает нам право на откровенность.

Тем временем гости разворачивают аппаратуру, ставят свет, целят камеры. Сборщики просят развернуть мотор боком, раскрыть картер, подвять коленчатый вал, опустить. В общем, изобразить трудовой процесс. Не мешают ли киношники работать? И без того тут «напряженка». Хотя и у гостей своя работа, и, надо полагать, нелегкая.

— Не переживай, — тихо говорит Белов, — лишний час погоды не сделает. Васильев сказал: пусть снимают сколько надо, дизель стоит того.

Да, мотор хорош! Могучий красавец — полторы тысячи сил, почти двести сил в цилиндре. Предназначен для БелАЗа грузоподъемностью 120 тонн.

Стоим с Беловым в сторонке, не мешая киношникам. Ему тоже любопытно эта картина. Снимают не просто машину, а его родное детище.

— Скажи мне, Володя, в чем дело? — спрашивает Белова, пока режиссера нет рядом. — Отчего худо работаем?

— Сам думаю над этим. Такое впечатление, что сильный, мощный завод разрегулировался. Понимаешь: раз-ре-гу-ли-ро-вал-ся! Бродя того, как бывает даже с испытанным и проверенным мотором.

Такое действительно случается: все системы в порядке, но согласованность между ними нарушилась. Много шума и дыму, полной мощности мотор не дает. Начинается вибрация, перегрев подшипников, возможна авария...

Развить дальше аналогию помешал режиссер. Он доволен, съемки идут отлично, начало положено.

— Хотите эпизод, который может украсить ваш фильм? — вспомнил я совет Васильева.

— Если небольшой — с удовольствием!

Допустим, так. Горный карьер. Из него появляются несколько могучих самосвалов. На одном ясно видна марка: БелАЗ. Мощности моторов у всех автомобилей примерно одинаковы, поясняет закадровый голос, на БелАЗе дизель Уральского турбомоторного завода. Теперь внимание: все машины дают полный газ, началась гонка. Медленно, но верно советская машина обходит «иностранцев». Шофер выглядывает из кабины, делает всем ручкой, что-то кричит. Ничего не слышно, грохот, пыль. Хорош кадр?

— А было так? — Режиссеру, кажется, поправилось.

Белов подтверждает. Недавно он вернулся с одного из карьеров, где проходили испытания дизелей. Рассказывал: наш мотор — зверь, даже в гору обходит соперников. Жаль, не запланированы съемки в карьере, досадует режиссер. Но ничего, что-нибудь придумаем, скорректируем план. Что у нас дальше?

Следующий объект — станок ОЦ, это здесь, близко. Ассистенты быстро перетаскивают аппаратуру. Такого чуда техники гостям не приходилось видеть. Станок снабжен целым конвейером с инструментами и механической рукой для замены инструментов. Все делается по программе.

Вот на станок поставили деталь — картер дизеля. Включили программу, пошла обработка.

Подбежал режиссер, у него свои заботы: хорошо бы показать связь рабочих с инженерами. Мы ведь инженеры? Да, но не того профиля, не технологи. Не имеет значения, нас снимут со спины и без синхронного звука.

Вместе со станочниками мы склоняемся над черте-

жами и что-то говорим. Показываем руками на деталь, на станок. И смех и грех! Не помню, о чем мы тогда говорили. Кажется, прямо спросили рабочих, почему плохо пошли дела. Привыкли к штурмовщине, отвечали, с ней даже лучше: долбачивают за сверхурочные. Да, по от этого страдает качество, стоимость продукции. Знаем, отвечали, но это не от нас зависит, есть на то руководители, да и ваш брат — инженеры...

Знали бы мои киношники, о чем идет разговор. Хорошо, что снимали без синхрона.

Все, на сегодня шабаш! Возвращаемся в штаб-квартиру, сиречь в музей. Ассистенты, свернув кабели и другие причудады, оставляют их до завтра.

— Итого снято два эпизода, — говорит Эрнест Фосхатович, — значит, у нас двойная радость. Не слышали на эту тему анекдотец?

Веселый человек, не заскучаешь с ним. Любопытно, какой фольклор в столицах?

— В вечернем институте вручают дипломы. «А у Иванова двойная радость, сообщают; он стал инженером и, во-вторых, завтра уходит на пенсию!» — «Зачем вам понадобился диплом?» — спрашивают товарищи. — «Понимаете, мне-то не надо, да жена подначивала: хочется быть замужем за молодым специалистом...»

Недурно. Полагается платить долг. Беру бумагу и пишу формулу: $(4в + 10ц) : 3н = 15с - 13з$. Что she означает?

Ответ: четыре водки плюс десять пива, деленное на три носа, равняется пятнадцать суток минус тринадцатая зарплата.

— Годится! — смеется режиссер, срисовывая формулу в блокнот.

Гости отбывают в «Большой Урал», я остаюсь в штабе. Поднимаюсь на второй этаж. Отсюда, через широкое стекло, хорошо просматривается территория. Люблю постоять здесь, мысленно пройдясь по заводским участкам, цехам, отделам. По курилкам и местам отдыха. Отсюда лучше чувствуешь пульс завода.

В последние годы стал этот пульс прерывистым, словно у больного. В иных коллективах царит уныние, скепсис, в других — равнодушие. Есть, разумеется, передовики и ударники, есть успехи и достижения. кое-что из этого будет снято на пленку. Однако план мы, очевидно, опять не выполним. Стало быть, «минус тринадцатая зарплата», над чем так весело смеялись наши гости.

Мучительно вот так смотреть и понимать, что некогда сильный производственный организм дает перебои. Разрегулировался, как выразился инженер Белов. Понимать и не в силах помочь.

На другой день подшефные явились с опозданием. Причину, сказали, объяснят после, а сейчас — на объект. Что у нас по плану? Стенд сборки паровых турбин. Вперед, на стенд!

Опять ставят свет, целят камеры, перенося их с места на место. Отсюда турбина не смотрится, здесь мешает станок, оттуда видны грязь, мусор. Добра этого стало, увы, многовато на стенде, да и на заводе вообще. Верный признак снижения технологической культуры. Наверно, это особенно замечают те, кто бывал у нас раньше. Интересно, заметит ли режиссер?

Время от времени он возникает предо мною и просит рассказать о турбине подробно. Недавно подобную машину наши шэфмонтажники запустили в Югославию. В музее есть грамота из этой страны. Годится, кивает Эрнест Фосхатович, для будущего текста. Что еще? Турбине первой на Урале присвоен Знак качества — как обычно, на три года. А теперь, также впер-

вые. — на пять лет. За все группе заводчан присуждена Ленинская премия.

— О Ленинской знаем, — говорит режиссер, — о трехлетнем знаке — старо, а вот о пятилетнем прекрасно. Запишем.

Бригадир Зорин спокойно руководит сборкой, выполняя команды киношников. Поднять ЦВД (цилиндр высокого давления), пронести его под потолком цеха на кране, опустить, надеть на шпильки, хорошо!

По лицу Зорина вижу: нет, не хорошо. То есть ЦВД лег нормально. Вся затея неладная, скорее бы уматывалась шумная компания, мешает работать и душу травит. Но он понимает, что к чему. Патриот завода не хуже других и сор выносить не хочет.

Снова рядом вырастает режиссер.

— Вот так и мучаемся ради нескольких кадров в сюжете. Слышали песенку репортеров? Мы поем ее на свой лад. Что еще интересного про турбину?

Не повернулся язык сказать в этот момент, что план по турбинам мы провалили. Недодали государству несколько машин. Для рекламы данная информация не годится. А вот такая, пожалуй, подойдет. По образцу этой турбины проектируется уникальная установка мощностью 500 тысяч киловатт — «полумиллионник»! И предназначен он для атомных ТЭЦ, первых в стране. Можно снять эпизод в конструкторском бюро. Там работают авторы проекта, лауреаты Ленинской и Государственной премий Дузин, Бененсон, Водичев, Тхор, Великович.

— Атомные годятся. Насчет КБ подумаем, всегда можно доснять. — Режиссер убегает, оставив меня в сомнениях.

В музее режиссер объясняет утреннее опоздание: просидели в приемной дирекции. Обещано было прийти в 9-30, сразу после оперативного совещания. Заключилось оно около 11 часов. Люди вышли какие-то взъерошенные, сердитые, доругиваясь в приемной.

— Что это за оперативка, которая идет не час, а два с половиной? На заводах мы бывали, но такого не видали. — в рифму произнес Эрнест Фосхатович.

— Возможно, решался очень важный вопрос, — защищаю я дирекцию. Все примечают гости свежим взглядом. И попали в точку. Заседают наши руководители подолгу. Копируем этот стиль и мы, рядовые. Замечаешь вдруг за собой, что говоришь чуть больше, чем требуется для дела. Появились у многих сомнения-колебания. Как в моих отношениях с киношниками, к примеру. Появились «разболтанность» — в смысле болтовни, «переговоры» — излишние речи. Не поэтому ли еще недодана часть тех турбин и моторов?

— Ну, добро, делу время, потехе — час, — заранее улыбается режиссер. — Что вспомнили из юмора и сатиры? Для затравки расскажу, к слову, об игре в оперативку, не слышали? В садике мальчик говорит: «Вчера папа пришел с работы и сказал: была оперативка, друг на друга рычали». Наверно, так: мальчик оскалил рот и зарычал на соседа. Вслед за ним и другие начали делать то же самое, стараясь кричать сильнее...

Гость со значением смотрит на меня: у вас не так ли? До подобной игры, кажется, не дошло. А на соседнем заводе — перешло, после сняли там директора. Кстати, от них мы услышали байку, которая должна понравиться гостю. Итак, ответный ход.

Уходит с поста директор, оставляет преемнику три конверта. «Если не направятся дела, открой первый конверт, я написал, что делать. Не поможет, вскрывай второй. И это не действует — открывай третий». Начал работать новый директор, скверно закончился год. От-

крыл конверт, прочел записку: «Вали все на меня». Валил. Не помогло. Взял второй: «Тасуй кадры». Перетасовал, мало толку. Раскрыл третий конверт, там записка: «Готовь три конверта».

Ах, как доволен режиссер! Сразу за блокнот. Пока он, записывая, не задает новых вопросов, я решаюсь.

— А вот еще юмор: ехали вы на передовое предприятие, а попали на отстающее. Смешно?

— Знаете, мы начали догадываться, — без улыбки сказал режиссер. — Пока ждали в приемной, листали подшивку вашей газеты. Там многое написано: отставание от планов, тяжелое финансовое положение и даже, простите, приписки. Заметили мы, конечно, и грязь в цехах, и отсутствие энтузиазма, и кое-что другое. На других заводах, где мы снимали, тоже не все ладно. Мне важно, чтобы объекты были не липовые. А остальное я доведу до своего руководства. Придется в сценарии изменить акценты, вот именно, скорректировать. Спасибо за откровенность. То-то мы чувствуем, вы чего-то недоговариваете.

Вот и хорошо — договорил. На душе стало легче. Гости отчаливают на отдых в гостиницу. Я остаюсь готовить фронт работ на завтра.

Потом случилась сцена, за которую было стыдно. Режиссер сказал, что пора снять человека на рабочем месте.

— В министерстве нам дали фамилию...

Он полистал блокнот. Наверно, назовет Н., подумал я. В верхах обычно знают несколько передовых рабочих, хотя они могут устареть. Увы, угадал: прозвучала именно эта фамилия. Однако мне положено быть объективным.

— Знаете что, давайте посоветуемся с цехом. Я соединю вас с секретарем партбюро, не возражаете?

Набираю номер телефона и передаю трубку режиссеру. Он объясняет собеседнику, для чего необходимо заснять Н. на рабочем месте. Потом долго слушает ответ, мрачней и поглядывая на меня. Я твердо держу нейтралитет. Трубка положена.

— Н-да, категорически возражает, причем сложно как-то объясняет: хватит повторять ошибки, человек растратил аванс, данный ему в свое время, неизвестно, когда расплатится, и так далее.

И еще, сказал секретарь партбюро, сверху недавно вновь предложили выдвинуть Н. на высокую награду. Но почти весь коллектив цеха высказался против. Человек он равнодушный к общественной жизни.

Тут и стало стыдно. За Н., за свою липовую дипломатию: вот бываем мы какие, патриоты заводские. При выдвижении Н. на первую награду многие, близко знавшие его, сомневались. Кроме высокого профессионализма ничем другим человек не обладал. За высокую квалификацию и большую отдачу выплачивают ему солидную зарплату. Пожалуй, выше, чем у всех на заводе. Это справедливо, и других поощрений не требует. Высокая же награда предполагает повышенные общественные и другие качества. Каковых там не наблюдалось. Однако последовало разъяснение: завод набирает силу, нужны «маяки», дабы на них равнялись другие...

Обо всем этом я кратко поведал режиссеру. Относительно другой кандидатуры сказал, что могу предложить. Шибанов Иван Григорьевич, токарь цеха топливной аппаратуры, лауреат Государственной премии, депутат Верховного Совета РСФСР.

— Если имеются сомнения, можем позвонить в партком, — добавил я.

— Не надо звонить. Мы все поняли, верим вам. Идем в цех, к объекту съемки.

«Объект» знаю хорошо. Шибанов олицетворяет для меня лучшие черты рабочего человека. Широкий взгляд на жизнь, на труд, заинтересованность в общих делах, юмор и оптимизм. Однажды на спор обогнал он новый автомат — станок с ЧПУ.

Гостям Шибанов не очень обрадовался. Как-то жаловался мне, что задержали по мероприятиям, заседаниям. Перед товарищами неловко. И вообще, можно прерваться в «говорящего передовика». Такие случаи имеют место. Сейчас условились, что Иван Григорьевич работает как обычно, а киношники, не мешая ему, снимают.

Вдруг Шибанов, остановив на минуту станок, попросил микрофон и произнес слова явно не на тему. Отказать ему не могли.

— Несмотря на то, что завод в тяжелом положении, у нас есть силы и возможности из него выйти.

— Каким образом? — спросил режиссер, видимо, увлекшись.

— Прежде всего изменить стиль руководства. Конкретно? Пожалуйста. Мы сейчас снова штурмуем, а почему? Уважаемый Уралмаш опять подводит нас с готовками. По его милости неделю сидели мы без работы. Дирекция плохо ставит вопросы в верхах. Это первое. Второе: надо нам поменьше бахвалиться успехами, когда они есть. Иначе получается перекося: небольшие достижения закрывают серьезные недостатки.

Молодец, Иван Григорьевич! Так и надо, по-простому, без дипломатии.

В тот день снимали еще один эпизод — с газовой турбиной ГУБТ, утилизирующей бескомпрессорной. Консультантом был Михаил Михайлович Ковалевский, автор этой машины. Бывший главный конструктор, он, выйдя на пенсию, остался консультантом и долго еще работал на заводе.

Турбина единственная из энергетических машин, рассказал Ковалевский, пока шла съемка, экспортируется в высокоразвитые страны: Японию, Италию, есть заказ из ФРГ. Используя давление доменного газа как вторичное, она производит крайне дешевую электроэнергию. Потому и названа утилизирующей.

В последний день съемок умудрился опоздать к подшефным. Прибежав в музей, увидел картину: Владимир Гребнев, наш инструктор передовых методов труда, занимает гостей. Показывает выставку инструмента, созданного заводскими новаторами. А они, гости, сориентировавшись на месте, как советовалось им в списке, снимают эту картину. Bravo, Гребнев!

— Мне продолжать или пойдете на завод? — спросил Гребнев, которому явно хотелось первое.

— Все это очень интересно, — сказал Эрнест Фосхатович.

Если так, то попросим инструктора показать и вторую сторону медали. Можно не стесняться, гости в курсе. Передовые методы труда стало тяжело внедрять. Поддержки сверху мало. На новаторов часто машут рукой. Оснастка изготавливается на четверть заявок, мы топчемся на месте. Выставка эта отражает вчерашний день, показывая не только достижения новаторов, но и громадные их возможности, которые используются на малую часть.

Пожалел режиссер, что не велось синхронной записи взволнованного монолога Гребнева. Эпизод сам по себе отличный и войдет в фильм. Не весь, конечно, а только начало — «первая сторона медали».

Все! На этом съемки закончены. В автобусе, по пути на проходную, режиссер без улыбки сказал:

— Так вот, теперь мне ясно, что вашему директору пора открывать третий конверт.

Несвело посмеялись. Я вывез дорогих гостей с завода. Попрощались не без взаимного удовлетворения.

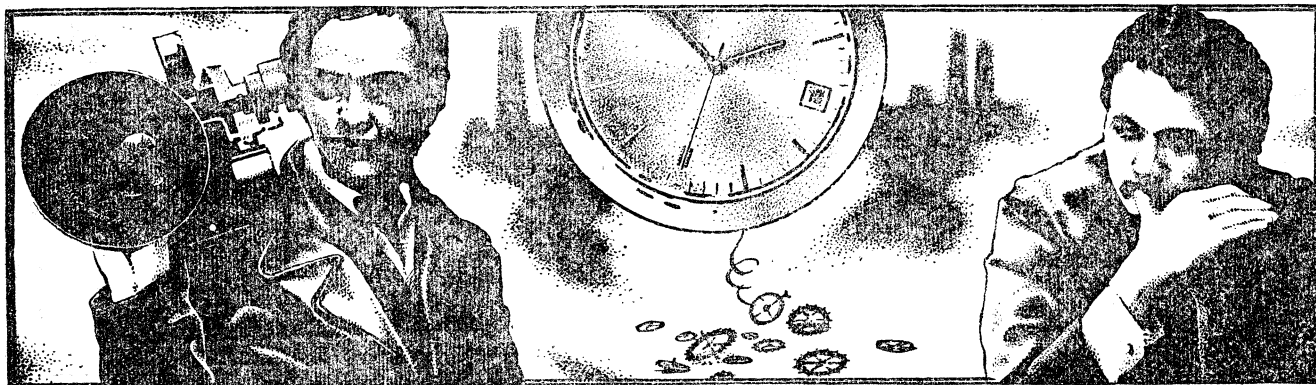
Да, тонко подмечено насчет директора. По некоторым признакам мы на заводе и сами догадывались. Согласитесь, от руководителя многое зависит. Скажем, начальники цехов нередко просили директора завода скорректировать им месячные задания. Он напомнил, что худо это, антигосударственная политика. Когда завод срывал годовой план, сам ехал в министерство и просил о... корректировке.

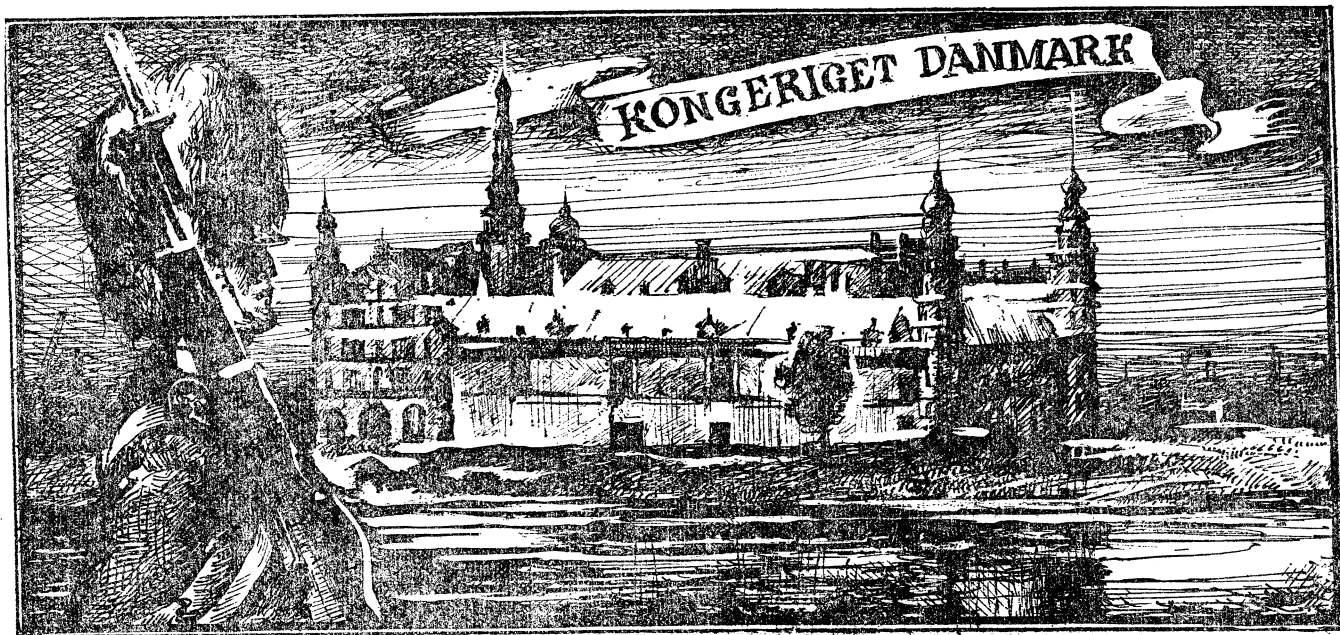
Так было и в тот год, когда презжали снимать рекламное кино. Снова обращение в верха. Но на сей раз там не пошли навстречу, напомнив, что это порочная практика. Вскоре была произведена окончательная корректировка: заменили директора.

В последнее время дела на заводе, не взглянув бы, пошли веселее. Хотя до полного подъема еще далеко, но все-таки идем вверх, а не вниз.

А фильма того я не видел. Наши смотрели, говорят — вполне в реальных тонах, совсем не плохо. Не наговорено ли лишнего, допытывался я, нет ли показухи? Нет, нет, все нормально, что есть — то есть.

Стало быть, мой режиссер, любитель юмора и сатиры, сдержал слово. План свой поправил, скорректировав в нужную сторону. Все-таки корректировка — вещь полезная, когда делается с умом и вовремя. Ну ладно, все хорошо, что более-менее хорошо кончается. Учтем уроки прошлого и будем надеяться на лучшее. Ради этого стоит жить и трудиться дальше.

СЕВЕРНЫЙ ЗАПАД

Путешествие
в три королевства

Николай НИКОНОВ
Рисунки Н. Кинева

КОРОЛЬ. КОРОЛЕВА. КОРОЛЕВСТВО... Вряд ли кому-нибудь сегодня эти слова кажутся причастными к нынешнему времени. Король. Королева... Ну, это, наверное, что-нибудь из области шахмат? Впрочем, и там королеву ныне именуют ферзем. А королевство — это уж вовсе из области сказок... «В некотором царстве, в некотором государстве...» Между тем страна, тянущаяся по берегу Северной Атлантики, и сегодня поистине длинная цепь королевства, где золотая корона, пожалуй, главная эмблема повсюду, а король-королева отнюдь не шахматные фигуры и не персонажи средневековых саг о рыцарях круглого стола.

КОРОЛЕВСТВО ДАНИЯ

ГЛАВА I.

Аэродром Каструп. Запахи датской земли. Размышление о предместьях и датчанах. Гостиница «Авеню». Бутербродный обед в рогатом ресторане. Березы в кадучках. Мясная лавка и другие магазины. Отношение к вещам. Госпожа Маргарет. Датские подпольщики. Фонтан Гефион и Русалочка. Пиво «Карлсберг» и церковь, которую строили шесть камеников. Хиппиленд. Прием в обществе Датско-Советской дружбы. Отношение к фирме «Северное перо».

Самолет, наш огромный ИЛ-62, еще плавно катится по ровной датской земле. За окном яркая зелень летнего поля, над которым вьются чайки. Ощущение странное: только что под нами стальной дымноватой и как бы копченой рябью ходила-стелилась бесконечная Атлантика, самолет качало, шли под крыло пасмурные слои северных облаков и казалось, долго еще не предвидится никакой земли. Но для небольшой страны, видимо, слишком расточительно тратить драгоценную землю на громадные пространства аэродромов и потому здесь самолеты заходят на посадку с моря. Кроме того, не поручусь, что на летном поле, разумеется, между полосами, что-то не посеяно или не посажено. Земля не должна пустовать, она обязана быть родилицей (или роженицей?), а уж кормилицей — обязательно. В Голландии, Бельгии, Дании это прагматическое понимание земли доведено до высшей степени.

Вот она — Дания! Ветер с океана треплет волосы, закидывает на плечо галстук. Пахнет морем. Кричат чайки. Остро-свежо зеленеет трава. А пасмурное небо кажется очень высоким и только что прописанным мокрой, непросохшей акварелью.

ДАНИЯ. Да, ты точно такая, как я и представлял по книгам, по сказкам, по принцу Гамлету, и в то же время в тебе есть элемент неожиданного открытия, непредсказуемости, как бывает всегда даже в новом месте, не только в новой стране. Вот хотя бы этот высокий сырой небосклон, серебряные на сером влажные тучи и ветер с морской солью.

Дания. Приветливые старички таможенники, с улыбкой принимающие наши паспорта и декларации. Старички в сине-зеленой форме таможни, с выпуклыми ромбиками на погонах, но до того нестрашные, несуровые, ненасупленные, не картинно-льдиисто-вежливые, как часто бывает, — что сразу теплеет на душе. Театр начинается с вешалки, страна с таможни. Никто не впивается взглядом, сверяя твою личность с документом, не лязгают железом турникеты, не бакают штампы. Все тихо, почтительно, деловито, с улыбкой. Идем мимо всяких досмотров, закрывается дверь та-

можни. Мы за границей. Нас ждет автобус и представитель Интуриста, который быстренько окидывает взглядом всех, точно считает по головам. Все ли здесь? В автобусе вместо гида огромный мужчина, — этаким рыжий кит или краб, если только киты и крабы попадают рыжие. У кита короткая стрижка, китовые усы, выпуклые глаза развехались далеко врозь и хотя бы бежать еще дальше с малинового лица, столь характерного для людей с оранжевыми волосами. Выясняется, замдиректора туристской фирмы, временно исполняет обязанности гида, точнее гидессы, с которой мы еще встретимся в гостинице. Кит говорит на удивительном англо-датско-польско-русском языке. Про себя решаю, вероятно, он выходец из Польши. Очень оживлен, очень громок, но понять хоть бы половину сказанного можно, тем более, что сопровождающая нас от Интуриста леди ленивенько переводит фразы с английского.

Дороги из аэропортов, наверное, одинаковы во всем мире. Они самые ухоженные, напоказ и на чистоту, на отделанность и благоустройство. Вспоминаются наши дороги на Внуково, Шереметьево, Домодедово или Свердловское Кольцово. Дания не исключение. Все так и блестит и блещет, насколько можно блестеть под пасмурным небом, редким дождем и серым ветром, сгибающим вершины-кроны каштанов, буков и дубов, платанов и ореховых деревьев. Все это на обочинах, быстро мчится рядом с нами. Замечаю, что зелень здесь отнюдь не северная, скорее южная, но ведь и это не природный натуральный лес. Таких, думается, уже нигде не сохранилось на Северном Западе, как вымерли здесь давным-давно волки, медведи, лоси, филлины, перевелись коренные «тутошние» звери и даже насекомые, а лес, конечно, саженный, деяние руки человека, равно как здешняя фауна, за исключением, может быть, птиц и беспозвоночных, она тоже рукотворная: олени, лани, муфлонь, кабаны.

Долго рассуждать о лесах и животных не приходится, ибо мы уже в пригороде Копенгагена. Земля здесь ухожена и заселена в течение тысячелетий. Знаю, например, что археологи нашли поселения Хомо сапиенс — Человека разумного — древностью в пять тысяч лет, а ведь тут еще жил человек кроманьонский, человек неандертальский. Рукотворная природа, однако, не глядится слишком очеловеченной. Ведь ее творили поколениями и тысячелетиями, вот почему дубы лет по двести, такие же буки и клены глядятся выросшими вольно и самодавно. Они живут скупыми соками песчаной и глинистой датской земли — тот же самый немецкий «лэм» или русский суглинок, — но радение к ним и любовь поколений даруют им редкостное долголетие. Я знаю, что в Копенгагенском королевском парке до сих пор живет дулистый дуб, подаривший Андерсену сюжет для сказки «Огниво», и надеюсь поглядеть на этот дуб. Вдруг и меня он одарит какой-нибудь исповедью. Как звать. А в этой древней стране, где будто бы и небеса и деревья дышат тайнами и сказками, как крыши башен и шпили домов, церквей, может быть, и объявится снова ведьма, желающая достать волшебное средство, а я, пожалуй, соглашусь спуститься в то дупло, как андерсеновский сол-

дат. Сказки ведь повторяются. Сказки подсказывает жизнь. Все это приходило на ум, пока глядел на приближающийся город, на бегущий назад и мимо пояс вилл. Черепичные крыши краснели в мокрой зелени, и мокрые цветы приветствовали нас из каменных рабатов.

Мой уже достаточно искушенный в индивидуальной застройке глаз отмечал, что дома в Дании не столь разнообразны, не так выхолены, раскрашены, как в Бельгии, где дому и домовому молятся на коленях с кистью и щеткой в руках. В предместьях Копенгагена преобладал, если можно так назвать, деловой стиль виллы, усадьбы, газона, декоративной каменной стенки, — все прочно, тщательно, хорошо подогнано, зелень подстрижена, деревья напоены влагой. Что же надо еще? Не так ярки, не веселятся краски фасадов? Не столь разнообразны лоджии, эркеры, балконы, вставки-фронтоны? Нет наружных лестниц и галерей? Но у каждой страны свой нрав и вкус, и чем дальше на север — спокойнее, как бы немногословнее, а строения отражают характер нации, как костюм суть хозяина. Даже окна в Дании смотрят не так, как в Голландии, в Голландии не так, как в Бельгии, в Бельгии не так, как в Люксембурге. Датское окно напоминает спокойно-пристальный взгляд рыбака, заметившего в океанской дали рябь рыбьего косяка или стадо китов-кашалотов. Может быть, и не так всё, но почему-то такая ассоциация рождалась, ведь и коренного жителя этой страны, полуостровом и островом вдающейся в океан, я очень искренне представлял непременно моряком-китобоем, непременно в зюйдвестке, непромокаемом плаще, морских сапогах, видел его красное, обгорелое, овеянное всеми ветрами лицо, непременно с голубыми, ближе к полированной стали, глазами в рыжих ресницах. Разве не прав? Заранее извиняюсь перед датчанами, но ведь в чем-то и прав, наверное, — есть этот датский тип, характерный для островного и побережного народа, есть у мужчин, есть и у женщин. О женщинах будет еще черед сказать. Напомню, что и русских за рубежами весьма часто представляют такими иванушками, нос крючком кверху, стрижка под горшок, рубаха с петухами, в руках балалайка или матрешка — непонятный предмет для сомнительной гордости.

В Дании, говорит гид, нынче типичное, прохладное дождливое лето. Из-за этого меньше туристов, пустуют пляжи и недобирают клиентов гостиницы. Июль на всем Северном Западе месяц отпусков, затишья деловой жизни, зато самый ходовой и горячий месяц у владельцев отелей, кемпингов и разного рода увеселительных заведений, — успевай поворачивайся, делай свой гешефт.

В Копенгагене мы оказываемся как-то внезапно, и он сразу покоряет меня стабильной простотой и тишиной, а лучше бы сказать, бесцетностью. Он глядится городом девятнадцатого века (откуда я знаю, какие тогда были города?), но все-таки отлично понимаю, что простота и несуетность почти двухмиллионного, самого большого в Скандинавии града мнимая, я лишь охотно верю в нее, потому что всегда кажется, что есть и должны быть такие города, где легко пишется, если жить не на шумной улице, а в скромном отеле вроде «Авеню», где мы и выгрузились.

«Авеню» — отель среднего разряда. Это не огромная супермодерн «Скандинавия», мимо которой мы проезжали, но и не «Серебристый лебедь», где весь штат состоит из трех человек, включая хозяина и хозяйку. В то же время «Авеню» гостиница самая типичная для Северного Запада, таких здесь большинство. Все спокойно, тихо, достойно, не слишком крикливо, но и не отстало от жизни. Прохладный холл с мягкой мебелью, полированными в матовый глянец низкими столами, в хрустальной вазе алые губы свежих роз, скамьи-банкетки обтянуты новым сукном. Предупредительный портье с улыбкой-стандарт. Бесплатные проспекты-путеводители по Копенгагену на английском, французском, немецком и японском языках, где повествуется, что можно посетить и посмотреть в городе за неделю. Наш номер на втором, а по-здешнему, первом этаже и тоже спокойный, удобный: сероватые обои в неясную клетку, двойная кровать, ничего лишнего, но и нет запаха комиссионного магазина, противных замытых пятен, прабабушкиных комодов-скрибанов. Ванная так и вообще блеск, пол и потолок в ней отделаны каким-то оригинального вида пластиком с золотыми крупинками, вкатанными или вплавленными в его поверхность. Краны и раковины в ванной модерн, не скоро поймешь, как они действуют, а напоминают творения скульпторов-абстракционистов. Следует признать — сантехника здесь на высоте, над ней думают, постоянно улучшают внешний вид и конструкцию так, чтоб она не текла, при малом объеме давала иллюзию водопада, не трубила дикими голосами, не пела полночным дьяволом, отпускала воду экономно, была приятна на взгляд и на ощупь. Дальше я еще скажу об этом оборудовании, когда переедем в Швецию. Я лишь подумал, что в сантехнике скульптурный модерн, пожалуй, наиболее уместен, ибо эти краны и раковины вполне можно было бы демонстрировать где-нибудь на выставке модного поп-арта.

Было около двенадцати часов по датскому времени — разница с Москвой на два часа, со Свердловском на четыре, и свердловчане, то есть я и супруга, изрядно проголодались, в четыре у нас как раз обед. Датчане же, выяснилось, смотрят на обед иначе, он у них вечером, а в полдень нечто вроде английского ленча, который мы окрестили по-своему — «завтракообед». Совершался он в ресторанчике неподалеку от «Авеню». И ресторанчик был также из средних, с наличием чего-то общего для многих таких заведений. Общее было: полутьма, приглушенный свет, витражи-виньетки на окнах, достойный коричневый цвет мебели и обоев, крахмальные скатерти и салфетки, но кроме перечисленного и обычного он имел свою достопримечательность. Достопримечательности ресторанов — приманка для клиентов, и вот одни ресторанчики имеют экзотическую кухню, другие коллекции оружия, картин, каких-нибудь старинных предметов, карт, морских снастей и моделей парусников, собраний кактусов и экзотических растений, мало ли еще чего — все идет в ход. Достопримечательность данного в том, что он был весь (ей-богу, весь!) увешан рогами и рожками оленей и косуль — так что просто не верилось, откуда в маленькой, сплошь возделанной Дании такое изобилие пущь

даже бы вшей дичи. Неужто леса здесь начинены, напшпированы рогатым зверем? Дома у нас тоже были рожки косули, но одни-единственные. Помнится, отец убил на облавной охоте самца-рогача и привез этот трофей, которым очень гордился, вделал в медальон орехового дерева, не переставал любоваться. Урал, естественно, не Дания, лесов-просторов не занимать, все неоглядно, словно бы и не мерено, а вот косуль в изобилии давно нет. Откуда же здесь скальпы сотен животных? Выяснить, что и как, я не стал, вдруг и здесь косуля теперь такая же редкость, как на моей родине.

А вот датский «завтракообед» я хотел бы описать с точностью.

Он был вполне датский, не похожий ни на какие столы.

На зеленых капустных листьях, аккуратно постеленных на тарелочки, лежали странные полусалаты, полузакуски или как бы начинка для разнообразных пирожков, которые кондитер раздумал печь. Или заготовки для бутербродов? Тут были отменно, с бритвенной точностью, нарезанные крутые яйца, розовая ветчина, сыр, плавленый сыр, кубички мяса, палевые червячки-креветки, жареная камбала без костей, селедка со сладкой горчицей, селедка с сахаром и еще какие-то гастрономические чудеса. Все достойно. Всего понемногу, все свежее, но... непривычно. Непонятно. Русские глаза ищут хлеб. Где хлеб? Его явно мало. Военная скупая «пайка». А мне, водохлебу, еще очень хочется пить, воды же, кофе, чаю «к завтракообеду» не положено. Чай — кофе здесь пьют утром. Крохотная бутылочка сока или пива, на выбор, меня не устраивает так же, как алипудское угощение Лемюэля Гулливера.

После трапезы ощущение достойного голода, себя чувствуешь бедным кастильским идалго, кovyряющим в зубах натошак. У меня же почему-то ассоциация еще такая. Вот мое детство, подружка Верка, с которой мы играем «в дом», а в доме «обед» на кукольных тарелках, на листиках подорожника накрошена всякая всячина: морковь, ботва, зелень одуванчиков, грибы-поганки, кусочки глины. Сидим, обедаем... То есть подносим ко рту эти яства, и положено по правилам игры еще произнести нечто вроде «ням-ням-ням», а есть хочется по-настоящему, очень хочется есть в детстве...

На выходе из рогатого ресторана все оценивают датский ленч по-разному: одни хвалят, глаза выкатывают от восторга, другие хмыкают, третьи помалкивают, кривя щеку, четвертые закуривают. Табак, как известно, заглушает голод. В общем же «завтракообед» как в сказке: «по усам текло, а в рот не попало». Но, наверное, хватит распространяться о еде. Еда не культ, — перефразируя известного ильффовского героя, ведь мы приехали в Данию не обедать, или, вернее, не столько обедать, сколько смотреть, а для внимательного человека любопытного здесь много. Ну вот, скажем, по обе стороны от входа в ресторан в кадучках растут две березы, самые обыкновенные, если угодно, русские, только здесь они гости или пленницы — не поймешь, тощенькие, худенькие, с чахлыми веточками и листвой, и невольно вспомнишь, какие они белотелье, матушки, у нас дома, на

своей березовой родине. Есть связанное с этим и еще одно воспоминание. В Брюсселе, на площади у самой ратуши (или это было в Амстердаме? Память не может подсказать), я видел согбенную молодую березу, прикованную к земле чугунной цепью. Понять символику и смысл было трудно. Дерево в цепях? Да еще береза? На досуге я раздумывал, гадал так и сяк. Не нашлось другого объяснения кроме того, что вдруг эта береза уже убегала или рвалась куда-то в свои края (она и вершиной глядела на северо-восток), и вот поймали, вернули, приковали цепью. А она томится, клонится, как рабыня, и тоскует. Мнятся-снятся ей вельные леса, иное, более высокое небо, птичьи стаи, крылатая синь. Береза в цепях похожа на скованную женщину. Это уж так, мелькнувшее...

После сытного обеда полагается отдых. Но мы как-то не чувствуем необходимости в нем и решаем потратить время на двухчасовую прогулку по самодеятельному маршруту, то есть по принципу «куда глаза глядят». Принцип подкрепляем на всякий случай картой Копенгагена — есть в путеводителе-проспекте. Мы взяли его в холле у портье: Язык — немецкий. Кое-как его знаем оба и вот уже идем, сверяясь с названиями улиц. Все прекрасно. Улицы в Копенгагене точно соответствуют плану, хотя и не слишком прямые. А достопримечательности? Но я уже сказал, что для жадного глаза они на каждом углу. Вот, допустим, в двух шагах от гостиницы мясная лавка. На вывеске-фронтоне скульптурные головы быков, на славу вызолоченные вместе с рогами. Толстые, огромного роста женщины в белых балахонах до земли разгружают машину-холодильник, носят в лавку накрытые марлей противни. При ближайшем рассмотрении великанши оказались мужчинами, сбивал с толку халат-платье и белые колпаки.

Я не люблю мяса, во всяком случае не испытываю никаких гастрономических, тем более эстетических чувств при виде ободранных стелых мясных туш, иногда они бывают просто ужасны, наваленные в кузов машины или глядящие жуткими мертвыми глазами из витрины «Дары природы». Мясо ем, но всякий раз чувствую угрызение, хоть бы на дальнем плане, которое гонишь логикой — ели до тебя и после будут, а какой-нибудь живой добродушный теленок, бывает все-таки, стоит в глазах, когда вспомнишь, как тянется он к тебе за пучком травки, просто погладить. Глядит: «Эх вы...» Так вот, отвлекаясь от размышления, все-таки скажу: мясное изобилие цвело тут во всех видах этих филе, окороков, вырезок, рулетов, копченостей и колбас, так что витрина вполне напоминала творения старых мастеров-фламандцев, умевших изображать до страсти плотоядно все земное (и мясное) чувственное богатство жизни.

Идя дальше, мы рассуждали, что очереди в лавку никакой не было, никто не хватал колбасу целыми батонами, мясо стягами, окорок — окороками. Отсюда мораль, что либо все это весьма недешево и побуждает к умеренности в потреблении, либо в Дании множество вегетарианцев, к которым мы не раз безуспешно пытались себя причислить. Минувший «завтракообед» убеждал, пожалуй, в первом предположении.

Дальше был магазин инструментов. «Боже правый!» — старомодно хотелось воскликнуть мне. Каких только инструментов: слесарных, столярных, плотничных, малярных, садовых не было тут, не размещалось в витринах, стеллажах, по стенам — и даже! — на потолке. В Дании умеют ценить место под крышей. Здесь редко увидишь магазин на полкилометра, а чудовищ типа наших ГУМов, ЦУМов как будто нет совсем. Если гигантизм магазинов может быть и оправдан в самом центре столиц, то как горько бывает видеть, когда в новом магазине, именно таком — на тысячи квадратных метров, нетесно разогнана всякая мура, отделы дублируют один и тот же товар, ну, скажем, женские чулки или духи, хрусталь или фарфор. Все это называется расточительством. Здесь с датчан можно брать пример, ибо в Дании не станут держать ни одну лишнюю продавщицу, кассиршу, уборщицу, вспомним, что и отапливать-освещать огромный магазин стоит немалую копейку. И мелькнула у меня горькая мысль: от невданного, не меренного богатства строим мы километровые универмаги, тратим деньги, энергию, время, создаем излишние рабочие места. Капитализму такое не под силу. Капитал, создавший лишний магазин, давно бы вылетел в трубу. Законы экономики здесь не пахнут гуманностью, и плакать над разорившимся никто не будет, тем более садить на государственную дотацію.

Описывать без конца датские магазины нет смысла. Они такие же, как везде на Северном Западе, торгуют всем, что можно измыслить, что требует спрос и даже спрос, скажем так, извращенный. Но вот попался нам магазин весьма характерный, о котором стоит сказать. Это «Подержанные вещи». Нет, не комиссионный, как у нас, куда берут теперь только добро и дефицит, где приемщики напоминают чванлых принцев (принцесс) и злых волшебников. В копенгагенском магазине подержанных вещей продавалось все, вплоть до старых кастрюль, запаянных медных тазов, дверных ручек прошлого века, тут было и столовое серебро по сходной цене и какая-нибудь бронзовая ступка, кофейная мельничка, которой пользовались четыре поколения. Вещь создана. Она должна жить долго. Служить и служить человеку. В нее вложен труд, металл, дерево, время, энергия. Мсжет, и не скоро сыщется покупатель на старый медный таз, похожий на церковную купель. Но, как знать, — глядишь и — найдется. К тому же время не только старит, обесценивает вещи, оно, как ни странно, может увеличивать их стоимость. Об этом в Дании (только ли в ней!) хорошо помнят. Для примера: на Монпарнасе, в Париже, в самом фешенебельно-богемном квартале, рядом с огромной башней — модерн черного стекла, змеисто отражающий лак и никель мчащихся авто, а ночью огни наподобие какого-то блудного сияния — есть ресторан, где мне довелось не однажды обедать. Ресторан трехзальный, два нижних этажа обычный, скажем так, суперлюкс, а верхний большой мансардный зал представляет собой нечто вроде темной стилизованной конюшни или старинной таверны. Над столами тянутся древние коричневые балки, словно бы коновязи, изъеденные червем, изгрызенные лошадьми, висят старье-

престарые лампы с оббитыми абажурами, по стенам развешана сбруя, медные лохани, одежда не нашего времени, старинные желтые фотографии полузабытых актеров немого кино. Обслуживают здесь не хуже, чем внизу, под тарелками фирменные тисненые салфетки, отличные блюда, хорошее вино, а интерьер... Интерьер создан, очевидно, при помощи таких вот лавок, где хранят, покупают и продают все, все, все. Вдруг понадобится, хотя бы для фильма?

Чтобы закончить о копенгагенских торговых заведениях, опишу одно, тоже любопытное и характерное, тоже с товарами даже на потолке. Представьте себе книжно-журнальный киоск, увеличенный до размеров средней жилой комнаты. В этой комнате есть все, что требуется, как говорят, постоянно и на ходу. Газеты, журналы (скажем откровенно, для здешних потребителей и не только приличные), книги из разряда «чтиво», романы с продолжением, которые за три дня творил ранний Сименон, комиксы, переживающие, должно быть, период упадка, таблетки от головной боли, аспирин, сигареты, табак, жвачка, шоколад, пиво (баночное и недорогое, дорогое — в ресторанах). Что еще? Всякого рода справочники и проспекты, сувениры, открытки, дешевые электронные часы, авторучки, брекеты... Магазин торгует бойко, стоит на бойком месте, на углу, на перекрестке. Не захочешь, да зайдешь. Место для торговли здесь ценят особенно. Место — это деньги, успех. Торгуют до глубокой ночи, когда все другие магазины давно закрыты.

Магазины секса, которые оказались дальше, описывать не стоит, но сошлюсь на объявление в путеводителе по Копенгагену. В фирменной рамочке с черным силуэтом рога того дьявола, крадущегося куда-то на коровьих копытах и с трезубцем на плече, было написано буквально следующее:

«Если Вас не удовлетворили рядовые магазины секса, то заходите к нам, в наш магазин по адресу...» Далее адрес и телефон сего сверхвагнера, если верить вкрадчивой рекламе.

Побродив по близлежащим улицам, мы вернулись к отелю «Авенно», где ждала нас и медленно стекающую группу (не одни мы жертвовали двухчасовым отдыхом) гидесса по Копенгагену фрау (по-датски фру) Грета, она же Марго, Маргарет, как дама представилась нам. В обличии и речи фру Греты (или Маргарет) без большого таланта прорицателя можно было угадать женщину русского происхождения, наверное, из дворянско-купеческого сословия, — скорее последнее, чем первое, — из того слоя россиян, что покинули родину в юности, вместе с родителями и теперь осели по всему свету, натурализировались, насколько это возможно и где возможно, в том числе и в Дании. В отличие от многих русских даже второго, третьего поколений, живущих за границей и все-таки тянущихся к России, как тянется к свету и солнышку растение, пересаженное с вольного места в горшок и поставленное на чьем-то окне, эта мадам с первых слов заявила, что она датчанка, Данию любит, так сказать, безумно, и хотя она понимала, русское происхождение никак не скрыть, на вопрос любопытствующих, кто она и откуда, отвечала уклончиво и договорилась до того, что лишь ребенком «проезжала по России и

по Сибири». Ну, что ж... Человек, усиленно подчеркивающий свою национальность, всегда вызывает сомнение. Так истинно русскому не придет в голову доказывать, что он русский и что бабушка у него была русская, шведу, что он швед, поляку — поляк, немцу — немец, а датчанину, что он датчанин. Мадам же Грета почти каждую фразу начинала словами: «У нас, в Дании...» Или: «Мы, датчане...»

Может быть, Фру Грета и неплохой гид, знает свое дело, объясняет все напористо и заученно, однако, мне кажется, гид должен быть еще человеком, и человеком тактичным. Гидесса же вызвала у всех нас улыбку, с ходу заявив, что зовут ее точно так же, как датскую королеву. Ну, что ж, королева так королева. Меня, например, тоже зовут, как звали даже двух русских императоров, что же дальше... А дальше все мы очень скоро поняли, что в рассказах и пояснениях нашей гидессы гораздо больше, скажем так, амбиции, чем амуниции.

«Нас, датчан, пять с половиной миллионов, и все мы хотим хорошо жить... Хорошая жизнь — это прежде всего, как говорят французы: домик, садик, гараж и собака». Все такое прочее дальше с непрерывным: «Мы — датчане», «У нас — датчан...»

В группе мадам Грета выделила два-три человека, как бы достойных ее внимания, и обращалась обычно и преимущественно только к ним. В число их она безошибочно включила нашего руководителя, гишу Интуриста, девушку, занятую больше всего мыслями о красе своих ногтей, и еще кого-то, одетого с загранично-киношной грацией и претензией. Остальные, более скромные, замечались ею, но так, как замечают нечто неизбежное, полудосадное, не имеющее как бы законных прав на равенство и тем более на приближение хоть сколько-нибудь к социальному уровню гидессы. Меня, например, одетого в плебейский некожаный пиджак, да еще с моим нефотогеничным лицом и лесным загаром, она принимала, по-видимому, за путешествоющего шофера или грузчика и определила мне раз и навсегда последнюю ступеньку в своем табели людской иерархии. Когда я осмеливался что-то спросить или уточнить, дополнить, мадам Грета смотрела на меня так, как смотрят, допустим, на неожиданно заговорившую лошадь, и, понимая, что лошадь-то говорит по-человечески, все-таки отказывается верить ушам и глазам.

Тем временем разлинованный в сине-белые полосы автобус, которым управлял некто с апостольской лысиной и бородой, похожий, впрочем, также на цыгана-гитариста из театра «Ромен», (оказалось, что шофера и зовут по-апостольски — Павел), катился по копенгагенским улицам.

Копенгаген в общем-то типичный город Северного Запада, в нем много сходства с голландским Амстердамом. Временами я ловил себя, что постоянно вспоминаю здесь и старый Петербург. Город также глядел на нас подстриженным и ухоженным уютом парков, прудами в величавом обрамлении старых ив и серебряных тополей, утками и лебедями в каналах, пешими и конными монументами, главами церквей, одна из которых имела витую колокольню, наподобие толстого старинного штопора с позолоченным шаром

чуть ниже острия, ввинченного в серое копенгагенское небо. Церковь сия, как гласил путеводитель и твердо следующий ему гид, была воздвигнута в 1682 году.

Наконец мы выехали в центр Копенгагена, на площадь, по бокам украшенную тремя башнями под свинцово-голубыми кровлями. Здесь находится ратуша, здание фолькетинга — однопалатный датский парламент — и прочие учреждения подобного рода, все это украшенное световой рекламой, а башни, разумеется, флюгерами. Фру Грета заметила, что площадь ратуши очень красива ночью, но нам она понравилась и днем. Почти на всей территории площади, кроме, скажем языком нашего ГАИ, проезжей части, в павильончиках и киосках торговали пивом, прохладительными напитками, сосисками, разной закусочной снедью, которой заправляются на ходу или для короткого отдыха под цветными тентами-зонтами, у мраморных столиков. Площадь была живая, лишенная нарочитой парадности и помпезности, она, вероятно, отражала деловой стиль жизни датчан. Погуляв по ней и обтежав ее, мы отправились дальше и, оглябая пустое здание фолькетинга (парламент был распущен на летние каникулы), увидели на его ступеньках какую-то семью — муж, жена, вольно сидевшая с раздвинутыми коленками, и двое ребят — все они усердно ели бананы и махали нам.

Автобус вывез нас на другую площадь, королевскую, где снова мы вышли погулять и полюбоваться гвардейцами в мохнатых медвежьих шапках, синих мундирах и голубых штанах с белыми лампагами. Форма их красивая, хотя и несколько опереточная, — дань традиции, равно как опереточной была и островерхая узенькая будка-шкаф у ворот дворца, куда гвардеец мог спрятаться на случай непогоды. Гвардейцы, молодые бравые ребята, по-видимому, весьма привыкли к зевакам, к любопытствующим, потому что шагали прогулочным шагом взад и вперед у открытых ворот, не обращая на нас никакого внимания. Площадь образуют пять зданий, принадлежащих королевской семье. Все это сообщила нам мадам Грета, не забыв подчеркнуть, что ее тезке, королеве, 39 лет, что сейчас королева отдыхает, замок пуст и открыт для экскурсий.

— Коронаций у нас не бывает, — продолжала мадам Грета. — Когда король умирает, имя нового провозглашается с балкона вот этого дворца. Все это делается для удешевления, ибо коронация — дорогое мероприятие.

Мне хотелось узнать о движении Сопротивления, которое было в оккупированной фашистами Дании. Но гидесса старательно уклонилась от вопроса. Я уже сказал, что по социальной иерархии она отвела мне невысокую ступень. Мне же пришлось взять роль гида и рассказать группе заинтересованных, что Дания все годы сопротивлялась оккупации, рабочий Копенгаген даже объявлял всеобщую забастовку в знак протеста против комендантского часа. В условиях фашистского режима, под дулами пулеметов и танков он добился отмены этой акции, — случай невиданный для оккупированной страны. В Копенгагене и других городах Дании была создана подпольная армия сопротивления под командованием «генерала Йохансена». Мало кто знал,

что Йохансен, «генерал», за подписью которого выходили листовки, был простым рабочим газового завода, бежал из концлагеря, куда его заключило профашистское правительство Стаунинга, продавшего Данию немцам. Бежав из концлагеря, Свен Вагнер, так звали «генерала», организовал сеть подпольных групп и взорвал в ответ на фашистские репрессии огромный судостроительный завод «Бурмейстер и Вайн». После войны генералу-подпольщику буржуазное правительство Дании вынуждено было присвоить воинское звание подполковника.

Пока я рассказывал о всеобщей забастовке в Копенгагене в день святого Ханса, то есть 24 июня 1944 года, о баррикадах в городе, остановившихся трамваях и угрозах оккупантов, не справившихся с непокорными датчанами, автобус свернул с городских улиц и покатил к приморскому парку, где находятся две скульптурные знаменитости Копенгагена, известные всему миру.

Мы подходим к первой. Шумит вода, в лицо сеет водяную пыль. Четыре гигантских бронзовых быка, склонив могучие мокрые шеи, влекут плуг, которым пашет воду монументально-прекрасная в плотской мощи бронзовая женщина. Легит из-под лемеха клубящаяся вода. Дрожит над фонтаном розово-синяя радуга. В пене брызг свирепые быки готовы сокрушить все в своем неостановимом движении. Вот он, фонтан Гефион, о котором я столько читал, видел его в репродукциях и фильмах. Теперь водяной ветер брызжет мне в лицо, и я вспоминаю строки из древних скандинавских саг, из «Старшей эдды»...

Когда волшебница из рода богов Асов Гефион (по некоторым источникам, Гифеон и Гифеона) пришла в землю древней Швеции, она так пленила доброго и мудрого шведского короля Гюльфе своим пением и игрой на арфе, что разстроганный и влюбленный Гюльфе спросил волшебницу, что она желает получить в подарок? Лукавая Гефион попросила земли. Тогда щедрый король сказал, что даст ей земли столько, сколько вспашет четверка быков за один день и ночь. И волшебница, обратив в быков четверых своих сыновей, прижитых от великана, за одну ночь отпахала от Швеции громадный остров Зеландию, а в борозде родилась пролив Зунд, и поныне отделяющий Данию от Швеции.

Так повествует древний скандинавский миф. В общем-то, в любом мифе содержится зерно истины. Да, когда-то могучие силы Земли оторвали эту сушу от материка, и лишь народный эпос облек геологическую быль в сказочный образ. На острове Зеландия возник Копенгаген в начале второго тысячелетия, возникло и Датское королевство, включавшее, если верить древним хроникам, в свои владения земли в Англии, часть Германии, всю Норвегию, Швецию и Финляндию. Фактически это была вся Скандинавия под датским мечом. Громадное королевство. Оно охватывало, следовательно, почти весь Северный Запад. И остатки этой объединенности мы чувствуем и сейчас — и в жизни, и в символике гербов и флагов скандинавских стран. Впрочем,

Датское королевство и сейчас огромная страна. Вы не забыли, что в ее состав входит Гренландия, не так давно, правда, добившаяся некоторой автономии. В общем, как там ни суди, волшебница Гефион оказалась прародительницей страны, а значит, и Копенгагена, — вот почему с таким интересом разглядывали мы чудо-фонтан. Мой упрямый фотоаппарат «Зенит-снайпер», как всегда почти, отказал именно здесь, и я до сих пор сожалею, что не смог заснять фонтан Гефион во всем его великолепии. Впрочем, возможно, что это и сама волшебница не захотела позировать. Гефион ведь была очень своенравна, как все красивые женщины.

Отдохнув у фонтана, мы отправились дальше по усыпанному овальным морским окатышем берегу Зунда. Шли еще к одной достопримечательности Копенгагена и Дании — скульптуре «Русалочка». Вот она, эта зеленая бронзовая девушка с рыбьим хвостом, поджав колени, сидит на камне недалеко от берега. Русалочка печальна, и о ее печали сложил всем известную сказку Ганс Христиан Андерсен. История же скульптуры куда более прозаична. Известно, что датский пивной фабрикант, глава фирмы Карлсберг, так восхитился красотой одной из балерин Королевской оперы, что заказал скульптору Эриксену ее статую. Деньги делают все. Скульптура была создана. В 1913 году Карлсберг подарил ее городу. Первоначально статуя предназначалась для королевского парка, но целомудренный король (или королева) сочли, что обнаженная женщина в парке будет не совсем уместна. И вот «Русалочка» села на камне-скале недалеко от старой крепости и живет здесь уже семьдесят с лишним лет. Геннадий Фиш, автор талантливой книги «Скандинавия в трех лицах», сообщал там, что в пятидесятые годы еще жила в копенгагенском доме для престарелых сама балерина, служившая моделью скульптуры Эриксену. Тогда ей было восемьдесят лет.

«Русалочка» столь же характерна для Копенгагена, как Эйфелева башня для Парижа, а «Манекен икс» для Брюсселя. Этой удивительно небольшой скульптурой город и Дания гордятся. Изображение русалочки видишь всюду: на вазах, настенных тарелках, фарфоре, и уменьшенные копии есть во всех магазинах сувениров. Да, непредсказуема судьба творений человеческих рук. И, наверное, стоит ли поведствовать, что на русалочку совершалось покушение. Неизвестный злоумышленник отпил у нее голову и похитил ее. Но скульптор восстановил бронзовое чудо так, что шов даже не заметен. Русалочка по-прежнему осталась сидеть на камне-скале у берега приморского парка.

Обратно автобус еще долго везет нас улицами Копенгагена. Мелькают названия проспектов и площадей. Апостол Павел неутомимо крутит баранку.

— Дом, где жил Андерсен, — показывает мадам Грета.

А я вспоминаю, что видел подобный дом, на берегу канала в Брюгге. Там тоже жил Андерсен.

— А это еще один дом, где он жил...

— Здание биржи. Здесь делают деньги!

— Статуя короля Кристиана. Это основатель Дании. Это наш Рамзес Второй! — с гордостью сообщает мадам.

При чем тут Рамзес, египетский фараон, завоеватель, непонятно. Если говорить о величии Дании, то она наибольшую степень могущества имела при короле Кнуде I, когда в состав Дании входила Англия! И Норвегия. При правлении же Маргариты Датской под властью Дании по Кальмарской унии объединялись Норвегия, Швеция, Финляндия и Исландия.

Для меня, историка в прошлом, это были элементарные знания и сведения.

Дальше следовал пивоваренный завод «Карлсберг» — также своего рода достопримечательность Дании, претендующая как будто на мировое господство. Разве вы не замечали ее рекламу на стенках хоккейных кортов, на футбольных полях, на дорогах многих европейских стран? «Карлсберг». «Карлсберг», «Карлсберг!» Лучшее в мире пиво! Правда, такое утверждение я слышал и не только из уст фру Греты. «Лучшим в мире» пивом хвастают и другие фирмы в Бельгии, Голландии, Швеции. Иногда мне даже хочется спросить, а какое же «лучше лучшего»? В Дании конкурируют два пивных великана — «Карлсберг» и «Туборг». Пиво всех мастей: темное, рыжее, блондинистое, всех градусов — от почти безалкогольного до чуть ли не двадцатипятиградусного, если верить рекламе, и всякой консистенции — от весьма плотного, сытного, до такого, что кажется пожие воды. Прибавьте сюда раззолоченные упаковки, этикетки, наклейки. Усиленную пропаганду. Рекламу. На рекламу на Западе не скупятся. Она дает деньги. Она позволяет манипулировать сознанием покупателя. Начни, к примеру, долдонить, что данная вещь лучшая из лучших, пусть даже при среднем качестве, и постепенно внедрится же что-то похожее на убежденность.

Один мой знакомый, из породы завязтых шутников, смешал обычное пиво с шампанским и чуть ли не с одеколоном, угощал друзей, уверяя, что это «Чешское пльзеньское». Знатки возводили глаза к небу. Цокали, подтверждали. Шутник-хозяин хохотал, держась за живот. Потом хохотали все вместе. Реклама! Она ведь может быть и очень тонкой. К примеру, знаю, что старший Карлсберг, основатель фирмы, скупал произведения искусства, главным образом подлинники античной скульптуры, римские копии, построил галерею для этого собрания, глиптотеку, у которой еще будет сказано подробнее, знаю, что и сейчас фирма «Карлсберг» поощряет искусство, выделяя датским писателям и художникам денежные субсидии. Конкуренция «Туборг» старается не отставать, отдает (или взывает?) некую толику с каждой бутылки на развитие науки. Так пиво содействует искусству и техническому прогрессу. Не правда ли, — это трогательно? Соединение приятного с полезным и даже с возвышенным! Итак, пейте пиво «Карлсберг» или «Туборг» — вы передовой человек, вы способствуете процветанию. Страны или пивоваров, это уже, как говорится, другой вопрос.

Опять дом, где жил Андерсен.

Вопрос из глубины автобуса:

— Скажите, пожалуйста, что он так часто менял квартиры?

Реплики из тех же глубин:

— Бегал от долгов.

— Не от долгов, а от кредиторов.

— Полно, он был богатый человек.

— На сказках не разбогатеешь. Мне вот за книжку в полтора листа заплатили — смех сказать...

— Но ведь вы не Андерсен.

— Пишите толще...

— Ха-ха.

Ответ мадам Греты:

— Он был холостой и менял место жительства.

— Все правильно, — слышится из глубины. — Датская пословица говорит: холостяк тот, кто каждый день приходит на службу иной дорогой...

Общий смех.

Далее перед нами огромная, похожая на чудовищных размеров орган церковь Грундтвига, — постройка нынешнего века.

Здесь мы выходим из автобуса, пора поражаться и потрогать архитектурное диво из светло-желтого неярких тонов датского кирпича. Такая здесь глина. Фру сообщает, что церковь строил архитектор Енсен-Клинт, а работали всего шесть мастеров-каменщиков с 1921-го по 1940 год. Деньги на строительство собирал народ. Не отсюда ли вообще пошло слово «со-бор»? Простенькая догадка, а вот не приходила в голову. Архитектор не дождал до завершения постройки, умер в 1933 году. Прах его захоронен в стенах светло-желтого датского кирпича. Здесь вложено 3 миллиона кирпичей. Дело отца продолжил сын, украшали собор и ставили внутреннее убранство внуки.

Церковь внушительна, особенно своей высотой и какой-то предельной отточенностью, иначе не скажешь, кирпичной кладки. Глядишь, трогаешь эти кирпичи и думаешь: «Да, умеют работать датские мастера. Руки у них золотые». Мадам Грета сообщает, что в постройке нет железных деталей.

Ну, церковь — это памятник Богу, Труду, Мастерству, Народной щедрости, так или иначе она украшает Копенгаген, а вот мы проезжаем мимо другого «памятника». Длинные, похожие на бараки или казармы, дома. Кирпичная стена. Ворота без створ. И все это: крыши, стена, ворота измазаны, исписаны мелом и красками и испакощены рисунками. «Хиппиленд!» — читаю я повторяющуюся надпись. Страна хиппи. У ворот казармы (это они и были в прошлом) на берегу канала с грязной водой тощие, долговолосые фигуры. Парни, девчонки в драных юбках, в заношенных джинсах, майках. Неизбежные сигареты, тупые, бездумные взгляды, запущенность, порок, лень, болезни — все это видишь, как отпечатанное, на лицах обитателей «страны».

— Хиппи теперь не популярны, — говорит мадам. — По-

тому что у нас, в Дании, любят работать, а они бездельники. Но из казарм их никто не может выгнать.

Хиппи, панки, еще какие-то фигурно стриженные личности с глазами параноиков и наркоманов, — не есть ли некое извращенное забудыжничество, да еще подаваемое как социальный протест? С ним сталкиваешься везде и всюду по берегу Атлантики, и диву можно только даваться, как дома, в России, видишь подчас недорослей и недоумков, старательно копирующих иноземную дурь. А дурь эта липкая и заразная, из нее, как из волшебного семени (поселянного отнюдь не добрым волшебником), растут разгильдяйство, грязь, лень, всякого рода подонство. Конец же всегда один — жесткая скамья за переборкой, отделяющей от зала. И что-то хотел бы, да не видел я среди подобной братии ни патриотов, ни тружеников, ни просто нормальных порядочных людей. Семя злого волшебника дает ядовитые и чахлае всходы.

Вечером мы были в доме Общества датско-советской дружбы. Нас принимали активисты общества. Датские коммунисты. Водили по трехэтажному прекрасному зданию, знакомили с библиотекой. Семь тысяч томов русской литературы. Теперь к ним прибавились и три моих книги, которые я выслал новым друзьям, вернувшись домой. Радужные датчане угощали пивом и бутербродами, легким сухим вином. Произносились тосты, спички и речи. И даже я не удержался, сказав, что вырос на андерсеновских сказках и «каплях Датского короля», которыми меня поили во время бесконечных детских простуд. И по сей день я помню лакричный вкус и терпкий запах этого странного средства, лекарства тех лет, когда главным считался аспирин, а красный стрептоцид уже был средством чудодейственным.

На застолье вскоре стало непринужденно, простецки весело. Датская речь мешалась с русской, мимика с жестами. Уже обходились без переводчиков. «Не надо переводчика, — сказал Остап. — Я уже как-то стал понимать по-бенгальски», — припомнилась классическая фраза из «Золотого тельца». Хотя переводчик у нас был на этот раз свой и великолепный — доктор филологических наук Людмила Брауде успевала переводить и на датский, и на русский. Вечер завершил концерт датских комсомольцев, задумчиво исполнивших датские и русские народные песни и мелодии.

Поздно вернулись мы в отель «Авеню». Мы буквально валялись с ног — так устали за этот долгий-предолгий день андерсеновской страны. Теперь не было, наверное, ничего лучше датской кровати... Кстати уж о кроватях. В справочнике «Весь Копенгаген на этой неделе» им уделено большое внимание. Оказывается, датчане держат мировое первенство по комфорту «предметов для сна». Кровати, матрацы, перины, подушки — все здесь ЛЮКСИ! Датчанин не экономит на сне. «Мы любим хорошо поспать! — вещает фирма «Норд-Федер» — «Северное перо». — Отделения в 17 странах мира!» И тут же фото. Очень славная девушка розовым утром, сидя на кровати, плетет утреннюю косу, бретелька голубой рубашки съехала на нежное плечико. Реклама!

И мы воздали должное датской постели и фирме «Северное перо».

ГЛАВА II

Великие датчане. Гимн корове. Размышление о велосипедах. Дания сельская и фешенебельная. Замок Гамлета, где Гамлета не было. Датские животные. Фредериксбург — город в городе. Поющие старики. «Тиволи» и Вестерброгаде. Ночной Копенгаген.

«Копенгаген — это не Дания», — говорят сами датчане, хотя в городе с предместьями живет едва ли не треть жителей страны. Все великие датские писатели, художники, артисты, ученые жили или живут здесь, в Копенгагене. Андерсен. Торвальдсен. Нильс Бор, хотя бы даже известный всем в нашей стране художник-юморист Херлуф Бидstrup, правда, переселившийся из города в предместье. Предместья теперь престижнее центров с их суетой, дурным воздухом, шумом, опасностями в вечернее и ночное время. В предместья переселяются, пожалуй, повсюду, кроме моей страны, где в городах центр считается удобнее и престижнее, и объявление «Окраины не предлагать» считается чем-то само собой разумеющимся. Итак, Копенгаген — не Дания, но все-таки ее сердцевина, столица, мозг, духовное начало и средоточие ее национальной гордости. В то же время утверждение содержит и значительную часть истины, — ведь главное, что составляет суть датской экономики, а следовательно, и жизни — сельское хозяйство, мясное и молочное, отчасти и зерновое, ибо, согласитесь, хлеб даже при умеренно-датском его потреблении пекут из муки, а пиво, хоть «Карлсберг», хоть «Туборг», пиво двойное, темное, бархатное, светлое, горькое или еще какое-нибудь варят из ячменя. 3 миллиона голов крупного рогатого скота и 8 миллионов свиней в Дании приходится на пять с небольшим миллионов населения. Такая «плотность» скота на душу прожывающих, скажем так, весьма внушительна. К тому надо прибавить, что датские коровы знаменитой красной породы имеют отличные показатели по жирности и надою молока. Худую скотинку, дающую семь-восемь литров в день, держать здесь просто не получится, с такими коровами фермер разорится, вылетит в трубу при жесткой конкуренции крупных хозяйств. Спасать нерадивого, тем более лодыря, здесь никто не будет. Думай, крутись, напрягай все силы, вставай с зарей, ложись затемно. А потому на коров здесь молятся, — они символ успеха, богатства и могущества нации, главную долю экспорта которой составляют молочные и мясные продукты. Коровам ставят памятники, устраивают ежегодные выставки, рекордисток по удою и жирности молока продают за баснословные деньги. Выставки скота устраивают и в самом Копенгагене, на окраине, куда съезжаются сотни тысяч датчан. Средний надой датских коров от четырех с половиной до пяти тысяч литров в год. Коровы-рекордистки красной породы дают до 14 тысяч килограммов молока и, как следствие, 700 килограммов великолепного, душистого, благоухающего лугами датского масла. Жирность молока колеблется от 4,5 до 7 процентов! Как тут не поставишь монумент! Как не согласишься не помню уж с чьим смелым утверждением, что молочная корова всегда будет ценнее для человечества, чем реактивный истре-

битель. Добрая, усердная, рогатая красавица вместе с белой бэконной датской свиньей, без преувеличения, поят и кормят страну. Свыше 20 процентов говядины, свинины, масла, сыра, молока идет в «десятку», и в первую очередь в Англию. В Англию испокон века, так что британские снобы высокомерно именуют Данию английской молочно-товарной фермой...

Эту лекцию, из-за отсутствия гида, я читал своей супруге, а также и тем желающим слушать, пока мы ждали автобус и обменивались мнениями, чем торгует Дания, на что живет, ведь лесов, нефти, руд, угля, золота и тому подобных природных богатств у нее нет или почти нет, земля в первозданном виде малоплодородная, как везде на Северном Западе, — песок, подзол, глина, камешник, подчас и вообще трудно понять, что такое, как, скажем, в Голландии. Но именно эти обстоятельства вырабатывали национальный характер людей, живущих на побережье Атлантики и на ее островах, учили датского крестьянина (и только ли датского?) изворачиваться в своем хозяйстве — ценить каждый клочок почвы, всякий клочок сена, работать над улучшением плодородия земли и скота, точно так же, как города изощрялись в ремесле, торговле, а с развитием техники и в машиностроении. Благо еще — под боком был кормилец-океан с его китами, сельдью, треской, лососем и угрем.

Копенгагенское утро было в разгаре, и мимо отеля мчался поток авто, а параллельно ему и рядом с ним по особой, более узкой дорожке, асфальтовой полосе, сверкал спицами непрерывный живой строй велосипедистов (и велосипедисток). Еще путешествуя по Бельгии, а особенно по Голландии, мы привыкли к виду множества велосипедов, но здесь, в Дании, было их еще больше, казалось, — весь Копенгаген сел на велосипед и куда-то мчится с ровной, отмеренной скоростью. Ехали девушки, женщины, парни, почтенные служащие, мчались старухи, как-то напоминающие существ на метле, катили целомудренные монахини в черных платьях, в белых крахмальных уборах с непредсказуемыми углами, многодетные матери спешили сразу с двумя, тремя детьми на багажнике и в какой-то корзинке у руля, крутили педали почтенные старцы — их было меньше всего. Старики — народ хрупкий. Больше запоминались монахини, глядя на которых, всегда думаешь, как им, бедным, горько, безрадостно, наверное, живется, хотя бесовские мысли, навеянные чтением, может быть, Дидро, убеждают в обратном, и еще запоминались старухи, потому что представить у нас бабушку лет семидесяти верхом на двухколесном коне просто нелепо. Велосипед у нас вообще словно бы потихоньку вымирает, — возьму даже период собственной юности, сороковые — пятидесятые годы, когда тульских и пензенских машин, при всей их тогдашней дороговизне и престижности, было на улицах куда больше, и сам я часто ездил на велосипеде в школу, по магазинам и на работу. Думается, что у нас велосипедистов в городах вытесняет трамвай, автобус, троллейбус, метро — все виды общественного транспорта, развитие куда сильнее, чем на Западе, к тому же и очень дешевые. Они удобны и для бабушек, которые влезают подчас в трамвай, а хотелось бы

сказать, вламываются с непредсказуемой силой, сходной с движением некоторых толстокожих, сминая все на своем пути, удавливая и властно озираясь в поисках свободного места. И худо бывает тому, кто не успел или промедлил место уступить. Для датчанки-пенсииерки трамвай и автобус весьма дороги, автомобиль требует дорожающего бензина. И вот бабушка пересела на велосипед. У причины есть следствие. У нас понятие старуха, просто женщина пожилого возраста как-то всегда почти сопрягается с тучностью, неповоротливостью, одышкой — всеми дополнительными бедствиями старости. В Копенгагене редко-редко увидишь толстую старуху, все больше этакие невесомые добрые феи мчались мимо.

А вот появилась с улыбками громкая, властная фру Грета. Подкатил автобус. Усаживаемся, разбираем места. Они в автобусах обычно закрепляются, так сказать, с первой посадки. Более опытные и бывалые захватывают места впереди и с лучшим обзором, на передних сиденьях меньше укачивает, малоопытные, скромные и новички получают места похуже, где больше трясет. Есть еще редкая категория людей, которые не могут себе позволить зайти куда бы то ни было, не пропустив впереди себя всех. Этим редким... Я хотел заметить, в жизни всегда приходится стоять и нести на себе большие нагрузки, но так как в автобусах места рассчитаны на всех, и ухабы на здешних дорогах и качка понятие условное — все, в общем, довольны. Ухоженность дорог обратно пропорциональна их длине. Плохая дорога — убыток. Об этом помнят. А расстояния здесь не российские.

Мы едем сегодня на прогулку по сельской Дании (та, что не Копенгаген) в городок Эльсинор, осматривать старый королевский замок Кронборг.

Пока мелькают уже словно бы привычные дома и улицы Копенгагена, приведу кое-что взятое на ходу из записной книжки. Все они, как говорится, «с пылу, с жару» и передают впечатления наиболее непосредственно и точно.

«Огромные толстые каштаны. Королевская библиотека. Здесь, как всюду на Северном Западе, все королевское. Королевский ресторан. Королевский мост. Парк. Королевский датский фарфор-порцелан. По разрешению королевского датского двора. Или вот реклама фирмы мехов: «А. С. Банг — меха. Поставляет меховые изделия для королевского датского двора с 1817 года. Имя, которое сделало датские меха всемирно известными».

«Мне, россиянину из края соболя, куницы, выдры, горностая и других ценно-бесценных пушных зверей, хочется только улыбнуться. Фирма «Банг» наверняка без них не обходится».

«Огромные тумбы. Это причалы. Два века назад здесь было море, и тумбы сохранились. Теперь в них цветы».

«Мадам Грета сказала, что у этой улицы-канала имеются две стороны: приличная и неприличная».

И еще:

«Этот старинный склад переделан под гостиницу. Очень дорого, но очень популярно... Здесь недавно были туалеты, а теперь — сувениры...»

«Дания состоит из песка и глины»,— мадам Грета».

«Омар Хайям в своих «рубан» сообщил, что и мы стоим из того же,— заметил я. Грета не поняла.

«Стоимость среднего дома один миллион крон!»

«В Копенгагене есть шведская церковь Густав-кирх». «Магазин «Самарканд!»

«Пиво здесь пьют часто прямо из бутылочек».

«Университет Копенгагена — 28 000 студентов. Всего в Дании 5 университетов».

Грета сказала: «С 7 до 14 лет у нас принудительное обучение».

«В Дании есть церковный налог. Платят его 95 % населения (очевидно, по желанию). Но верующих мало»,— изречение мадам Греты».

«Более съедобные коровы»,— мадам Грета».

Пока просматриваем записную книжку, припомним, что замок Кронборг, он же и крепость, находится на берегу пролива Зунд. Именуется часто замком принца Гамлета. Общеизвестно, что никакой Гамлет никогда не жил в этом замке. Да он (замок) и построен в более позднее время, чем описан Шекспиром. Но все-таки Кронборг традиционно считается гамлетовским. В день святого Иохансена (а порусски или украински Ивана Купалы) здесь во дворе замка, как в некоем театре на открытом воздухе, дается представление по пьесе Шекспира при огромном стечении жителей Эльснора и конечно же массе туристов. Часто приезжают знаменитые актеры. Словом, это своего рода Шекспировский праздник на датской земле, который вошел в традиции.

В подземельях замка, по народным преданиям, спит богатырь Хольгер. Хольгер пробуждается лишь тогда, когда всей Дании грозит опасность. Это как бы кочующее предание о народном защитнике, олицетворении силы самого же народа в трудный час, а Хольгер — датский Илья Муромец. Теперь в подвалах замка есть и скульптура спящего богатыря.

Это были мои теоретические представления о замке, по дороге к которому катил наш автобус.

Справа море в серебряных блестках, в малахитовой глади волн, кажется, что это плещет, играет сельдь, слева — «датская Ривьера». Взморье застроено. Дорогие виллы. Многие с гербами, с девизами на фронтонах. К сожалению, из-за скорости не мог прочесть и перевести. Но что-то такое, вроде прописей: «Труд кормит, а лень портит».

Справа пляжи, зеленые полянки с травой и серыми камнями-голышами овальной формы, над которыми веками трудилось море.

— Купаться до девяти утра можно бесплатно, с девяти — за плату, — вещает гид. — Надевай халат и беги через дорогу.

— У нас, в Дании, это самое дорогое место. Первый человек поселился здесь пять тысяч лет назад.

— Копенгаген можно сравнить с ладонью. Это центр и пять выходов из него, все соединенные кольцевой дорогой.

— Дания — деревенская страна. У нас все могут поехать в деревню. Смотреть коров. А также отправляем туда

детей. Детей берет хозяйка к себе в семью из городских селений бесплатно.

«Вот уж пропаганда так пропаганда»,— думаю, глядя на широкое, красное лицо гидессы.

— У нас каждый пятый человек имеет яхту, как и автомобиль.

Восклицания легковыхных.

— У нас дети должны уметь управлять яхтой и автомобилем.

Действительно, у причалов море лодок, яликов, шлюпок-моторок, есть и парусные, но ведь понятие «яхта» довольно растяжимое.

Сегодня на «датской Ривьере» солнечно. Облака снесло, и солнце щедро купает свои лучи в чистой, зеленоватой, ближе к изумруду, холодной воде Зунда. На той стороне ясно виден шведский берег. Постройки. Это Сконе, самая плодородная часть Скандинавии — житница Швеции.

— Мы против шведов воевали более ста лет, — говорит мадам Грета. — И когда Швеция отделалась, король велел заколотить окошки в замке Кронборг на ту сторону, где шведы.

«Что ж, — думаю, — одни цари «прорубали окна», другие заколачивали. Но все-таки более правы оказывались в конце концов те, что прорубали. Заколачивание окон всегда вело к лишней темноте для собственной страны».

Меж тем «Ривьера» кончилась, и пейзаж пошел совсем сельский: поля, пригорки, дубы, буки, мелкие перелесочки. Чем не родная Россия? Похоже. Похоже... Особенно на Россию старинную, холмистую. Но Россия эта как бы уменьшена в десятку раз и вся изрезана дорожками, пересекающими этот ландшафт. Есть и дорожки для велосипедистов. И опять во многих местах эта не свойственная нашей России проволока на столбиках. Частные владения. Пешеходов нет. Пусто. Белые, явно домашние гуси летят кормиться на море, выются над полями ласточки, как у нас, в Зауралье. Я все жду, не увижу ли где анста? Люблю аистов, но в Дании они, видимо, повывелись, они и в более низинной Голландии теперь редкость. Мало их стало в Прибалтике, в Белоруссии. Исчезает «черногоуз», гордая и мирная птица с обликом заколдованного сказочного Халифа. Гибнет на проволоках высоковольтных линий с непродуманно близко поставленными перекладинами, гибнет от гербицидов, от осушения болот и, может быть, вообще от наступающей людской суеты, шума и тревоги. Ведь и сам человек страдает от этого, животные же платят жизнью.

— Фру Грета! — прошу гидессу как можно культурнее и даже по-датски, язык близок немецкому и сорентироваться нетрудно. — Расскажите, пожалуйста, что-нибудь о природе Дании, о животных...

Опять взгляд в мою сторону с тем удивлением, с каким смотрят на заговорившую лошадь. На сей раз она говорит по-датски, но долг гида перевешивает:

— Наша страна состоит из пятисот островов, — заученно откликается мадам, конечно, без большой охоты. Мой вопрос словно непредвиденное нахальство. — Одиннадцать процентов земли у нас покрыто лесами. Много бука.

— А животные, звери? Дие тиере?

— Животных мало... Лисица... Мм... Крыса... Редко ядовитые змеи.

— Да-а. Говорят, что человек постепенно истребит все редкое и нежизнеспособное, — включается кто-то из группы с большим апломбом в голосе. — Останется крыса, ворона, таракан...

— А из людей — подлецы! — ядовито замечает кто-то еще.

Хохот.

— Да-а. Картина мрачная.

Неожиданно завязывается спор. Мадам Грета с удивлением и непониманием смотрит на шумных русских. До сих пор она, кажется, отказывала нам, пусть не всем, в элементарных мыслительных способностях. «Неужели они все-таки люди?» — тайная мысль и, конечно, непубликуемая, далеко спрятанная мелькает вдруг на лице этой баронессы и тут же гаснет. Нет, нет, не может быть! Они же из Совдепии. Варвары, которым приходится служить... Ну, что ж...

— А почему бы Дании со Швецией не построить мост. Здесь так близко, — спрашивает кто-то из дам.

— Зачем? — говорит мадам Грета. — Мы ездим в Швецию на пароме, без визы, и если у вас датский вид (понятно, что имелось тут: старомодно-дореволюционное название паспорта в России «вид на жительство») или внешность датчанина, то вас никто не задержит. Мост хотели строить, но не договорились, шведы хотели, чтоб мы, а мы — чтобы шведы.

— Почему бы не пополам? — спрашивает моя жена.

— Зачем? Мы в Европу попадем и без моста, а они — нет...

Категорично и ясно.

Замок Кронборг в Эльсиноре был почти точно такой, каким я его представлял. Кирпичные темные стены, ров с зеленой мутной водой, равелин над берегом с пушками в сторону Швеции. Внутри высокие, сумрачно просторные залы с каменными полами и дубовыми потолками из громадных брусев. Дуб морен временем, а может, взят из морских глубин. Тканые гобелены по стенам заменяют исторические картины.

Теперь из записной книжки, так сказать, живые впечатления от Кронборга:

«Потолки в залах из прямоугольных громадных бревен, метров по двадцать длиной. Где брали такие дубы?»

«Бронзовые светильники в нишах».

«Стены два с половиной метра в толщину. Как следствие — монастырские окна с решетками во двор».

«Дверь в королевскую спальню черного дерева, резная. Резьбой был покрыт и потолок. Теперь она снята. Камин из серого гранита в торцовых частях комнат».

«Королевская спальня. Кровать под крышей-балдахином. Спальни тогда почему-то делились на парадные, что называется, напоказ и более скромные, обычные. Утешает, что датчане спали все-таки лежа, а не сидя, как фламандцы и голландцы».

«Замыкает обзор королевская капелла-церковь. Она, пожалуй, наиболее вписывается в стены этого мрачного замка».

«Фонтанчик посреди каменного внутреннего двора. Крючья для дичи по стенам. Тогда в Дании еще были, очевидно, не только «лисица и крыса».

Покинули замок, пройдя через мост и еще какие-то древнего вида мостики, за которыми датская провинциальная пастораль: ивы с чеканной серебряной листвой, домики с черепичной крышей, уютненькими окнами, широкобедрые женщины, утки в прудочках и канавах. Облака, точно на расписном датском фарфоре... Старый Эльсинор. Старая, вечная Дания. Северный Запад.

— Теперь вы убедились, что Гамлет даже никогда ногу свою в Кронборг не ставил, — сказала фру Грета.

— И даже — Шекспир! — добавил кто-то.

Из Эльсинора путь наш в обратную сторону, но другой дорогой, через Фредериксборг — город, примыкающий к Копенгагену. Да что там примыкающий, если он фактически внутри Копенгагена. Город в городе. Однако все еще имеет самостоятельность и самоуправление. Что ж... «Чудеса рассеяны повсюду», — вспоминается крыловская фраза. Есть они и в моем городе, Свердловске, где город Верхняя Пышма давно уж ничем от столицы Урала не отделен, давно слился с ним, но есть, конечно, где-то рядом два дома, один из которых в Свердловске, а другой в Верхнепышминском районе. Да что там, в одном американском журнале видел я как-то снимок жилого дома, половина которого находится в США, а вторая часть — в Канаде. Как делают там гражданство, где проходит граница — не знаю.

Фредериксборг — скорее город-парк, голубые, приятной глади озера окружают его центр. По берегам ветер шевелит склоненные андерсеновские ивы. Прямо из воды на дальнем берегу встают кирпичные стены прежнего королевского охотничьего замка. Он и дал название Фредериксборгу. Замок гораздо более поздней постройки и потому не выглядит таким мрачно-древним, как Кронборг, где шаги Гамлета и тени королей в зубчатых коронах все-таки чудятся. Дворец в виде красно-кирпичного четырехугольника-каре венчают по углам башни с острыми шпилями. Плещет в доколь фундамента голубая вода. Замок словно плавает, ясно отражаясь в ней. Башни смотрят в белое небо. Опять вспоминается мне Ганс-Христиан. Всюду в Дании он преследует вас. Так и видится — худой, голенастый, высокий, в потертом камзоле, узковатое лицо, внимательные глаза вспыхивающего добряка. Андерсен. В королевском парке он сидит у бульвара, где играют дети, иные на его высветленном до золота бронзовом колене. Я уже писал про семисотлетний андерсеновский дуб с дуплом, про башни с часами на главной площади и башню с фигурой девушки, появляющейся там перед штормовой погодой, — словно из его сказок. А здесь, в Фредериксборге, родился «Гадкий утенок». Где-то здесь, в лопухах у фермы, вывелся он, чтобы,

претерпев все невзгоды, обернуться прекрасным лебедем и облететь весь мир. Лебеди в Копенгагене и Фредериксборге не редкость. Им пересташь вроде бы удивляться, но восхищение птицей остается. Оно выше привычки. Глядя на лебедей, следя за ними внимательно, всегда придешь к благоговейному восхищению перед творящей рукой природы. Как могла создать она такое диво изысканной точности, белизны и грации да еще пустить его по воде, дивясь словно бы своему труду в зеркальном отражении.

«Есть такие прекрасные лица,
Что дивлюсь я, взирая на них.
Как такое могло сотвориться
Из обычных молекул земных?» —

пишет поэт¹.

Да, природе можно дивиться. Гей, вы, художники, далеко вам, в лучшем случае, вы копнисты, только самым великим дается приближение к ее нетленному творческому началу!

Замок Фредериксборг из охотничьей резиденции королей превратился, по словам фру Греты, «в ваш Эрмитаж». Эрмитаж — не Эрмитаж, но факт, что он владеет порядочным собранием живописи и скульптуры, описать которое я, к сожалению, не успел по вине обыкновенной человеческой усталости. В отличие от всей нашей группы я один да следующая мне супруга беспрестанно черкали в блокнотах, хватаясь за фотоаппараты, досадовали вслух, коль не удавалось что-то заснять. На нас смотрели с любопытствующим сожалением. Наши блокноты были заполнены торопливыми каракулями, наши стило отказывались нам служить, выводя уже нечто вполне стенографическое, коль не стенокардическое. А экскурсия по залам Фредериксборга была столь стремительной, что я просто положил блокнот в карман, чтобы не искушать себя и не пытаться объять необъятное. Я предпочел просто задержаться у иных полотен великих мастеров прошлого, не пытаюсь о них рассказывать.

Духовная пища в конце концов всегда заставляет вспомнить о матеральной. Это отражалось на всех лицах, не исключая фру Маргарет. И мы пообедали в очень приличном, ухоженном кафе на открытом воздухе, все теми же датскими бутербродами, скупо запивая их кто глоточками пива «Карлсберг», кто пепси, а кто оранжадом. За соседними столами, сдвинутыми в одно длинное застолье, сидело странное сообщество, человек тридцать стариков и старух глубокого пенсионного возраста. Самым младшим из них было, наверное, лет по семьдесят, старшим — все девяносто. Старики были так громки, оживленны и бойки, что вспомнилась присказка о втором детстве. В возглавии этого стола был некто, еще более бойкий, в черном одеянии пастора. Оказалось, и в самом деле — пастор из Англии, путешествующий на досуге со своими великовозрастными прихожанами. Так же как и мы, они ели бутерброды и жареную камбалу, а потом, сложив салфетки, громогласным хором запели какой-то библейский гимн, не то псалом-благодарение, а пастор дирижировал стоя. Картина в общем умильная или умильтельная — вот это сочетание жирнень-

кого наставника-пастора и хоралом поющих старцев с лицами больше всего напоминающими поющих петухов или индюшек, если индюшки умеют петь. Она же, картина, напомнила мне известное творение Йордана «О чем свистят молодые, о том поют старики». Картина есть в Эрмитаже.

Жареная камбала была обложена палевыми червячками креветок, столь похожими на личинок жуков-дровосеков, которые, бывает, выпадают из расколотых поленьев, что моя брезгливая супруга не рискнула их есть.

— Что вы не едите креветок? — осведомился ее сосед слева в пиджаке-модерн, наш руководитель и опекун, отличный человек.

— Да я их боюсь! Я к ним не притронулась...

— Давайте их сюда! — деловито сказал он. — Я ужасно люблю эту пакость.

Мы как-то совсем незаметно вернулись из Фредериксборга в Копенгаген, а вечером отправились в «Тиволи». «Тиволи» — так называют знаменитый копенгагенский луна-парк (а по-нашему «парк культуры и отдыха»), гордящийся своей древностью, хотя древность, конечно, относительная, просто разве для сравнения с более молодыми заведениями такого рода, рожденными индустрией отдыха. Все-таки этому «Тиволи» 137 лет! В рекламе — все мыслимые удовольствия: качели-карусели, эстрады, театры, игральные автоматы, кафе, развлечения на воде (в «Тиволи» есть микроозерко и какие-то небольшие каналы). Есть даже своя гвардия «Тиволи», одетая по фасону гвардейцев из охраны на королевской площади, лишь мундиры и юбки иного цвета. Парк — мы обошли его весь, — в общем, не велик и давно стал тесен для людного Копенгагена и сотен туристов. Посещаемость его приличная и даже с лихвой, иные места и площадки напоминают толкучий рынок, слышится разноязыкая речь, крики, смех, кругом оживление, и мы даже не рассчитывали на то, что копенгагенцы столь общительны, но постепенно, вдумавшись в жизнь этого большого города, пришли к убеждению, что в маленькой стране, в условиях, где все или все почти — частное, где не отправившись на электричке на свежий воздух и ветер, в леса и поля, куда глаза глядят, и не станешь палить костров в любом месте, где тебе покажется удобнее, в таких условиях для простого небогатого горожанина, служащего, рабочего, лавочника некуда податься после тяжелого трудового дня, когда душа ищет отдыха, воздуха, развлечений, разрядки для нервов. А все это (кроме, пожалуй, воздуха) можно найти в «Тиволи». Влечет туда также и потребность в общении, проблема тяжелая и все тяжелеющая с течением времени. Горожанин замыкается, горожанин молча страдает в своем одиночестве.

Современный человек (и не только в Дании), оснащенный квартирой, телевизором, газетами, радио-музыкальной техникой, все более превращается в подобие благоустроенного моллюска, тихо живущего в своей раковине, а то и в рака-отшельника. Но если для моллюска природа определяет какие-то законы жизни, для человека, миллионы лет

¹ Из стихов В. Шефнера

жившего обществом, подобная ситуация оказалась одновременно и тягостной. И вот он выход: «Иду в «Тиволи»! В «Тиволи», чтобы в обществе себе подобных одиночества почувствовать некое расслабляющее тело и душу освобождение, пусть иллюзию избавления от одиночества, хотя бы иллюзию... Иллюзия и надежда — две опоры одиночества, его костыли.

«Тиволи» — парк платный, и я уж не помню, сколько стоит билет. Парк обнесен высоким забором, и, глядя на этот забор, я вспомнил в общем-то забавный эксперимент в моем родном городе. Есть в нем не один парк, но тот, что был в центре Свердловска, называется истари «Сад имени Вайнера». Также просто «Вайнера». «Поедем в «Вайнера», — была ходовая фраза, понятная всем свердловчанам и до войны и после нее (а сад-парк не закрывался и в суровые военные годы). Здесь были ухоженные песчаные дорожки, беседочки, скамьи и скамейки, летняя эстрада, танцплощадка, отгороженная особой изгородью из штакетника, и сам сад напоминал этот копенгагенский «Тиволи», разве что был поменьше. Так вот, пока сад был огорожен, продавались входные билеты и была плата за вход на танцверанду, где резво дудели трубы и бухали в барабаны эстрадники, в сад не было отбоя. Туда шли млад и стар, хотя младше шестнадцати по вечерам не пускали, а преклонные люди не ходили сами. Помню, как мы, великовозрастные дураки-акселераты, пробирались в сад, как могли, лезли через забор, драли штаны и локти о колючку, нам хотелось быть взрослыми, ходить по дорожкам, глядя, как более старшие счастливы выбирать приценивающимся взглядом гуляющих вроде бы скромниц с тихой улыбкой на крашенных губах, подстерегающих на свой вкус желанного добра молодца. Ах, как хотелось быть взрослым, когда глядел за решетчатую ограду веранды, под звуки вальсов там вращалась, кружилась толпа счастливых, взметывались и опадали юбочки модниц. Парк жил, парк процветал, парк давал пищу любви и знакомствам. И вдруг кто-то щедрый решил сделать его бесплатным. Сказано — принято! Снесли заборы, отменили билеты (кроме танцев), и сразу захла, потускнела посещаемость — вроде бы все должно было стать наоборот?! Сняли ограждение с танцулек... — и на них не стали ходить. Парк зачах, превратился в пустое, выморочное место, и одни тополя и липы, да нехарактерные для Свердловска старые дубы горюют о былом веселье и живой жизни, так кипевшей некогда под их кронами. Вот что такое человек и его непредсказуемые прихоти. Пожалуй, и с «Тиволи» дело будет обстоять так же, уберн изгороди, отмени плату, — не пойдут.

Видимо, учитывая такой нюанс, администрация или акционерное общество, владеющее «Тиволи», не только не собирается сносить входные турникеты, билетные будки и высокие заборы, которые, пожалуй, не перемахнешь, как бывало в том саду. Администрация «Тиволи», похоже, изо всех сил старается извлечь, привлечь посетителей, в первую очередь, конечно, туристов. К «Тиволи» жителей Копенгагена приучают (или даже приручают?) исподволь, с детского сада, утром и днем он бесплатный, парк для

детей, здесь есть даже няни, присматривающие за детьми. А для взрослых надо создавать не только развлечения, их надо залучать, эпатировать, удивлять! И вот то садовники «Тиволи» создадут «самую громадную в мире клумбу», то пекари испекут «самый большой в мире торт, размером с комнату» или батон длиной в пожарный рукав. Надо! Избалован зрелищами нынешний горожанин. И потому давно забыт завет древнего мудреца: «Лучшее — мера». Теперь везде другой завет, обозначу его так: «Лучшее — выше меры!». Может быть, сегодня это лозунг всей ускоряющейся планетной жизни. Лучшее — это сверх, это люкс, супер, модерн, ультракласс, — как еще? Вот примеры: цирк демонстрирует невиданные фокусы, звери уже действуют, как люди, а инье — говорят! Супердивы демонстрируют леденящие кровь формы, супермены-культуристы — ужасающие бицепсы. Все это так или иначе отражается на сценах и аренах «Тиволи», хотя иное на уровне прежней доброй старой балаганщины с «петрушками».

Пробыли в парке допоздна, пропустив через себя какой-то спортфестиваль, потом опереточное шоу, театр пантомимы, затем... — впрочем, голова и так гудела от всего этого светопрествления, фейерверков, мельтешащей толпы, видимо, и не только у нас, ибо вскоре наша рассеявшаяся по саду группа начала выбираться к центральному входу, а далее с облегчающим душу чувством мы покинули «Тиволи», вышли на достаточно шумливую, но все-таки не такую переполненную Вестерброгаде, — улицу, где, судя по анонсам путеводителя, сосредоточены многие копенгагенские вертепы, «нахтклубы», «дома свиданий», «сауны», «ателье» и все такое прочее, освещенные тревожным светом красных фонарей. Вспомнились вкрадчивые надписи реклам путеводителя: «Зачем в Копенгагене развлекаться в одиночку, если Вы можете нам позвонить?», «Вступайте в жизнь в ночном клубе! Самые холодные напитки и самые горячие танцы!». В объявлениях и рекламах чаще всего один адрес: Вестерброгаде. Вестерброгаде — улица длинная, идя ею, можно забрести очень далеко, в кварталы, где ночами гулять уж никак не рекомендуется. К тому же я часто вспоминаю мудрую восточную пословицу. Она гласит: «Любящий гулять по ночам когда-нибудь встретит черта!»

ГЛАВА III

Новое копенгагенское утро. Кое-что о мусоре и людях. День музеев. Кто же в Дании король? Музей Торвальдсена. Три грации. Два взгляда на творчество. Что такое глиптотека. Встреча с Помпеем, Агриппиной и Ве пасланом. Еще один музей. Довольно искусства!

Копенгагенская погода может озадачить любого предсказателя. По вчерашней заре ждался теплый безоблачный день, а сегодня с утра было хмуро, прохладно, дул ветер, почти осенний, сметая с тротуаров потоки бумажек, сигаретные пачки, окурки, клочья целлофана, которыми был замусорен центр города после воскресенья. Два желтых трудолюбивых уборщика (не знаю, как точно назвать маши-

ну — нечто среднее между катком для выглаживания асфальта и мини-трактором) резво бегали, крутили щетками, собирая весь этот хлам. Честно говоря, ждал от копенгагенцев большей чистоты и опрятности. Вспоминался такой же замусоренный в центре Амстердам. Но, как с ужасом говорят старожилы, теперь по всей Скандинавии, в столицах и крупных городах, такая вот засоренность, виной новые нравы молодежи, распушенность хиппи, студентов, приезжих рабочих и туристов, которые считают чуть ли не модой и правилом швырять на улицу все, что не надобно, плевать где попало, щеголять в драных одеждах, играть в юродов, босяков, бродяг и развратников — я бы подчеркнул, именно чаще — и грать. Не довольствуясь новеньким одеянием с новенькими заплатами, постепенно переходят уже и на старое, заношенное тряпье, тертые кофтенки, жамканные юбки. Однако, как думается, игра в богему, в разнузданность — опасная игра. Никто не предскажет, сколь быстро она, превращаясь во вседозволенность, отправляет юную душу ядом порочности и просто житейской грязи. Почему-то, что веками и тысячелетиями считалось между людьми нищетой и неряшливостью, стало вдруг модой? Не духовное ли обнищание проглядывает из всей этой ветоши, следы которой тщательно убирают сейчас две оранжево-желтые машины?

Не хотелось бы мне, гуляя по Копенгагену — встал опять пораньше и не выспались, конечно, однако надо успеть до завтрака использовать пару свободных часов, — не хотелось бы мне заниматься обличительством, становиться в позу моралиста, осуждая чужой быт, его издержки. Можно ведь и по-иному посмотреть на все эти тертые джинсы. Простота в одежде — вещь неплохая, даже необходимая. Рядиться в тысячные наряды, обвешиваться золотом — не другая ли сторона одной медали? Помнится, не так давно видел дома, в Свердловске, очереди за... золотом! Чуть свет у ювелирных магазинов уже крутились бойкие бабы, девушки, похожие на дочек купчих, бедные золотозубые цыганки — кипела мода и спрос на все, что из золота. Покупали, скупали, обвешивались, иные на манер новогодней елки. Мало одной цепочки, надевали две-три, кольца, перстни, подвески, серьги. Куда можно еще? Жаль, в носу не носят, не принято, а рискнула бы какая-нибудь посмелее, последовали бы... Что не вмещалось, клали в шкатулки. Одна моя знакомая сообщила с гордостью, что ее дочери молодой супруг уже «столько золота накупил!»

В тертых ли штанах, в майке с надписью «Кот-бродяга!», в золотом ли чванстве — веде проглядывает тусклый глаз мещанина, безразличный ко всему, кроме собственной персоны. Может быть, и не согласитесь, а все-таки подумайте на досуге... А нам пора в гостиницу, — уже далеко ушагади. Оживают улицы, густеет поток велосипедов, уплотняется, набирает силу, все больше катится желтых, красных, зеленых и голубых авто. Открываются продуктовые магазины и лавки. Вот, например, небольшая, меньше любого нашего магазинчика, фруктовая. Ящики-лотки громоздятся прямо на тротуаре, и чего только нет: спелые-переспелые сливы, зеленые и фиолетовые, с голубой паутиной,

клубника красная и такая же лиловая. Что за ягода? Наподобие огромной ежевики. Южные фрукты: бананы, апельсины, грейпфруты, персики, ананасы благоухают тропическим летним полднем. Все высшего сорта, качества. Здесь умеют показать товар лицом. Цены, скажем так, средние, не слишком дешево и не очень дорого. Такие цены англичане называют резонными. Покупателей — чуть, можно сказать, и совсем нет. Берем кулек огромных слив цвета глубокой морской воды, а меня мучает мысль; если нет покупателей, куда денут всю эту скоропортящуюся натюрмортную прелесть? Не могу ответить. Скажу только — торговать в убыток здесь не станут, любые продукты ценят и, значит, куда-нибудь пристроят на переработку, иначе лавочник — в данном случае отменно здоровая, розовая, как эти фрукты, датчанка — не сгал бы так приветливо улыбаться. Пожалуй, она — лучшая реклама своей лавки и лотков.

Мы возвращаемся в гостиницу как раз к завтраку.

Датский завтрак ничем не отличен от завтраков, которыми потчуют приезжих во всех гостиницах Северного Запада. Его называют европейским или еще континентальным (англичане), потому что Англия, по их мнению, не Европа, и завтрак у них другой. Мы же питались европейским завтраком по всему побережью — от Франции до Швеции и находим, что он довольно удачный, хотя проще русского, подчас смаживающего на обед. Вот он, датский завтрак: кофе или чай на выбор. Небольшой молочник на четверых с экономной порцией сливок, правда, густых, хороших. Толстые чашки белого фаянса, без всяких рисунков примитивно-грубой формы, есть в них, согласитесь, что-то вкусное, располагающее к питью, охлаждают чересчур горячее, долго держат тепло, не бьются, если нечаянно уронишь. К кофе булочка-стандарт, воздушная и хрустящая, еще кусок того длинного батона, что пекут километрами, сахар экономными кубичками — из одного нашего четыре датских, не объедайтесь сахаром, вредно. Масло, запечатанное в фольговую четвертушку, ложка клубничного (сливового) конфитюра в фольговой баночке. Это все. Редко, и это уж от щедрости, сыр или колбаса, нарезанные с пергаментной прозрачностью. Питайтесь. Не полнейте. «Не делайте из еды культа», — как говаривал Остап Бендер.

С завтраком наша группа справляется быстро, кроме всегда опаздывающих, никогда не спешащих. Они есть и здесь, они есть в любом, видимо, людском сообществе, а может быть, и не только в людском. В данной поездке это почтенная пара: он голубоглазый, всему радующийся, взвешивающий на мир с младенческой улыбкой поэта, она, о, эти вечные противоположности супругов! — ворчливая, ничем не довольная бабушка, которая все-таки считает себя молодой женщиной и повелительницей. Обозначим ее довольно сложным именем Серафима Кондратьевна. С Серафимой Кондратьевной, кроме мужа, нянчатся все, она, помимо медлительности, объединила в себе талант женщины, которой нужно всегда помогать и все объяснять. Нужно, например, объяснить, что молоко дают коровы, а коровы его делают

из травы, которая растет на лугу, где коровы эти пасутся. Ей нужно двадцать раз повторить, что Дания — королевство, но правит им не король, а королева... Очевидно, такая истина до сознания Серафимы Кондратьевны никак не доходит, потому что она в двадцать первый раз спрашивает у фру Маргарет:

— А кто же в Дании король?

Мадам Грета (она, кстати, чем-то схожа с Серафимой Кондратьевной и оттого, видимо, чувствует к ней некоторое расположение) терпеливо объясняет.

— Да... Да... — кивает Серафима Кондратьевна головой в серых кудрях, — лицо у нее несколько негроидное, — чтобы через некоторое время, обращаясь к супругу, со счастливой улыбкой глядящему в стекло автобуса, спросить:

— Послушай, а кто же все-таки в Дании король?

— Симочка... М-м. Ну-уу... Спросим потом еще...

Вот эту Серафиму Кондратьевну мы и ждем сейчас.

И наконец она появляется под всеобщий вздох облегчения, голубиную улыбку супруга и суровое лицо нашего предводителя.

Сегодня у нас день музеев. Едем в центр Копенгагена в музей самого знаменитого датского скульптора Бертеля Торвальдсена. Имя такое же знаменитое на весь мир, как имена Родена, Кановы, Микеланджело, знакомое даже тому, кто не видел ни одной его работы. Ах, Торвальдсен! О-о, Торвальдсен!! Так уж устроен человек и человечество. Стереотип мышления связан с повторяемостью чего бы то ни было. Убежден, что если начать утверждать, что дважды два — пять, повторять абсурдную формулу бесконечно, найдутся и верующие.

Торвальдсен-скульптор имеет более чем странную судьбу, впрочем, характерную для целого ряда скульпторов и архитекторов, которые, родившись в одной стране, всю жизнь прожили в другой или в других и возвращались уже на крыльях славы преклонными стариками. Так и Торвальдсен, родившись в Дании 19 ноября 1770 года, уже будучи двадцатисемилетним, на академическую стипендию уехал в Рим и там превратился в скульптора с мировым именем. Нет отбоя от заказов знатнейших людей. Торвальдсену позируют коронованные особы, князья и графы, богатые патриции. Сорок лет Торвальдсен живет в Риме и лишь в 1838 году на фрегате «Рота» торжественно возвращается на родину в Копенгаген, встреченный, как говорится, с колокольным звоном, национальный герой, увенчанный наградами и почестями.

Работает скульптор и по приезде. Живет то во дворце Шарлоттенборг, то в семье Стампе, в их имении, а умирает в разгар строительства музея его имени, внезапно, во время спектакля в Королевской опере 24 марта 1844 года.

Музей Торвальдсена открылся четырьмя годами позже кончины скульптора.

Еще живя в Риме, Торвальдсен подарил часть своих работ, моделей и копий, а также коллекции живописи и античной скульптуры городу Копенгагену, оговорив подарки

желанием создать музей. Передал и значительные средства на строительство здания. Король пожертвовал под музей участок земли вблизи дворца.

И вот мы стоим возле длинного здания, похожего отчасти на некий античный павильон или храм на манер Парфенона, отчасти на известное нам здание московского Манежа, отличающееся лишь меньшими размерами и стенами, снаружи расписанными фресками, сходными с настенной живописью древних египтян. Конечно, это стилизация. Ибо на стенах изображены моменты жизни и деятельности скульптора. Вот, допустим, момент его возвращения на родину, триумф и тому подобное. Музей построен по проекту архитектора Биндесбелля. Высказывая личное мнение, я не признаю бы творение блестящим, талант архитектора оказался неадекватным таланту скульптора. И здание так же не вписывается в центр Копенгагена, как белая азиатско-индийского вида, словно бы пародия на Тадж Махал, церковь на Монмартре в панораму Парижа.

Но, как там ни суди, в музее рядом с дворцом Кристианборг собрано-сосредоточено многое из того, что сделано Торвальдсеном. Здесь имеются точные гипсовые модели и копии работ, рассеянных по всему миру. Скульптор, живущий за границей, так или иначе становится поставщиком многих иностранных заказчиков. Не стану упоминать сходную судьбу шведа Карла Миллеса, норвежца Вигеланра — о них придет черед рассказать, упомяну наших российских Коненкова и Эрзя. Всем известно, что Коненков долгое время жил и творил в Соединенных Штатах, Эрзя колесил по белу свету, пока не добрался до Аргентины и там приобрел уже мировую славу, творя свои скульптуры пророков и олицетворение человеческих страстей из аргентинского квебрахового дерева. Оба вернулись на родину признанными мастерами. Оба привезли многие работы, а Эрзя даже все лучшее, что он, живя скромно, не отдавал в чужие руки ни за какие деньги. Разная была лишь судьба. Коненков, увенчанный всеми лаврами, и Эрзя, удостоившийся лишь скромной мастерской и посмертного уже признания...

Но вернемся к Торвальдсену, вернее, к музею, перед входом-порталом которого мы стоим, предварительно обойдя его кругом, полюбовавшись старинными строениями, дворцом королей, каналами, которые превращают эту часть Копенгагена как бы в остров, со всех сторон отделенный водой и соединенный с центром улицами-мостами.

«Пять главных дверей фасада ведут внутрь, в вестибюль с полукруглым сводом. Мощные пропорции его вполне соответствуют рыцарским статуям Торвальдсена и громадным монументам. Другие выставочные помещения в основном очень небольшие. Они представляют собой ряд маленьких комнат. Каждая из них вмещает одну статую и несколько настенных рельефов. Дневной свет попадает в помещение через высоко расположенные окна, т. е. так же, как это было в мастерской Торвальдсена в Риме, и белый мрамор светится на фоне покрытых насыщенными красками стен.

Чистые потолочные своды декорированы в помпейском стиле, а пол выложен разноцветной мозаикой из терракоты.

Таким образом, скульптуры Торвальдсена выступают в окружении своего времени, которое находится в полной гармонии с их содержанием.

Эти скульптуры стоят вместе с произведениями старшего искусства (античности) и искусства времен самого Торвальдсена, к которым скульптор был привязан и которые вдохновляли его.

Когда в 1848 году музей был открыт, он воспринимался прежде всего как памятник известнейшему скульптору. Тогда же была заложена и необычная традиция: открыть свободный доступ в музей всем слоям населения, включая и самые низшие. В первые несколько недель после открытия музея его посетило до 1500 человек в день — цифра до тех пор неслыханная. Позднее значение музея расширилось. Теперь это не только уникальный памятник великому датскому скульптору, но и свидетельство целой эпохи в истории искусства римского классицизма и романтизма, — так повествует о музее путеводитель.

Но мы пойдем по музею самостоятельно и отметим все, что наиболее достойно внимания. Я же постараюсь быть предельно точным в описании экспонатов и отмечу, что «монументов» Торвальдсена, по крайней мере в музее, не много. Лучший из них действительно колосс — статуя Геракла. Великий греческий герой-полубог стоит во весь гигантский рост в лестничном проеме первого и второго этажа с палицей в руках и шкурой немейского льва. Впечатление потрясающее. Статуя действительно монумент мужскому могуществу и силе. Сопоставима, на мой взгляд, лишь со статуей Давида, созданной Микеланджело.

Господи, боже мой! Как велик, как прекрасен человек! Сколько красоты в его теле, сколько ума и мужества во взгляде и сколько надо таланта и терпения, чтоб изваять подобное диво!

«В каждой глыбе мрамора спрятана прекрасная статуя, надо лишь уметь извлечь ее оттуда», — приходит на ум чья-то насмешливая пропись. А Геракл живее живого. И вообще я убежден, что подлинно гениальные творения оживают, живут и живы, как миф о Пигмалионе. Подлинно великие творения — не холодный мрамор и не бесчувственный гранит. Они живут, дышат, мыслят, гордятся своей красотой и чувствами, которые излучают или олицетворяют. Подумайте и убедитесь, что все эти Ники Самофракийские, Лаокооны, Афины, Венеры, Библейские пророки, Зевсы, Аполлоны, Посейдоны — боги, герои и дьяволы живы и жизнь им дала человеческая рука, подобная руке Торвальдсена. Но даже и такой руке успех дается не часто.

Кроме крупных скульптур вестибюля — статуя Николая Коперника, Йозефа Понятовского, Шиллера — прочие работы Торвальдсена действительно небольшие и размещены в залах с полуцилиндрическим потолком. Залы тянутся длинной анфиладой, в каждом одна статуя или скульптурная группа, повторенная в мотивах барельефов на желтоватого цвета стенах. Боги и богини, античные и, так сказать, земнородные следуют словно нескончаемой чередой. Ганимед, Амур и Психея, Венера с яблоком, Ясон, Геба... А «боги» земные представлены бюстами и статуями, — здесь

видишь и датского герцога Христиана, и русского императора Александра I, и княгиню Марию Федоровну Барятинскую.

Путеводитель по музею рассказывает, что Торвальдсену так понравилась собственная работа (М. Ф. Барятинская) — чем не сюжет пьесы Шоу или не повторение уже упомянутого мифа о Пигмалионе, а может быть, о Нарциссе, влюбившемся в собственное отражение, — что скульптор не пожелал отдать ее заказчикам. Чувство сие, думается, знакомо всем истинным художникам, ведь рожденное ими творение, проходя через все муки, мучения собственной мнимой беспомощности и озарения, через счастье достижения удачи и, осмелимся сказать, обладания созданным, так закрепляется в сознании родительским инстинктом, что передать это творение в чужие руки, пусть заказчика, равносильно ошущению продажи близких, равно для художника осознанию мучительной потери, часто преследующей его до конца дней. Известно, например, что Дега, бывало, «нагло» забирал обратно уже проданные работы, возвращал деньги или уносил картину «для поправок», «замены рамы» и т. п., не решаясь с ней расстаться. Все это, мне думается, качество истинного художника.

Торвальдсен не отдал Марию Барятинскую! Лишь после его кончины, по иску наследников и решению суда, им была передана точная копия, созданная учеником Торвальдсена (находится в музее имени Пушкина, оригинал же стоит в Копенгагене).

Поскольку все-таки скульптор не мог слишком капризничать и волей-неволей продавал заказные работы, в залах музея стоят много гипсовых моделей, как сказано в путеводителе, без уточнения — копии это с оригиналов или первичные гипсовые отливки, которые скульптор, как это говорится, «переводил в материал», то есть в более долговременную и ценную бронзу, камень, чаще всего — в каррарский мрамор. В граните и тем более в дереве скульптор как будто не работал. Подлинники скульптур Торвальдсена рассеяны по всему миру, находятся в музеях, в частных собраниях, стоят в городах. Но и модели весьма ценны, ибо по ним не раз восстанавливались скульптуры, утраченные или разрушенные. Так, статуя Николая Коперника, установленная в Варшаве в 1830 году, во время минувшей войны была взорвана фашистами, точно так же, как памятник Йозефу Понятовскому работы Торвальдсена. В 1950 и 1952 годах обе статуи встали на свои места, воссозданные по моделям музея. Статую Понятовского Копенгагенская Коммуна передала Варшаве в дар.

Торвальдсен не был католиком, однако это не помешало ему работать над статуей Святого Петра для памятного мавзолея папы Пия VII, скульптор создал также монументы Христа, Иоанна Крестителя и двенадцати апостолов для Копенгагенского собора Пресвятой Девы. Модели этих скульптур есть в музее. Надо ли упоминать, что Торвальдсен был автором целой серии скульптур по заказам русской знати. Это и «Ганимед с орлом», и «Геба», и «Бахус», и «Венера с Аполлоном», упомянутые мной бюсты графинь, княгинь и царей. В 1829 году он был избран академиком

русской академии художников. Связи Торвальдсена с российскими художниками, скульпторами, жившими в Италии, были очень прочными и дружескими. Таким другом его был художник Иванов.

Разумеется, гигантский объем заказов не мог быть выполнен без помощи многочисленных помощников и учеников. Здесь Торвальдсен шел путем Рубенса, возглавляя целую цеховую мастерскую. Нередко лишь подпись венчала работы, созданные под его наблюдением. Искусство требует жертв, а заказ, как правило, редко согласуется с желанием художника, вот почему многие творения не покажутся равноценными по вдохновению. Ряд скульптур Торвальдсена и мне показался чересчур изысканными, чересчур обточенными старательной рукой, где-то было уж слишком от шаблонного классицизма, чересчур от канонов античности. Но я и не претендую на критику, «исправление» мнения о творчестве великого датчанина. Я помню, что еще мальчиком, не ведая о имени создателя, любовался его «Тремя грациями» в репродукциях старой «Нивы». Может быть, это были первые, потрясшие меня, как откровение, перлы женской наготы (и красоты!). И не от них ли начинался, открывался вход в прекрасный и горестный мир ЖЕНЩИНЫ, ИСКУССТВА и ЛЮБВИ — понятия неразделимы, — так восхищающий (и гнетущий) меня до сих пор. ТРИ ГРАЦИИ. Женщины с одинаковыми лицами, но в трех разных поворотах юных и совершенных тел. Не меня одного вы сводили с ума... От древнейших времен, от пещерных Венер, созданных неизвестными мастерами, от античных женщин, изваянных еще с линиями амфор, до римских копий, не сохранившихся этих триад и плеяд, от граций Боттичелли до граций Майоля и современных мастеров не было художника, кто не коснулся бы этой вечной темы... И, если уж честно, я огорчился, увидев «Трех граций», нет, не здесь, не в музее, а на не помню уж какого достоинства датской кредитке.

В полуподвальной части музея есть комната, где в застекленных витринах лежат вещи Торвальдсена. Придворный мундир, бархатный берет, цилиндр, треуголки, ордена, трость. Инструменты скульптора. Здесь же можно заказать и купить копии скульптур в натуральную величину. В вестибюле продаются каталоги, открытки, репродукции, книги о Торвальдсене и музее. Здесь это правило. При желании вы можете унести с собой, так сказать, «весь музей», разумеется, для этого нужны деньги, деньги и еще раз деньги. Из музея вышли как бы оглушенные этим обилием скульптуры, чистой, тонкой, изящной, отлично отмоделированной и переведенной в гипс и мрамор... И все-таки академичность творчества Торвальдсена, кроме шедевров, о которых упоминал, как-то не задела моего сердца. Пытался свериться с впечатлениями других, оказалось — тоже... Но сейчас нашлись и рьяные защитники, тезисы которых не стану приводить. Но главное: все подано в обличительной манере, с негодованием во взорах. Да, не умеем мы спорить, русские люди. А спорить об искусстве в особенности. Как-то уж привился, прижился, что ли, у нас такой взгляд, что кто-то, имярек, знает все точно и непререкаемо. Он —

этот, имярек, непогрешим. Его мнение никто не смеет оспаривать, и ты либо соглашайся обязательно, либо молчи, — вот это и есть дискуссия об искусстве по-русски. Подчиняясь сему правилу, я и не стал спорить о достоинствах и недостатках творчества Торвальдсена.

Мадам Грета распространялась главным образом не о Торвальдсене и творчестве его, а о том, как принимали скульптора короли. Мне запомнилась еще такая фраза нашего гида:

«Он был красивый мужчина. Он не был женат, но была любовь и дети».

Боясь, что читатель уже утомлен музеями, но что поделашь, коль время пребывания в столице Датского королевства спрессовано, как уплотняющаяся звездная материя. Здесь, кажется, наяву воплощается гениальная теория относительности Эйнштейна. Вмещаешь пространство и информацию в часовые, минутные, даже секундные отрезки времени. Едва освободившись от впечатлений серо-желтого музея Торвальдсена, отложив их в памяти подальше и очистив площадь для приема новой духовной пищи, мы двинулись на этот раз пешочком к главной достопримечательности среди датских собраний предметов искусства — глиптотеке.

Новая глиптотека Карлсберга, — так именуют ее в справочниках может быть, потому, что собрание скульптуры, и довольно приличное, имеется и в Национальной галерее. Кроме того, в Европе есть еще одна большая глиптотека — в Мюнхене. В отличие от картинных галерей, это собрание преимущественно скульптуры. Я уже писал, что Карлсберги утоляют в Дании жажду не только телесную, но и духовную. Часть прибылей (а может быть, и сверхприбылей) от пива позволяет фирме и сегодня меценатствовать, но первым датским меценатом был, несомненно, Карлсберг-старший. По-видимому, он был на самом деле любителем и ценителем скульптуры. Не жалел средств на покупку античных подлинников и копий, часто уникально неповторимых. Дело отца продолжал сын. Собрание росло. Для него потребовалось специальное здание, которое и было построено.

Новые сотни тысяч крон тратятся на приобретение предметов искусства. Оно, как известно, требует жертв. К тому же часто покупка предметов искусства — картин, статуй, предметов прикладного порядка — лишь самая надежная форма вложения капитала, в данном случае нажитого на пивной пене. Карлсберги, вероятно, кроме бескорыстной любви к мраморной и бронзовой пластике, считали, что они не зря тратят свои прибыли. Подлинная античность не становится дешевле, от времени она приобретает понятие «бесценная». Сколько, к примеру, теперь может стоить подлинная статуя Афродиты? Карлсберги не жалели денег на копии уникальных работ мастеров Эллады и Рима. Покупали они и произведения известных современных им скульпторов. Искусство и пиво! Пиво и искусство! Честное слово, прикупая к «бесплатной» обеденной бутылочке на-

питка названной фирмы еще одну, тратя на нее дорогие валютные копейки, я тоже внес малую лепту в процветание фирмы датского искусства, а потому с особым интересом рассматриваю здание глиптотеки.

Оно весьма оригинально, ибо, помимо залов и помещений обычного вида, имеет в центре нечто вроде зимнего сада или оранжереи. В высокой круглой ротонде росли большие пальмы, огромные филодендроны-монстры, журчал фонтан, в бассейне плавали тропические рыбки и прямо в воде лежала статуя огромной женщины, как бы облепленной маленькими человечками, — олицетворение богини Геи. Помните, что-то подобное я видел в репродукциях, только там скульптура обозначала великую реку Нил. Как ни странно, ротонда с пальмами, бромелиями, лианами, папирусами очень удачно оживляет строгое собрание беломраморной и гранитной скульптуры.

Но глиптотека славится собранием подлинной античной древности. И вот эта древность перед нами: каменные саркофаги, надгробия, куски колонн и фризов, бронза таинственных этрусков, мечи, щиты, копья, утварь, солонки, просто словно бы камни, от которых веет сквозь тлен древностью, тьмой веков, историей ушедшего, а некогда богатого и чувственного мира. Безносые лики древних женщин с остановившимися глазами. Они как бы видят будущее, их каменные губы хранят жуткие улыбки всеведения. Да, в глиптотеке собрано время, хранится история. Она многое может рассказать, как непрочитанные до сих пор письма этрусков. Переходя из зала в зал, гернешься в обилии знакомого и незнакомого, потому что коллекции глиптотеки требуют специальных знаний и более толкового гида, чем фру Маргарет. В глиптотеке она предпочитает помалкивать, объяснять общеизвестное. Будучи в прошлом учителем истории, я преподавал и античность, и вот встретился в глиптотеке со многими известными мне личностями.

Ну, вот, к примеру, голова императора Веспасиона. Одно из самых замечательных его изображений, дошедшее до нас в подлиннике. Неизвестный скульптор, по всему видно, хорошо знал нрав императора, не терпевшего никаких украшательств, льстивых возвышений с помощью скульптурного резца, и он изобразил римского владыку хитрым, умным, знающим цену жизни и людям скептиком. Таким глядит Веспасион из дали веков. Один из немногих императоров, благополучно доживший до старости. Простолюдин, бывший воин и полководец, торговец мулами, осторожный и расчетливый политик — все в этом лице отражено, вплоть до скупости (это он ввел налог на общественные уборные. Его фраза: «Деньги не пахнут»).

А вот и другой знакомец! Маленькая мраморная головка. Юноша с характерной римской челочкой. Правильные черты лица портят только оттопыренные уши вразлет (они были, кажется, у всех императоров из рода Юлиев-Клавдиев). Тонкие губы. Нет, совсем не пай-мальчик, как видится сперва, — таким был страшный самодур, чудовище, как звали его при жизни, — император Калигула. Мало в чем уступал деспоту Нерону. «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!» — вот дошедший до нас девиз.

«Зависти и злобы в нем было не меньше, чем гордыни и свирепости. Он враждовал едва ли не со всеми поколениями рода человеческого. Он помышлял даже уничтожить поэмы Гомера», — вспоминаю слова древнего историка.

Калигула. Это он хотел назначить свою лошадь консулом!

«Не было на свете худшего раба и худшего господина», — пишет тот же Светоний.

А в мраморном личике, если приглядишься, и впрямь затаилась садистская, сумасшедшая злость. Злоба ко всему на свете, кроме собственной персоны, — высшее проявление эгоизма.

В глиптотеке запрещено фотографировать. Или за право надо платить? Вопрос я не выяснил, ибо, когда мы посмотрели еще собрание картин в Национальной галерее, созданной королевской семьей и тоже весьма богатой, и вышли на воздух к автобусу, ощущение было такое, что все — не все, а многие, и я в том числе, «просто объелись искусством» и больше уж не в силах посетить ни одного музея. В голове был полный сумбур, скульптуры Торвальдсена мешались с бюстами глиптотеки, а те в свою очередь с экспонатами Национальной галереи.

Другую половину дня мы потратили на поиски сувенира из Копенгагена. Что можно было купить на память? Вспомнились рекламные призывы магазина «Норд»:

«Если вам нужно сделать серьезные покупки, не забудьте посетить «Норд» — самый большой магазин в Скандинавии». Или вот еще:

«Если у Вас изощренный вкус и если Вы знаете, чего Вам хочется, но не знаете, где это найти, приходите к Герогу Енсону. Столовое серебро. Бижутерия. Часы. Фигурный фарфор. В подарочных коробках платья, свитеры, галстуки от всемирно известных фирм, таких, как Феррагамо, Гитчи, Роберто, Албанес. Это будет Ваша личная покупка в Европе!» Ну, что еще? Золотые часы «Наутилаус» фирмы «Оле Матиссен»? Песцовую доху фирмы «Банг», переливающуюся всеми оттенками лунного меха? Тогда, может быть, русскую водку «Смирнов» в хрустальном графине с двуглавыми орлами и печатями. Русскую водку из Дании? Но и этот «Смирнов» стоил выше наших соединенных валютных возможностей. К тому же надо было что-то датское, именно датское. Фигурный фарфор-порцелан в магазине — здании 17 века — также стоил, говоря словами москвичей, «безумно» дорого. Посетить «уникальное собрание отборных галстуков из Италии, Франции, Англии»? Во-первых, и галстуки тут недешевы и, во-вторых, надо что-то датское, и вот, наконец, сошлись во мнении, купили в магазине напротив «Тиволи» на порочной улице Вестерброгаде пепельницу в виде хрустального диска. В этот сверкающий диск хитрые датчане как-то вмонтировали черные и светлые полосы, играющие светом, стоило только диск повернуть. Хороша была в том магазине еще литого стекла акула, проглотившая самый натуральный морской окатыш с побережья датского Зунда или Каттегата... Но..

акула и сейчас, наверное, там, в витрине возле развеселого «Тиволи». Цена была четырехзначная.

Однажды, читая книгу Сомерсета Моэма «Подводка итоги», среди прочих созвучных душе мест, я нашел вот такое откровение:

«Осматривать достопримечательности не по мне. Столько восторгов уже потрачено на всемирно известные памятники искусства и красоты природы, что я, увидев их вочую, почти не способен восторгаться. Меня всегда пленяли картины попроще: деревянный дом на сваях, приютившийся среди фруктовых деревьев, маленькая круглая бухта, осенняя кокосовыми пальмами, бамбуковая рощица у до- роги...»

Моэм строг и категоричен. Но и не присоединяясь к его звучному имени, я мог бы подтвердить, что обычно известные в теории или по фото-кино достопримечательности как-то никак, словно линия в моем восприятии, когда я видел их «де факто», в натуре. Они как бы теряли туманный покров отдаленности, недостижимой таинственности. Была ли это Эйфелева башня, «Джоконда» или «Давид», «Даная» или «Вирсавия», — все равно. Гораздо острее воспринимал я произведения не восхваленные и не прославленные, вот даже в глиптотеке более всего мне пришлось по душе неожиданно прекрасные беломраморные женщины Герхарда Хеннинга и Эрихау.

Также и Копенгаген вошел в мою душу путешественника и ненасытного собирателя всевозможных впечатлений не столько фонтаном Гефион, музеем Торвальдсена или глиптотекой, сколько его старыми улицами, копотью столетий на черепичных крышах с поэтическими чердаками, датским небом, улыбающимся сквозь радостные слезы дождя, то облачно бегущим куда-то, то задумчиво-серым. Больше прославленных отелей-люкс пришлось по душе маленьким ресторанчикам без музыки и таверны в портовой стороне, аптеки с зеленым крестом, вывески булочных и мясных лавок, так напоминающие блоковский Питер: «И золотится крендель булочной...». Вода каналов, схожих с амстердамскими, при ее летней зелени она здесь все-таки чистая, как чисты и поросли кувшинками небольшие копенгагенские пруды-озерки, где плавают выводки лебедей, плещутся утки с пушистыми взъерошенными утятами — точь-в-точь клоьями живого желто-коричневого и как бы растительного пуха. И глядя на эти кувшинки, не раз гнал я, быть может, детскую, ирреальную мысль, что вот тут, меж этих кувшинок-нимфей, живет где-то прелестная Дюймовочка. А мысль эта все возвращалась ко мне.

И почему больше любой статуи мне запомнилось вольное лицо рыжей молодой датчанки, которая возле отеля с хохотом отвергала домогательства пьяньего парня, успевая одновременно подмигивать нам? Так они и удалились, — она, хохоча и вырываясь, он, преследуя ее на не слишком твердых ногах. Почему запомнилась другая простенькая женщина в малиновом платке, повязанная им так, как у нас повязываются девушки-малярки, или еще датчанка, что везла в соломенной плетеной корзине на колесиках целый выводок белоголовых ребят?

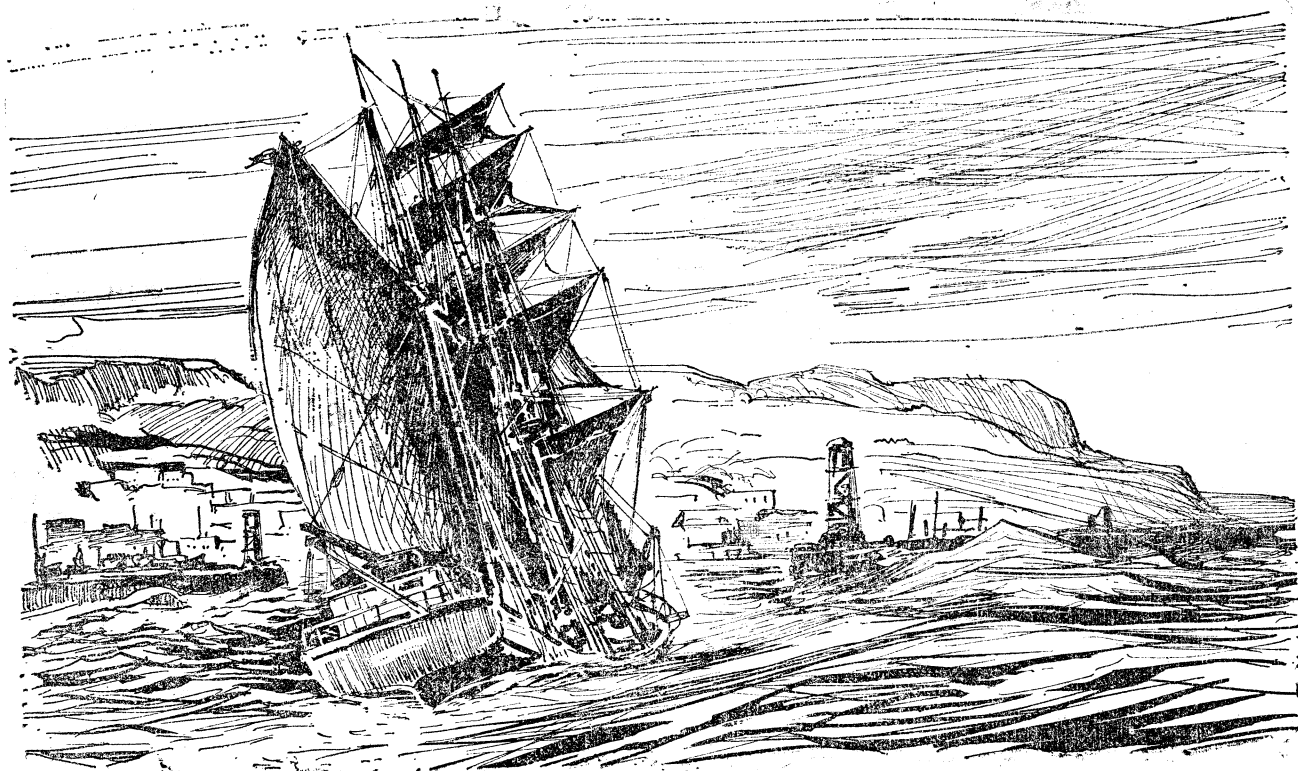
Постепенно я понимал, что истинная Дания действительно не одни ее достопримечательности, а вся страна из этих пятисот зеленых островов, эта Зеландия (морская страна или земля) с ее нелегкой жизнью, скудной почвой, войной и дружбой с океаном, изгородями вокруг ферм, которые экономичные датчане делают из круглых жердей, однако распиливая их вдоль, так что из одной жерди получается две, и окрашивая их в белый цвет.

Дания — это сочные, как яичный желток, насыщенного цвета поля рапса, ухоженная, без соринки, пшеница, тяжеловесный усатый ячмень, которому еще предстоит перебродить в чанах соперничающих пивных фирм, это пропахшие рыбой суденышки, высыпанные в вельботы и лодки ворохи океанского серебра, это коровы со статью и взглядом знатных матрон и это спокойный достойный народ, неторопливо и основательно кладущий кирпичики в тысячелетнюю историю своей повседневной жизни.

Шесть каменщиков, что в неустанных трудах возвели к небу гигантский собор... Один человек, сказками завоевавший весь мир. О, какой прекрасный, великий завоеватель!.. Физик, что подкопался под самое ядро невидимого и, с ужасом поняв разрушительную силу этого нечто, предупредивший мир: «Не вздумайте обратить эту силу против себя!» — все это была Дания, которую через день мы покидали сереньким мокрым утром.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Юрий ИВАНОВ

Рисунок Е. Пинаева

ВЕТЕР ОКЕАНА

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной снала зеленая вода, когда кильватерной колонной вошли военные суда...» Эти строчки знаменитого стихотворения Блока приходят мне на память, когда я думаю о человеке редкостной, романтической и героической судьбы, капитане дальнего плавания, о «парусном» капитане, Владимире Владимировиче Чудове. На память приходит и тот день, когда я впервые увидел этого человека и полюбил, как любят его многие из тех, кто знает Чудова лично.

Тот день в приморском городке был тих и сонлив. Пустынные улицы и пляжи, пустынный пирс: все траулеры, базирующиеся на этот небольшой прибалтийский порт, были в море. Лишь несколько рыбацких лодок, устроившись на бетонном пирсе, лениво взмахивали удочками да чайки, пререкаясь тоскливыми голосами, кружили над зеленой водой.

И вдруг на горизонте что-то шевельнулось. Маленькая букашечка будто вынырнула из воды и стала быстро разрастаться. Траулер? Не похоже. Щуря глаза, я

с напряжением вглядывался в горизонт. И сердце вздрогнуло — в порт направлялся парусный корабль.

— Чудов «Тропик» свой ведет, — сказал мне с каким-то особым ударением на слове «Чудов» человек, спешащий в порт. — Рекомендую поглядеть: это — зрелище!

— Степан Васильевич! В чем дело? — окликнул говорившего пожилой мужчина в морской куртке. — Мы же сообщили Чудову, что буксира у нас нет, а без буксира в эту дыру... — мужчина махнул рукой на искусственную бухту порта, стиснутую двумя молами. — Ты же знаешь, траулеры еле-еле заползают!

— А ему начхать! Это ж Чудов!

Собеседники поспешили в порт, и я за ними. Да, пройти акваторию порта будет не просто: не проход, а бутылочное горлышко. Чуть ошибешься, и уже ничем не исправить ошибку. Смелый, видно, капитан на этом паруснике. Вспоминаю свои юные годы, Камчатку, несколько рейсов, совершенных вдоль побережья на па-

русно-моторной шхуне «Актиния». Как же трудно было заходить в узкие бухточки! Риф справа, скала слева... Застыв, как столб, капитан Мартыныч сам стоял у штурвала, а мы все думали об одном: только бы дохлый, канцризный двигатель «Болиндер» не зачах, не поперхнулся соляркой... Ну ничего! На «Тропике», наверно, машина посильнее и надежнее. Сейчас там будет дана команда «убрать паруса», матчы оголятся, заработает двигатель и... но что это? Пора убирать паруса, пора!

Слегка накренившись, «Тропик» несся к берегу. Из домов выходили люди, весело переключаясь, бежали мальчишки и девчонки, брели седые, пожилые люди, в прошлом, видимо, немало побороздившие моря и океаны. Все в этом небольшом городке было связано с морем: кто уходил в рейсы на траулерах, кто работал в порту, кто дождался с моря своих мужей, отцов, женихов, братьев.

Красиво идет правым галсом трехмачтовый «Тропик». И сам красив: свеженокрашенный, сияющий жарко надревной медянкой, но... но все же, почему там не убирают паруса?! Корабль наделился бушпритом в узкую прореху между молами и ринулся в нее... Кто-то вскрикнул, кто-то восторженно чертыхнулся. Потом все стихло, люди замерли: отчаянный капитан решил входить в бухту под парусами. Кажется, что я уже слышу гул парусов, скрип такелаж и стеклянный звон ломающейся под форштевнем воды. Чей-то зычный, властный голос отдает команды, на палубе парусника виднеются матросы, на мостике — командиры. Ближе, ближе. В какое-то из мгновений показалось, что корабль сейчас врежется в западный мол, но нет! Длинный бушприт скользнул в проход, и корабль понесся мимо серого бетона. «Убрать паруса!» — послышался усиленный мегафоном голос, и в считанные мгновения матчы обнажились. Но корабль по инерции все так же стремительно несся к берегу. «Отдать правый якорь!» — прогремел тот же голос, и якорь ухнул в воду. Загромычала в клюзе цепь, над ней поднялось рыжее облачко. Какой точный расчет! Умелый боцман потравливал цепь, не допуская резких рывков, корабль замедлил бег и начал разворачиваться кормой к ширсу. Взвился в воздух бросательный конец, кто-то на берегу поймал его, потянул и с корабля подали швартовы. Через несколько минут корма «Тропика» коснулась пирса, а на его палубе раздался восторженный рев молодых глоток. И «...вопросы нас волновали битый час, и загорелые матросы ходили важно мимо... Мир стал заманчивей и шире...»

Вскоре я познакомился с капитаном учебного парусного судна «Тропик» Вадимом Владимировичем Чудовым. И мир для меня тоже стал заманчивей и шире. Сам моряк, отдавший многие годы величайшему чуду природы — океану, я узнал от Вадима Владимировича столько нового и важного, что совсем другими глазами взглянул на свою морскую профессию, поняв, сколько же удивительного и неожиданного таят в себе дальние океанские рейсы, в которые ходил и которые предстояло еще совершить. Какой же это интереснейший человек: моряк, Человек Океана, о котором так много написано и написано о котором предстоит еще многим писателям.

И вот я в Москве, где теперь живет Вадим Владимирович, давно мы не виделись, звоню ему домой, но жена, Зоя Ивановна, сообщает, что Вадим Владимирович еще на работе. Смотрю на часы: без четверти десять вечера. «Что-то случилось в океане, — говорит Зоя Ивановна. — Позвоните ему». Звоню. Занято... После многих сложных и увлекательных плаваний на учебных парусных кораблях Вадим Владимирович покинул флот: его богатый опыт понадобился вначале в рыбвтузе, а затем — в Министерстве рыбного хозяйства СССР, где

Чудов работает заместителем начальника Главной государственной инспекции безопасности мореплавания. «Да, это я, — слышу знакомый голос. — Когда буду дома?.. Уж и не знаю... Вот что, приезжайте-ка сюда. Запишите адрес».

Грохочет, врывается в темные тоннели поезд метро. «Что-то случилось в океане. Но что? В океане всегда что-то случается... Гляжу в окно поезда и представляю себе Вадима Владимировича: он высок, широкоплеч, лицо мужественное, с крепким подбородком боксера, взгляд энергичный, цепкий. Как-то он привык к суше? Ведь почти вся жизнь отдана морю. «Не мыслю себе жизни без соленой воды... — как-то сказал он мне. — Кажется: уйду с моря, и конец всему. Ну как прожить день, чтобы не ощущать дыхания океана, его ветра на своем лице?» И вот — живет на суше. Работает в громадном, таком далеком от морей и океанов городе. Так что же — эти его слова были просто слова?»

С лязгом открываются и закрываются двери. В лицо ударяет тугий и теплый, со специфическим запахом «подземки» ветер... И как-то странно представить мне Чудова, парусного капитана, в нынешней его кабинетной роли. Ну да что поделаешь? Видимо, годы берут свое: ведь ему уже под семьдесят.

Рев, гул. Стремительное мельканье бетона. Выше я сказал: человек романтической и героической судьбы. Да, так оно и есть: ветеран рыбопромыслового флота, Вадим Владимирович Чудов носит на груди почетный знак ветерана Великой Отечественной войны, в которую вступил в первый же день, в самый ее первый час на рассвете двадцать второго июня. Это произошло в Качаьей бухте под Севастополем. В то раннее утро практикант Черноморского высшего военно-морского училища, главстаршина Вадим Чудов впервые увидел над своей головой самолеты с крестами на крыльях и вначале подумал: «Учения». Спустя несколько минут, когда бомбы обрушились на военно-морскую базу, юный моряк понял: «Это война!..»

Война! Курсанты становятся офицерами. Вадиму Чудову присваивается лейтенантское звание, а с ним — назначение в Ленинградскую военно-морскую базу Краснознаменного Балтийского флота. Лейтенант Чудов — командир бронекатера, БК-97, на Ладоге, отправляется в свое первое боевое плавание, чтобы перехватить вражеский десант, пытавшийся высадиться на одном из многочисленных островов обширного, беспокойного озера. Молодой командир в первых же боях показал себя смелым и невероятно упорным в достижении поставленной задачи. Высадка десантов на берег, захваченный врагом. Отчаянные, дерзкие прорывы под градом снарядов в каменистые бухточки за теми ребятами, что уцелели после десанта. Молниеносные атаки на вражеские корабли, стремительные, при движении и резких разворотах, дуэли на воде, перестрелка с фашистскими артиллеристами, ведущими охоту за юрким катером из-за гранитных береговых обрывов...

Были веселые боевые удачи, были победы, но война есть война: в один из дождливых осенних дней вражеские разведчики «засели» катер Чудова, идущий к берегу. Подпустили поближе и накрыли сокрушительным залпом минометных батарей. Как он уцелел? Повезло просто, но уцелел, пришел в себя после легкой контузии и принял другой катер — БК-98, да недолго бороздил на нем свинцовые воды Ладоги: снова попал под прямую наводку фашистских артиллеристов. «Чудов? Отважный командир, — сказал о нем адмирал, командующий боевым соединением кораблей, — но катера ему больше не давать. Направить в разведку...»

Бойцов для своей маленькой разведгруппы Чудов подбирал на сторожевом корабле «Вирсайтис». Перед

ним была выстроена вся команда, сто семьдесят человек. «Ребята, мы пойдем в тыл врага,— сказал Чудов, обращаясь к притихшим краснофлотцам.— Будет чертовски трудно, нам предстоит выполнить очень сложное задание. Кто со мной,— шаг вперед!» Шагнули все сто семьдесят... Что же это были за походы? Группе предстояло отыскать огневые точки немцев, позиции дальнобойной артиллерии, ведущей огонь по нашим войскам. Опасные, грозящие на каждом шагу смертью, эти рейды были успешными: выявленные позиции уничтожались нашей авиацией.

Кто знает, если бы не Чудов и его отважные товарищи,— сколько бы уцелевших вражеских орудий било по блокадному Ленинграду?.. Подумать только, он, бесстрашный командир разведки Вадим Чудов, защищал от вражеских снарядов и меня, тринадцатилетнего мальчишку, живущего на Петроградской стороне и ждущего с тревогой: «Тихо? Будут или нет палить сегодня немцы по Ленинграду?..» Это о Чудове и его разведчиках писал в газете «Правда» Всеволод Вишневский, человек, знавший, что такое героизм! В ту первую военную пору Вадим Чудов был удостоен двух орденов Красного Знамени.

...Грохот и шум метро. Мельканье лиц, остановок... Ленинград. Блокада. Может быть, мы где-то когда-то встречались с ним там? Не он ли помог мне дотащить с Невы тяжелый бидон с водой? Помню, сил не было двинуться дальше. Сел на бидон и задремал. Решил: «Ни шагу больше не сделаю. Хватит с меня». Но все ж очнулся, потянул за ручку, а бидон намертво прирос к льду: мороз-то под тридцать. Как я его толкал, шивал, дергал, выкрикивал что-то злое и отчаянное. И вдруг подошел высокий моряк в черном полушубке. Толкнул бидон, подхватил, понес... Нет, вряд ли это был Вадим Владимирович, одно помню точно: балтийцем был тот командир... А Чудов, может быть, в тот проклятый жестокий морозом день вихрем мчался по льду Финского залива на буере, вооруженном пулеметом, совершая ошеломивший фашистов налет на их береговые позиции.

Фамилия «Чудов» стала на Балтике знаменитой. «Где Чудов, там успех»,— говорили и верили в это моряки. К тому времени Чудов уже командовал отрядом бронекатеров, а весной сорок второго — дивизионом ОБРа, куда входили и бронекатера, и «охотники», и торпедные катера. Да, был, был успех в действиях командира и таких же смелых, как он, боевых ребят — его подчиненных. Каким были операции: успешный диверсионный поход в Стрельну, когда долазы-подрывники взорвали, подняли на воздух пирс с штурмовыми ботами; знаменитый десант в Тосно дивизиона бронекатеров, шедших строем клина и прикрывавших десантные катера. Дивизион принял на себя удар фашистской артиллерии и не потерял ни одного корабля — война учила! Батальон морской пехоты ворвался в Тосно среди бела дня. Бронекатер флагмана шел первым, и всем была видна высокая фигура Чудова на его рубке. «Зачем красовался? Молодой был, горячий,— скажет потом Чудов корреспонденту.— Но не подумайте, что вылез на рубку лишь для моряцкого форсу. Стоя на рубке катера, лучше видишь всю обстановку. Кроме того, в решающую минуту боя надо показать бойцам: командир уверен в успехе! Это же старая, выверенная боевой практикой морская традиция — на флагмана смотрят».

Одна боевая операция следовала за другой. Дивизионом своих катеров Чудов обеспечивал прикрытые судов, которые шли морским каналом, вдоль захваченных врагом берегов из Ленинграда в Кронштадт. Прикрывал их дымовой завесой, огнем пушек и пулеметов. «Чудов идет. Значит, все будет в порядке!» — шла весть по су-

дам. И проводил Чудов эти суда. Проводил, отвлекая, порой, огонь вражеской артиллерии на себя.

Мужество. Героизм. Отвага. Как это возникает? Откуда это берется? Кто-то становится героем, кто-то трусит. Храбрость — это особые гены, заложенные в тебе природой? А в других природа заложила гены трусости? «Нет и нет»,— говорит Чудов.— Мне не по душе, когда говорят, будто храбрым нужно родиться. Чуть! Человек сам создает себя. Вряд ли есть такой человек на земле, которому бы не было страшно, когда со всех сторон летят в тебя пули, когда понимаешь: вот еще миг, и раскаленный кусочек свинца пробьет твоё сердце. Страшно! Но надо преодолеть в себе этот страх, надо взять себя в руки, совладать со своими нервами. Ведь кроме всего прочего ты еще и командир, который должен выполнить боевую задачу. Мужество приходит вместе с пониманием обстановки, а поиск наиболее точного решения в тот или иной острейший миг боя так захватывает тебя, что для страха уже не остается места...»

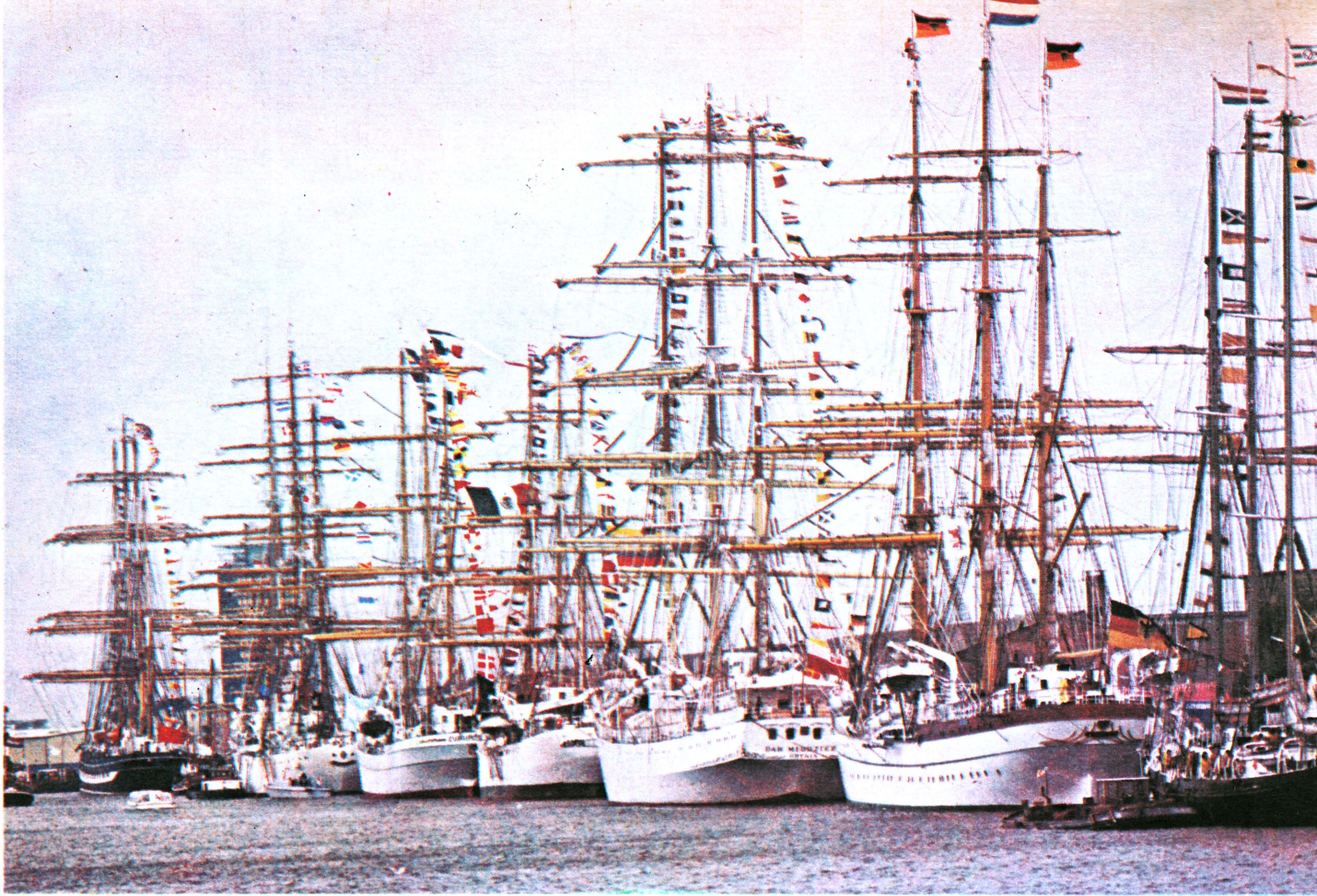
Что привлекло его после «военки» к парусным кораблям? Зачем нужны в наш век атомных двигателей эти древние посудины со вздутыми ветром полотнищами на мачтах? «Настоящую флотскую выучку будущий судоводитель может получить лишь на парусном корабле. Тут, рядышком с неукротимой, коварной и жестокой стихией воспитываются его воля, характер, мужает юная душа... Еще бы! Редко у кого не задрожат поджилки, когда в свежий ветер надо карабкаться по вантам на мачту и, стоя на реях, над кипящей далеко внизу водой, ставить или убирать паруса...» И флагман балтийского отряда парусных учебных судов Вадим Владимирович Чудов не сидел на берегу, в кабинете управления, а сам уходил капитаном в дальние плавания. Делал из «волчат» настоящих «морских волков».

«Гонял вас Вадим Владимирович по-дикому,— рассказывал мне один моряк.— Не было покоя ни днем, ни ночью. Спим. Тьма. Ветер. Вдруг команда: «Все наверх! Паруса ставить! Марсовые к вантам! Пошел, пошел на рей!» Мчимся мы. Лезем. Карабкаемся... Бр-р!.. А Чудов? Наш капитан — впереди. «Догоняйте, черт побери! — орет нам.— Кто догонит — тому приз!» Только разве догонишь!»

«Не Чудов — лежал бы я на морском дне,— рассказывал другой.— Учился у него на «Тропике». А чему? Мужеству. Спокойствию в трудную, может, самую отчаянную в твоей жизни минуту. Так вот, в 1961 году наш СРГР перевернулся в страшнейший шторм у Шетландских островов. Когда я очутился в воде, понял: все, погубо! И многие, наверно, так подумали и — погибли, но я...» «Надо побороть в себе страх. Борись до последних сил и ты победишь!» — внушал нам Чудов. Я и поборол его в себе. Осмотрелся. Поплыл не к берегу, где на камнях кипел дикий прибой, а в океан, на огни судов. И доплыл. Спасся».

...Что, следующая остановка моя? Когда мы разговаривали с Чудовым о том памятном заходе в порт под парусами, о риске (оправдан ли он был?), Чудов мне ответил: «Но если бы я хоть в чем-то не был уверен, я бы никогда не пошел на неоправданный риск. А я был уверен. И в корабле и в выучке своих мальчишек. Многие из тех мальчишек, давно ставшие капитанами, помнят то плавание на «Тропике», восторг, который охватывал юных моряков, когда они так отважно «ворвались» в порт. Вот где кроются истоки мужества и уверенности в точном расчете, так необходимые судоводителю...»

Как я долго ехал... Застану ли Чудова в инспекции? Жаль, отчего-то очень жаль, что «парусный» капитан теперь корпит в министерской конторе, что ныне его «корабль» — бетонный дом, намертво вросший в землю. Бе-

Парусные корабли в Зеебрюге перед стартом

Фото Ю. Иванова, цветные фото капитана дальнего плавания Г. Н. Костецкого

тонный корабль, который не качают волны, в чьи каменные паруса не дуют океанские ветры.

— ...Здравствуйте, рад,— рукопожатие такое же крепкое, энергичное, как всегда. Отлично сидит на Чудове морская форма. Лицо полно внутреннего напряжения, сосредоточенности и внимания.— Садитесь вот тут.— Осматриваюсь. Морские карты на стенах. Лоции и мореходные справочники на стеллажах. Звонки. Короткие, тревожные разговоры. Гляжу вопросительно в лицо Вадима Владимировича. Тот мрачнеет, говорит: — У берегов Канады терпит бедствие контейнеровоз. Страшный ураган. Скорость ветра — 120 километров в час, волны до пятнадцати метров высоты. Ураган сломал и затопил канадскую буровую платформу, в воде оказалось почти девяносто рабочих-буровиков. Приняв сигнал, наше судно направилось к ним, но получило серьезные повреждения и тоже терпит бедствие...— Задумался опять, добавил: — Судно морфлотовское, и там, в Минморфлоте, все поднято на ноги, а мы пытаемся наладить помощь судами нашего министерства.

— Вадим Владимирович, Калининград на связи.

— Минутку. Алло, Калининград? Что «Иван Дворский»? У вас есть с ним связь? Мы получили его подтверждение, что идет к терпящим бедствие, а потом... Уже подходит? Да-да, спасатель «Гигант» тоже на подходе, только что имели с ним связь.

Звенели звонки. Тревогой веяло от коротких фраз: «Да, сообщение с радицентра: приступил к спасательным работам. Спустив штормтрап, рыбаки, рискуя собой, пытаются подхватывать из воды окоченевших людей... Очень хочется надеяться, очень... Да, все меры принимаются...»

Так хотелось верить, что помощь пришла вовремя, что мужественные рыбаки спасут всех, кто оказался в бушующих волнах, что вернутся они домой к своим родным и близким

Ночь. Я шел тихими, пустынными улицами. «И вечный бой! Покой нам только снится» — крутилась в голове стихотворная строчка. Да, покой нам только снится, да и о каком покое может идти речь? Просто рано еще уходить на покой.

Оглянулся. Было уже очень поздно. Дома стояли темными, москвичи спали, но ярко горел свет в окнах инспекции. И этот дом, где сейчас беспрерывно звонили телефоны, представился мне спасательным судном, что спешило на помощь гибнущим морякам. Да, ветер океана веял и здесь, в Москве, дул в лица этих людей, среди которых был оставшийся на ответственном посту ветеран войны и флота, кавалер многих орденов, среди которых и американский — «За выдающуюся службу», не порвавший связи с океаном Вадим Владимирович Чудов.

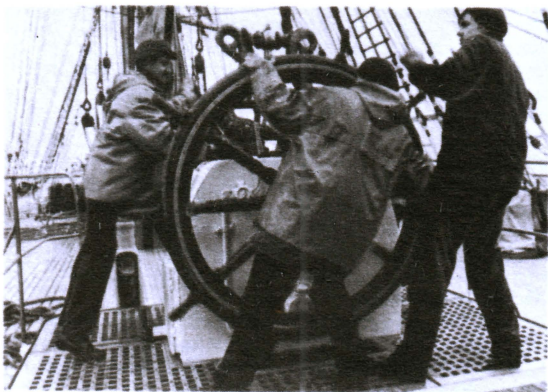
Провожая меня до двери, он вдруг остановился, прижал руку к груди возле сердца. Улыбнулся: «Ничего, обойдется...» И мы расстались.

И мы расстались на довольно долгий срок. Дела, заботы, книги, рукописи, поездки, плавание на самом крупном в мире паруснике «Седов», которое я совершил, исполняя свою заветную детскую мечту, все это разлучило нас на несколько лет. Что с Чудовым, о котором я часто вспоминал на «Седове»? Вернувшись с моря, написал ему. И вот, накануне Нового года получил из Москвы бандероль — великолепную книгу о парусных судах, одним из авторов которой был Вадим Владимирович. И коротенькое письмо: «Я сейчас (после инфаркта) вновь вернулся в Минрыбхоз. Здоровье у Зои Ивановны и у меня, как говорится, с переменным успехом, но все-таки держимся бодро... Ветер еще поет песни в наших парусах!..»

...В апреле 1986 года Вадиму Владимировичу Чудову исполнилось семьдесят лет. Так пусть же и дальше ветер океана поет свои песни в парусах старого, заслуженного капитана!

Капитан дальнего плавания В. В. Чудов

Вахта на штурвале

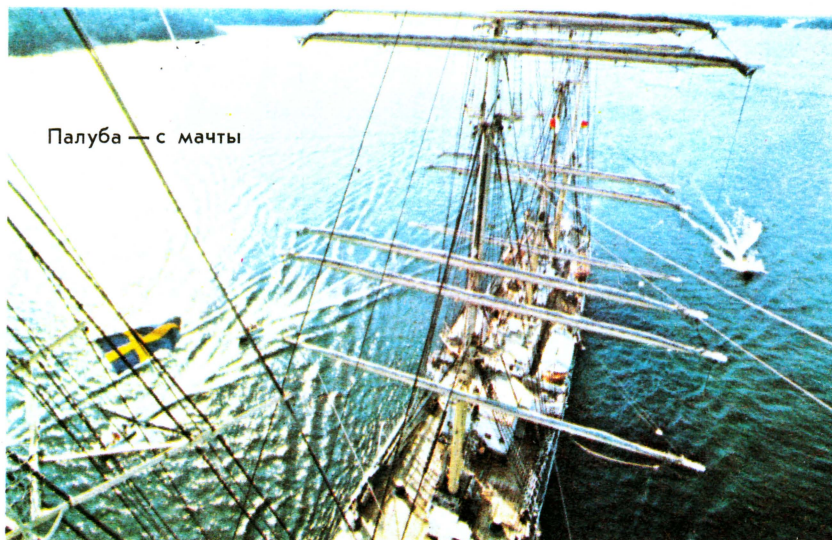
Палубные работы

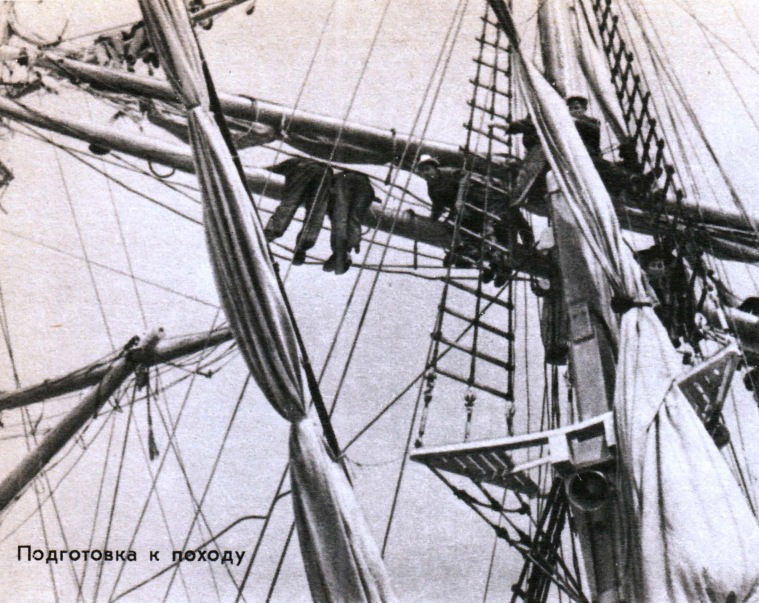
Барк «Круженштерн» в проливе Скагеррак

Баркентины «Тропик» и «Вега» в устье Даугавы

Палуба — с мачты

Подготовка к походу

Кадр из военной хроники 1943 года: член Военного совета Балтийского флота контр-адмирал Н. К. Смирнов вручает орден США «За выдающуюся службу» капитан-лейтенанту Вадиму Чудову

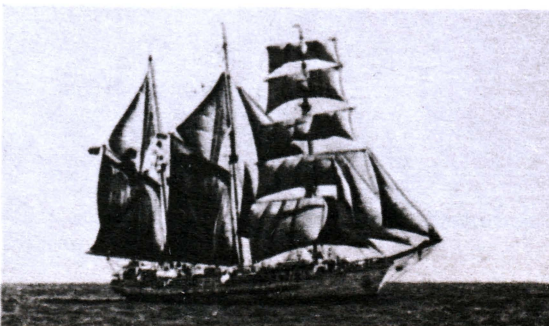
Впередсмотрящий

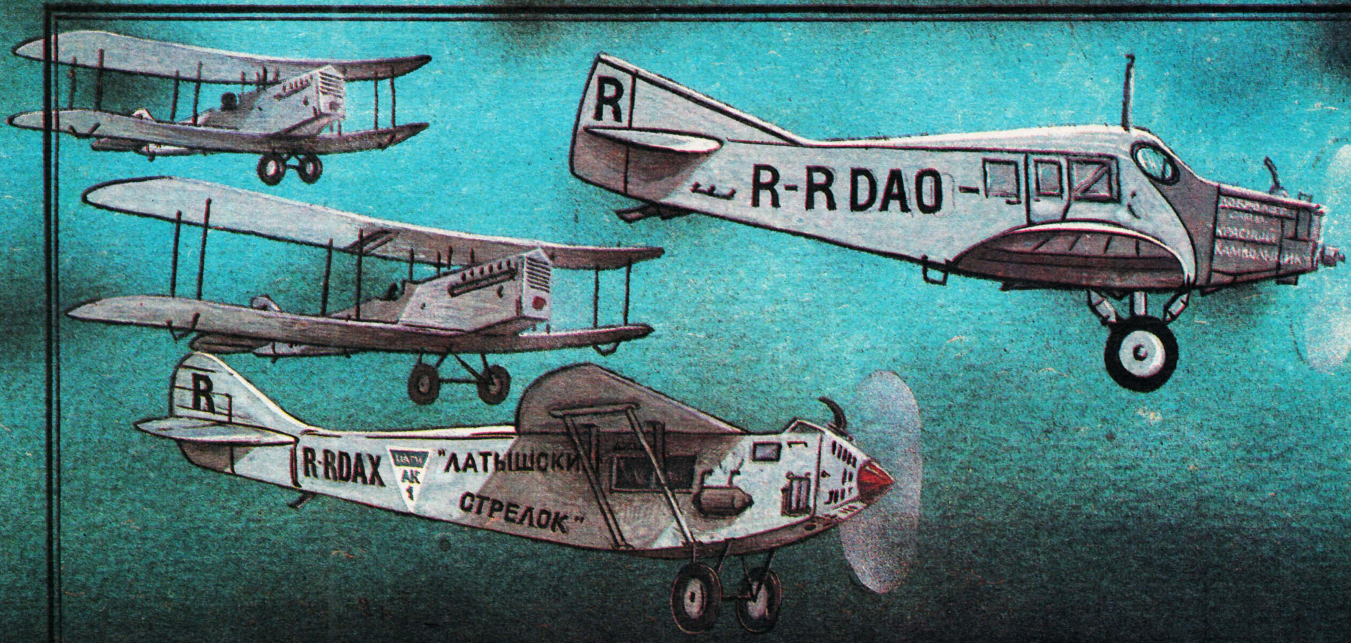

«Пошел все наверх!»

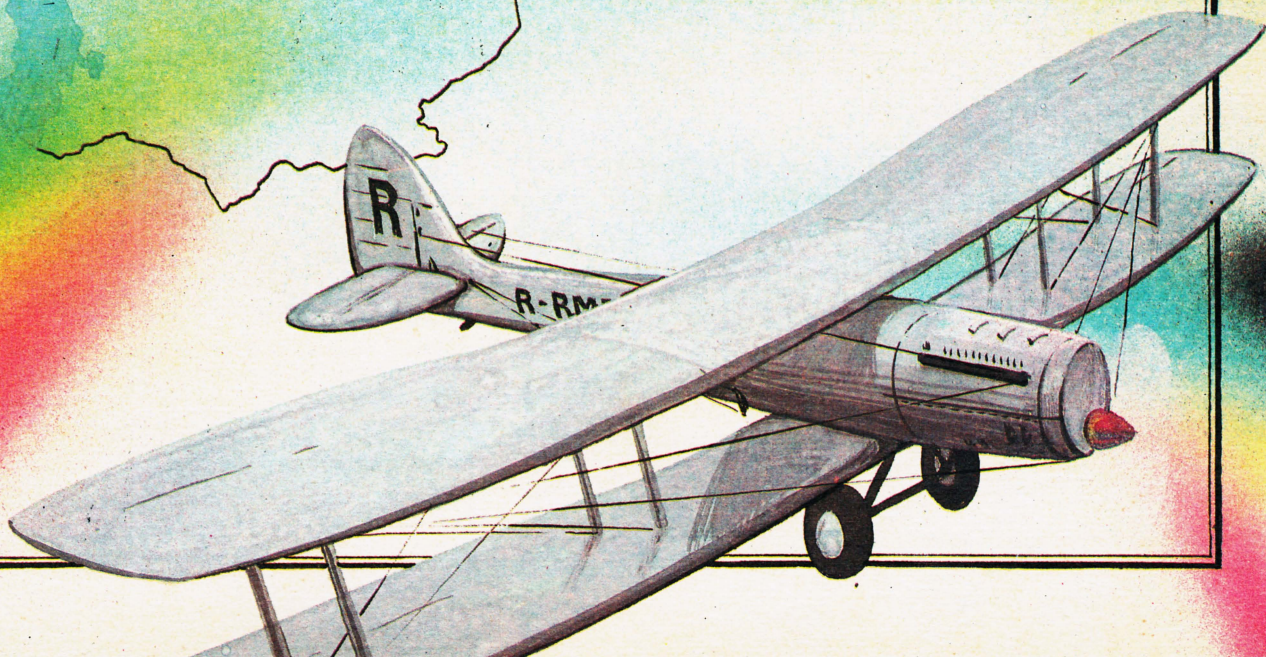
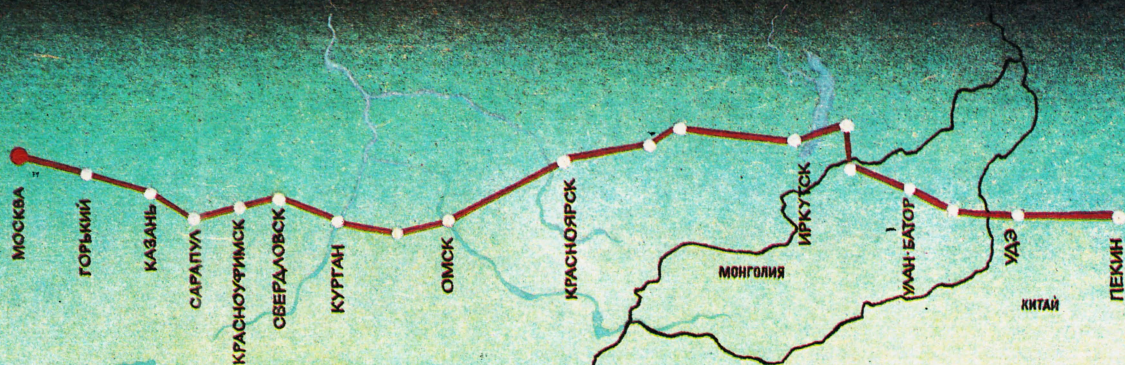

Баркентина «Тропик»

ПЕРЕЛЕТ 1925 Г. МОСКВА · МОНГОЛИЯ · КИТАЙ

САМОЛЕТЫ

Рисунки Е. Охотникова

Станислав ЧИСТЯКОВ

ДОБРОЛЕТА

Были в истории нашей Родины события, будоражившие умы современников, события, которыми жила буквально вся страна и которые, однако, с течением времени отодвинулись на второй, третий план, а то и вовсе оказались забытыми. Незаслуженно. Одним из таких мало известных сейчас событий был выдающийся для своего времени по необычности, сложности и значению перелет шести советских самолетов по маршруту Москва — Монголия — Китай.

Вперед!
Сквозь тучи-кочки!
Летим,
крылом блестя.
Мы — летчики
республики
рабочих и крестьян.

Вл. Маяковский,
«Летающий пролетарий»

19 мая 1925 года в докладе на II съезде Советов М. В. Фрунзе говорил:

«...за три года, с 1922 по 1924, мы закупили за границей в общей сложности свыше 700 самолетов. В этом, 1925 году, мы не покупали ни одного... И вся наша потребность в самолетах уже полностью удовлетворяется исключительно отечественной авиапромышленностью».

Поэтому именно в 1925 году возникла идея большого международного перелета, который позволил бы проверить в экстремальных условиях качество наших первых самолетов, мастерство пилотов. Решено было совершить перелет в Китай через Монголию.

Для участия в перелете были отобраны два биплана Р-1 и один Р-2, моноплан АК-1, а также два самолета иностранной марки. Р-1 — первый советский массовый самолет — строился на московском авиационном заводе № 1. Р-2 — советский биплан с английским двигателем. АК-1 — трехместный пассажирский самолет, сконструированный инженерами В. Л. Александровым и В. В. Калининным. Самолет был построен в 1924 году и под названием «Латышский стрелок» летал на линии «Добролета» Москва — Казань.

Для корреспондентов и кинооператоров подготовили два пассажирских иностранных самолета Ю-13. Самолеты эти приобретались на валюту за счет средств, собранного Обществом Друзей Воздушного Флота — ОДВФ и почти все имели собственные имена — «Сибревком», «Красный Урал», «Моссовет», «Правда», «Лицом к деревне»... В сборе средств на самолеты участвовали В. И. Ленин и Н. К. Крупская — они внесли деньги на приобретение «Правды». В перелете участвовали «Правда» и «Красный камвольщик», «Сибревком» был резервным.

Готовился к перелету еще один пассажирский самолет советской конструкции — ПМ-1. Его спроектировали и построили в невероятный даже по нынешним временам срок — ровно за 90 дней! Самолет был построен за два дня до отлета, но, к сожалению, принять участие в перелете уже не мог. Впоследствии ПМ-1 испол-

зовался на международной авиалинии Москва — Берлин.

Для пилотирования самолетов были приглашены известные летчики: М. М. Громов, А. И. Томашевский, Н. И. Найденев, И. К. Поляков, М. А. Волковойнов, А. Н. Екатов. Механиков летчики набирали себе сами, по собственному усмотрению. Всего в экспедиции участвовало 20 человек — 12 летчиков и механиков, а также восемь сопровождающих — кинооператоры, корреспонденты центральных газет и журналов, среди них была одна женщина, корреспондент «Известий» Зинаида Рихтер.

Грузоподъемность самолетов была относительно невелика и потому предельный вес багажа, разрешенный каждому пассажиру, составлял всего 15 фунтов — очень немного, учитывая, что перелет длился больше месяца. Исключение сделали только для кинооператора «Пролеткино» В. А. Шнейдерова, так как он вез драгоценный груз — единственный в стране телеобъектив для воздушных съемок.

Несмотря на ранний час и хмурую ветреную погоду уже в семь утра 10 июня 1925 года на Центральном аэродроме Москвы (бывшее Ходынское поле) царил необычное оживление. Здесь для проводов воздушной экспедиции собралось несколько тысяч людей. Духовые оркестры играют марши и революционные песни. На главном здании аэродрома гордый лозунг: «Наш пилот, наш самолет, наш мотор — от Москвы до Китая через Улан-Батор». Вот запускаются моторы, самолеты вырываются на старт...

От Москвы до Нижнего Новгорода (ныне — г. Горький) самолеты летели по хорошо изученной трассе «Добролета», а далее начался трудный 7000-километровый маршрут. Экспедиция должна была преодолеть Урал и сибирскую тайгу, озеро Байкал и степи Монголии, пустыню Гоби и горный хребет Калгана. Пришлось выполнить десятки взлетов и посадок каждый раз на новых, зачастую неподготовленных аэродромах, в отсутствие самых элементарных посадочных указателей, без помощи с земли. Трасса пролежала над местностью, где не ступала нога человека. Пользовались лишь компасом и старыми картами. Самым надежным способом ориентировки был опрос местных жителей или снижение на малую высоту возле железнодорожных станций, чтобы прочесть название.

Массы людей собирались в местах посадки самолетов. Крестьяне на сотнях подвод ехали порою несколько десятков верст, прослышав о «железных птицах». Собирались загодя, за несколько дней, жгли костры и ночевали прямо на аэродромах. В городах в день прилета прекращалась работа, собирались организации и учреждения, все дружно, с песнями шли встречать первую советскую зарубежную экспедицию. Задолго до этого соревновались за право сфотографироваться с участниками перелета, за право выступить с приветствием, милиция соревновалась за право охранять самолеты.

Встречали экспедицию с оркестрами, под звуки «Интернационала» и крики «Ура!», летчиков и пассажиров на руках выносили из самолетов, засыпали их вопросами, просили расписаться на агитлисточках. Некоторым

удавалось даже принять «воздушное крещение». Счастливым вручали специальные удостоверения о том, что такой-то действительно поднимался в воздух на советском самолете.

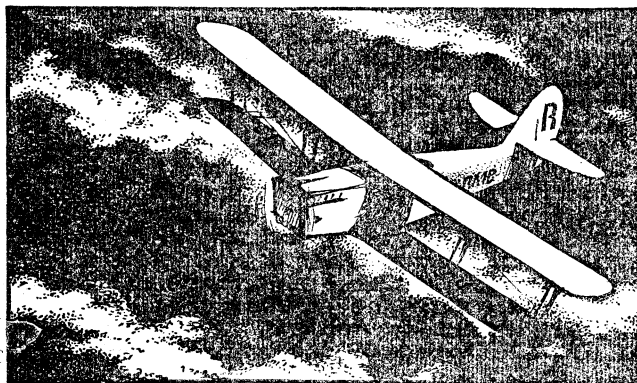
Скорость движения экспедиции позволяла сопровождать ее специальным поездом с запчастями в пути по Советскому Союзу. Перед пересечением границы Монголии запчасты были перегружены на автомашины и двигались вместе с воздушной экспедицией до самого Пекина.

В основном перелет прошел организованно, хотя неразберихи, неувязок было немало. Данной ему властью руководителем экспедиции Шмидт кое-где даже наказал нерадивых руководителей, не удосужившихся своевременно подготовиться к прилету экспедиции. Так, в Саратове из-за того, что не были зажжены сигнальные костры, едва не потерпел аварию самолет Екатова. В Кургане не оказалось заказанной... касторки, требовавшейся для мотора «Сальмсон», и пришлось за ночь изъять почти всю касторку из местных аптек.

В целом перелет прошел без крупных аварий, хотя вынужденные посадки, конечно же, были. Наиболее драматичной была аварийная посадка Томашевского в пустыне Гоби. Из-за перегрева двигателя времени для выбора подходящей площадки не осталось, и АК-1 пошел на посадку с ходу. После небольшого пробега самолет скапотировал. Томашевский с механиком Камышевым с трудом выбрались из-под перевернутой машины. Невежливо, но всего за несколько дней они вдвоем сумели отремонтировать самолет и долетели до Пекина. Серьезные повреждения получил только один самолет — Ю-13 «Правда». При посадке на аэродроме города Калгана в Китае — последней перед Пекином остановке — он задел за ограждение, слес шасси и сел на «брюхо». Вина за аварию целиком лежала на администрации аэродрома, но огорчению Полякова, пилота «Правды», не было предела. Пролетев без единой поломки почти 7000 километров, свалиться на самом финише, прямо у цели — вероятно обидно. Единственным утешением могло служить то, что никто при аварии не пострадал.

13 июля 1925 года самолеты первой зарубежной советской воздушной экспедиции совершили посадку на Пекинском аэродроме.

21 сентября в Большом театре в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное чествованию участников перелета. Все летчики и механики были награждены орденами Красного Знамени. Этой же награды удостоен руководитель экспедиции И. П. Шмидт. Кроме того, всем им вручили именные револьверы «браунинг» и ценные подарки. Состоялся большой концерт, на котором была исполнена кантата «Великий перелет».

Михаил ЛЮБАРСКИЙ,
Евгений ИЩЕНКО

НЕОБЪЕКТИВ- НЫЙ ОБЪЕКТИВ

Кто не слышал о загадочных НЛО — непознанных летающих объектах! И все же людей, отвергающих их существование, значительно больше, чем энтузиастов, всерьез занимающихся этой проблемой и верящих в возможность контактов с внеземными цивилизациями.

Каждый новый факт наблюдения загадочных явлений вдохновляет сторонников НЛО на пространственные рассуждения о необходимости глубокого исследования феномена. За рубежом они объединяются в комитеты и общества, проводят конференции и симпозиумы, выступают по радио и телевидению. Велик интерес к проблеме НЛО... Примечательно, что в США, где в прошлом устами самых авторитетных ученых категорически отвергалась возможность существования НЛО, создан научный центр по их изучению. В нем представлены ряд университетов, центров и национальных управлений. В социалистических странах, в том числе и в СССР, изучению этих загадочных природных явлений тоже уделяется должное внимание.

Действительно, появлению и исчезновению таинственных объектов иногда не предшествуют какие-либо геофизические, атмосферные или климатические изменения. Поэтому вполне понятно то внимание, которое все интересующиеся НЛО проявляют к инструментальным свидетельствам: показаниям радиолокаторов, магнитометров и других приборов, а в первую очередь, конечно, к изображениям, полученным на фото- или киноплёнке. Поэтому понятна настоятельная необходимость научной, объективной интерпретации инструментальных свидетельств. Здесь от специали-

стов требуются предельная научная строгость и добросовестность.

История исследования проблемы НЛО хоть и невелика, но знает немало примеров скороспелых заключений по инструментальным свидетельствам. Сейчас разработаны десятки методик надежного научного анализа этих свидетельств, и тем не менее в печать нет-нет да и попадают материалы, содержащие ошибочное, тенденциозное их истолкование. Нет нужды объяснять, какой вред наносят такие публикации серьезному делу исследования НЛО. Не раз в прошлом разоблачение «объективных» доказательств существования этого феномена служило предпосылкой для дискредитации проблемы в целом.

Особого внимания требует анализ самых наглядных и впечатляющих инструментальных свидетельств — фотографий НЛО, которые время от времени удается сделать. Мы расскажем о криминалистическом анализе двух фотоснимков, полученных в Риме и в Ленинграде.

Начало описываемой сенсации с НЛО положила публикация 30 сентября 1978 года авторитетной итальянской газетой «Paeza Sega» фотоснимка с подписью «Таинственный «ромб» над Колизеем». Снимок сопровождал такой текст: «Это не оптический обман! — говорят две фотографии. Они были сделаны с выдержкой 2 сек. Когда проявили негативы, на изображении оказались два странных источника света, не замеченных при съемке. Сначала думали, что это эффект люминесценции. Но фотографы Паоло Джованни, 25 лет, оператор «Италгаза», и Фаусто Тесторци, 24 лет, опровергают это объяснение. После повторной съемки вечером на следующий день эффект не повторился. Исследование негативов подтвердило реальность изображения. В правом углу снимка видна тень, которая была, когда снимали с открытой диафрагмой — она характеризует скорость движения объекта».

Изящная, явно неземная форма таинственного летательного аппарата поразила воображение читателей. Фотография наделала шума. Глядя на нее, мало кто сомневался, что над Колизеем сфотографировали корабль космических пришельцев, возможно, братьев по разуму. Мы тоже поддались очарованию этой непостижимой фигуры и подолгу рассматривали ее, рассуждая о том, что бы это могло быть. Газетную вырезку мы показывали многим — криминалистам и инженерам, физикам и журналистам, биологам и рабочим. Все искренне изумлялись и высказывали самые фантастические предположения о природе сфотографированного объекта. Ни у кого не было сомнений: фотографам удалось-таки запечатлеть таинственный НЛО!

Этот снимок взят из итальянской газеты: репортеры утверждали, что перед читателями — непознанный летающий объект, бесшумно скользящий над Колизеем.

Однако самое удивительное ожидало нас впереди. Как-то среди рассматривавших сносшибательный снимок оказался бывалый оператор ленинградского телевидения. Он без особого интереса осмотрел фигуру над Колизеем и просто душно заявил: «У меня тоже есть такая штука на фотографии. Снимал ночью, примерно в середине сентября 1977 года». Ну можно ли было принять это заявление всерьез? Все подумали, что товарищ прихвастнул, но из деликатности промолчали. Даже мысль о возможности подобного совпадения казалась абсурдной.

Снимок, сделанный восемь лет назад (раньше, чем в Италии) оператором телевидения на Обводном канале в Ленинграде, запечатлел точно такую же фигуру, движущуюся в вечернем небе.

Но оператор, обиженный молчаливым недоверием присутствующих, разыскал нужную пленку, отпечатал с нее фотографии и через несколько дней принес их нам. И беглого взгляда на снимки было достаточно, чтобы сделать ошеломляющий вывод: в ночном ленинградском небе сфотографирован такой же загадочный ромб, какой появлялся над римским Колизеем.

Что может быть убедительней фотоснимков, запечатлевших нечто одинаковое, но сделанных в разное время, в разных странах и, наконец, разными фотокамерами? Это, конечно, исключало возможность сговора фотографов, всяческие мистификации и фальсификации. На основании этих уникальных и бесспорных доказательств появились, кажется, реальные основания говорить о существовании, по крайней мере, одного неопознанного летающего объекта. Но добросовестные исследователи никогда не поспешат с извещением об удивительных научных открытиях. Необходима всесторонняя проверка. И в этом случае было решено набраться терпения до окончания фототехнической экспертизы негативов и снимков. Учитывая уникальность и научную важность изображенного, материалы предстояло исследовать по полной программе.

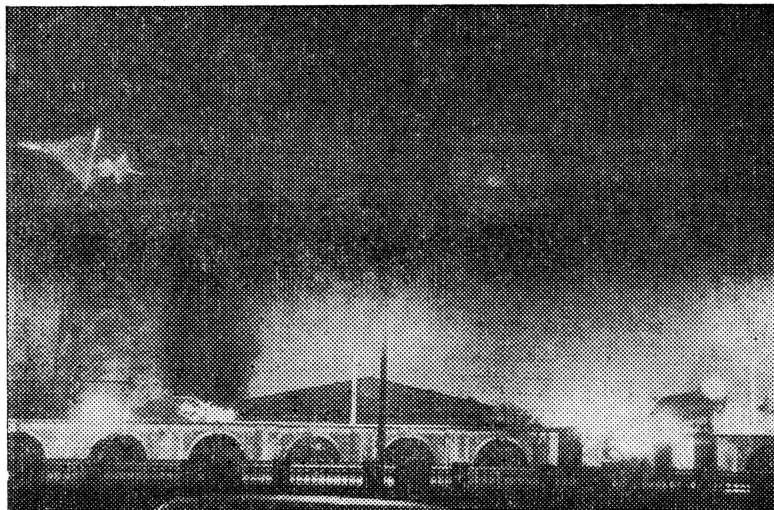
Работа велась по всем правилам судебных экспертиз. С двух негативов, сделанных в Ленинграде, криминалисты отпечатали несколько снимков с разным увеличением. На них легко просматривалась каждая деталь, плохо различимая на узкой пленке. Сами негативы обследовали под микроскопом. Никаких признаков фотомонтажа

обнаружить не удалось. Против мысли о подделке свидетельствовало и само изображение — хорошо известный всем ленинградцам участок набережной.

Оба негатива запечатлели, наряду со знакомыми, примелькавшимися деталями строений на набережной, какие-то странные фантастические фигуры. На одном — овальный, сферической формы объект висит в воздухе на фоне деревьев. Он кажется полупрозрачным, со световым бликом в центре. На другом в ночном небе видны три необычных объекта строгой геометрической формы со слегка размытыми контурами. Один из них — средний — эллипсовидный. Как и на первом негативе, он полупрозрачен, у центра — световой блик. Справа и слева отобразились еще два. Каждый представляет собой две соединенные узкими частями ромбовидные фигуры, напоминающие детскую игрушку «волчок» во время вращения.

Правильная геометрическая форма объектов, одинаковые размеры и взаимное расположение позволяли исключить их образование из-за дефектов фотопленки, оптики или камеры. Но коль скоро это не отображения дефектов и не фотомонтаж, то что же? Неужели это — загадочные НЛО?

Теперь настала очередь сенсационного «ромба» над Колизеем. Были сделаны фоторепродукции со снимка из газеты «Paese Sega». В его левом верхнем углу на фоне ночного неба тоже отобразился какой-то объект в виде двух соединенных узкими частями ромбовидных фигур, напоминающих «волчок». Объект этот, учитывая угол съемки (ракурс), как в общих контурах, так

А эта фотография напечатана с кадра, который получен в прошлом году на том же самом месте у Обводного канала и в то же время суток.

и в деталях совпадал с теми, которые запечатлел при съемке ленинградский оператор. Пока все сходилось на том, что над Обводным каналом в Ленинграде, а через год над римским Колизеем были сфотографированы таинственные НЛО, очень возможно, что один и тот же летающий объект...

Но нет более осторожных и склонных к сомнению людей, чем эксперты-криминалисты! Привыкнув все исследовать под микроскопом, щупать своими руками, анализировать, мы решили перепроверить себя самих с помощью эксперимента. Вот что предстояло сделать. Ленинградский оператор снимал безоблачной ночью... Он пользовался установленным на штативе и заряженным пленкой «Фото 65» фотоаппаратом «Зенит 3М» с объективом «Гелиос», имеющим фокусное расстояние 58 мм. Выдержка при съемке была 6 секунд.

Поздним мартовским вечером прошлого года редкие прохожие с удивлением оборачивались на двух немолодых мужчин, которые камерой на штативе снимали ничем не примечательную панораму противоположного берега Обводного канала. Нам предстояло воспроизвести с возможной точностью условия случайной съемки, проведенной здесь в сентябре 1977 года. И мы сделали это, чтобы отогнать от себя навязчивое сомнение: «А вдруг где-то допущена ошибка и ничего таинственного в ромбах нет?»

Дрогли мы на набережной не напрасно. Когда пленку проявили, на фоне ночного неба четко проступили уже знакомые контуры неземных ле-

тательных аппаратов... При сравнительном исследовании фотоснимков отпали все сомнения. Объекты, запечатленные при экспериментальной съемке, по расположению, форме, деталям вполне соответствовали тем, которые привлекли к себе пристальное внимание в Риме и в Ленинграде. Что ж, неразличимый простым глазом, но фиксируемый фотопленкой НЛО так и висит над Обводным каналом?

Нет! Все оказалось проще. Фототехническое исследование и эксперимент позволили с полным основанием объяснить появление загадочных изображений известным оптическим явлением — рефлексом. На негативах оказались запечатленными блики, возникшие при отражении лучей от расположенного перед камерой источника света одной из линз объектива фотоаппарата. Так что, хотя слова «объектив» и «объективный» и происходят от одного корня, оказывается, что объектив, увы, не всегда объективен и способен передать на пленку то, чего на самом деле нет...

Наверное, такой результат разочарует некоторых горячих энтузиастов НЛО, которым пришлось видеть фотографии таинственного ромба. Но пусть проведенное исследование будет поучительным. Науке нужны проверенные факты, а не иллюзии, будоражащие воображение и распалюющие досужее любопытство. Не отрицая актуальности проблемы НЛО, мы своим рассказом хотели бы предостеречь энтузиастов от ложных путей в ее решении.

НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ...

Рудольф ЕВИЛЕВИЧ

Юрий Горожанцев, мальчишка из Куйбышева, бывший ученик школы № 30, уехал на фронт в неполных четырнадцать лет.

Ребята из следопытского клуба «Десант» куйбышевского Дворца пионеров, по правде, удивились, узнав, что Юра в школе был отличником: отчаянные мальчишки редко в отличниках ходят... Но факт этот был достоверный, потому что получен он, что называется, из первых рук — от бывшей одноклассницы Горожанцева Розы Николаевны Цыбер. С ее помощью и разыскали следопыты Юрия Владимировича Горожанцева, ныне жителя города Кумертау Башкирской АССР.

Отозвался он довольно быстро. В конверт вместе с письмом были вложены фотографии. Мальчишка, в военной форме, стоит с обнаженной саблей в руке, на обороте написано: «Граница Восточной Пруссии, 1944 год». И снимок конца войны: Юрий заметно возмужал, грудь вперед, на гимнастерке две медали, на голове — папаха.

...Во время событий на озере Хасан и на Халхин-Голе Юрка не пропускал ни одной газетной корреспонденции о сражениях наших бойцов с японскими захватчиками, восхищался отвагой красноармейцев и командиров и горевал, что еще молод, — а то бы тоже показал самураям! «Теоретически» познания в военной области подкреплялись обязательными мальчишечьими играми.

И вдруг новая война — с фашистами. Взрослые уходили на фронт. В Куйбышев хлынули волны эвакуированных. В классе появились ребята из Москвы, Воронежа, Смоленска... С двумя такими эвакуированными, Володей Третьяковым и Сережей Александровым, Юра быстро сговорился ехать на фронт. Без них с врагом никак не справиться!.. Тайком откладывали сухари, проверяли надежность ботинок — топать-то придется немало, прикидывали, что взять с собой. Вот только с оружием было плохо — на троих одно старое охотничье ружье... Но не вышло им сбежать. Поделили поровну весь «реквизит» — на том и закончилась первая попытка ударить на войну.

Однако Юрка не собирался «отсиживаться в тылу». Всё решил приезд старшего брата Владимира. Он на девять лет был старше, закончил ту же школу, поступил в Военно-медицинскую академию. В 1943 году имел уже звание капитана. Горожанцевы к тому времени переселились из Куйбышева на станцию Переволоцкая Оренбургской области. Туда, проездом на фронт, и заскочил Владимир.

Провожая брата, Юра прошмыгнул за ним в вагон. Вместе они прибыли в Вязьму, где неподалеку, в селе Пушино, в уцелевших избах и блиндажах разместились Володин запасной полк.

Юрка из кожи лез, чтобы угодить солдатам и офицерам: старательно мыл котелки, убирал помещенье, бегал по всяким мелким поручениям — лишь бы оставили в покое... Был он вроде вольноопределяющегося, форму

не спешили выдавать. А как ему хотелось показать, на что он годен! Да ведь фронт не близко, немцев порядком отогнали еще в сорок первом — где тут отличиться? Остается мыть котелки и чистить картошку...

Испытания приходят, когда их меньше всего ждешь. Загорелся склад с боеприпасами. Все кинулись туда, и Юрка конечно, — тоже. Снаружи двери склада не открывались. Видимо, завалило вход. А внутри уже стали рваться патроны, вот-вот дойдет до гранат... Единственное оконце — маленькое, взрослому не пролезть. Юрка, не раздумывая, разбил окно, пролез и открыл двери изнутри. Не обращая внимания на рвущиеся боеприпасы, стал вытаскивать ящики с патронами. К счастью, пожар удалось быстро потушить.

Вызвал его командир части, крепко, по-мужски пожал руку и сказал, что подписал приказ о зачислении его на довольствие. Это значило зачисление в полк. Само собой разумеется, с полным обмундированием...

Дальше — служба вместе со старшим братом в 529-м армейском истребительно-противотанковом артиллерийском полку 31-й армии. Через все прошел сын полка. Был санитаром, ловко научился накладывать жгуты и повязки, потом — телефонистом. В разведку ходил. И наконец, зачислили его в орудийный расчет 76-миллиметровой пушки.

У Юры было совсем иное представление о войне. Налетай на врага, без страха и жалости бей его и... подставляй грудь для боевых наград. Настоящая война — с огнем, грохотом, встающей на дыбы землей, кровью, убитыми — сперва оглушила мальчишку. Даже взрослому солдату, впервые попавшему под сильный обстрел, никуда не уйти от невольного чувства страха, что о пацане говорить... А позже и к нему придет ободряющая мысль, что не каждый снаряд убивает, и на войне можно жить и делать свою работу. Юра это скоро понял: да, война — это тоже работа, только более опасная. А уж если это работа, то надо выполнять ее на совесть: пролить семь потов, изучить всё до тонкости, до всего дойти.

Мальчишка старался ни в чем не отставать от старших товарищей. От слаженной работы всего орудийного расчета зависит успех в бою, точность огня, жизнь бойцов. Хватит ли у тебя выдержки подпустить фашистский танк на триста метров? На триста — не больше и не меньше. Раньше выстрелишь — не достигнет снаряд; позже просто не успеешь — сам со всем расчетом взлетишь на воздух... И вот на этой дистанции нужно сделать серию выстрелов, а вражеский танк не ждет — упорно лезет вперед и палит. В эти минуты огромного напряжения каждый номер расчета пушки выкладывается весь и физически, и морально, выполняя свою операцию, как автомат: один подает снаряд, другой вталкивает в ствол, третий — наводит на цель...

Усталость приходит потом, вместе с некоторой раз-

рядкой. А полное расслабление не наступает даже на отдыхе.

На передовой Юрка за две недели привык и к внезапному обстрелу, и к бомбежке, и к появлению танков. Уже не втягивал голову в плечи, не суетился, глядел в оба, чтобы противник не застал врасплох. На войне обстановка складывается по-разному, успех часто бывает на стороне того, кто не растерялся.

В Белоруссии было однажды... По данным разведки, все населенные пункты впереди противником были оставлены. 529-й артиллерийский полк на автомашинах с орудиями двигался по проселочной дороге, дивизион за дивизионом, батарея за батареей. Батарея, к которой был причислен Юрий Горожанцев, въехала в село, окруженное лесом. И вдруг — фашисты... За домами глухо заурчали танки. Гитлеровцев оказалось гораздо больше, но отступать было поздно. В момент отпелили пушки, развернули их, и пока враги беспорядочно стреляли из автоматов, все шесть орудий с короткой дистанции точно прицелились по фашистским машинам и солдатам. Село вновь было освобождено. А когда здесь проходили наши разведчики, фашистов действительно не было...

Под городом Лида их батарея заняла огневую позицию возле моста. В небе появились «юнкеры». Зенитчики наши, ясное дело, их тут же — на прицел. А бомбы падают... Взрывная волна взметнула Юрия вверх и швырнула на землю. Сознание он не потерял, однако голова словно бы налилась расплавленным свинцом. Юрий ощущал себя: вроде бы цел. Что же с ним такое? Люди, пушки — как в тумане, и не слышно никаких звуков. Но испугался Юрий не этого — а как бы не отправили в госпиталь. Прощай тогда, родной полк и вообще фронт... И он собрал все свое мужество и продолжал выполнять свою работу.

До Берлина Юрий Горожанцев дошел, но вступить в поверженную столицу рейха ему, к большому огорчению, не удалось. Полк получил приказ выступить в Чехословакию. Под Прагой и встретил День Победы. Потом еще в Венгрию «зашел». Оттуда, с берегов голубого Дуная, и вернулся в родные края уволенный в запас из Советской Армии пятнадцатилетний рядовой Юрий Горожанцев, с боевыми медалями на груди и комсомольским билетом в кармане военной гимнастерки.

И сед пывидавший виды фронтовик за школьную парту в пятом классе вечерней школы. За два года с боем взял программы пятого, шестого, седьмого классов. Окончил техникум.

Сейчас Юрий Владимирович работает в Кумертау старшим инженером производственного объединения «Башкируголь».

Через тридцать три года ощутимо дала себя знать контузия, полученная под городом Лида. Четыре раза врачи предлагали перейти на инвалидность — не согласился.

Многих своих однополчан разыскал за эти годы Юрий Владимирович. Он возглавляет группу ветеранов 529-го полка при совете ветеранов 31-й армии, кропотливо воссоздает боевую историю родной части. Той, которая приняла его в трудную годину как сына.

Полина ОНИЦУК

«С ПУЛЕЙ

В СЕРДЦЕ

Я ЖИВУ НА СВЕТЕ...»

Редакционную почту о войне Николай Сергеевич Ошивалов не читал. И все же разговор об этой почте мне захотелось начать именно с ним — человеком, за плечами которого две войны, ранения, госпитали. Спешила к нему, но и ранним утром не застала старого солдата дома. Мне сказали: «Он на встрече со школьниками».

Увиделись через день.

Стопка газет на столе. Строгий взгляд из-под очков: «Читаете? Страна чем живет — знаете?»

Так вот встретил... Потом я услышала его рассказ.

— Долгая моя биография — постарше страны нашей будет. Потому и забываются кое-что стало. Но есть время, которое навечно в памяти не только моей — любого фронтовика.

Война... Что это такое — понял мальчишкой. Семья у нас была рабочая, знали, что сражаться будем за свое, кровное. И как только объявили в городе о создании отрядов Красной Армии, не раздумывая, записался добровольцем.

На фронтах гражданского пережил многое — гибель друзей, издевательства белогвардейщины над красными командирами. Сам в госпиталях почти год потерял... Однако особенно остро ощутил ту боль, что несет людям война, уже в Великую Отечественную. Работал я тогда комиссаром эвакогоспиталя. Как только не калечит людей война, сколько сил нужно, чтоб после вернуться к жизни!

Казалось бы, какие разные войны. Пулемет — не ракета, но ведь тоже оружие, а смерть — всегда смерть. На фронте каждую минуту под него ходишь. Трудно забыть такое. Да и нельзя — на прошлом учимся. Потому и письма в редакцию от бывших фронтовиков имеют огромное значение. Цените их — они помогут в работе по воспитанию юношества.

Вчитайтесь в сообщения газет: снова нам угрожают войной, опасностью. Хватит ли сил на этот раз противостоять, сохранить с таким трудом завоеванный мир?..

Тревожным набатом звучит мысль и в письмах, которые приходят в редакцию от ветеранов войны. Напоминая о пережитом, они сражаются за будущее. Их оружие — память. Та особая солдатская память, что сохранила четыре военных года до мельчайших подробностей. Она для нас с тобой, сверстник, как путеводная нить по ставшей уже далекой истории.

Вновь и вновь возвращаются в своих воспоминаниях фронтовики к тому июньскому дню, с которого начался отсчет военного лихолетья. Этот день Михаил Александрович Пащенко встретил командиром пулеметного отделения в Брестском погранотряде.

«В ночь на 22 июня меня разбудил дежурный по заставе сержант Бахметьев и приказал собираться во внеочередной парад. Дело в том, что в последний месяц перед войной особенно участились нарушения границы. Но, видно, мы все еще не верили в вероломство врага и, обманывая себя, надеялись: «А вдруг не сегодня...»

Работа пограничников осложнялась еще и тем, что с Германией у нас действовал договор о ненападении. По тому договору нам многое запрещалось. Запрещалось, например, при задержании даже вооруженных нарушителей границы применять оружие, если при стрельбе наши пули полетят в сторону Германии. Обстреливать фашистские самолеты, которые очень часто залетали в наш тыл и вели разведку, тоже запрещалось.

Мы вышли к самому Бугу и уже приготовились к проверке пограничных знаков, как вдруг внезапный грохот расколол утреннюю тишину. Огромные языки пламени летели с немецкой стороны на нашу землю. Ко мне подбежал мой напарник Васильев и, озираясь по сторонам, все спрашивал: «Что же это?» И только когда совсем рядом стали рваться снаряды, мы поняли — война.

...Начались тяжелые дни отступления, скитаний по лесам, по занятой фашистами местности. Во многих местах действовали карательные отряды. Самолеты высекали скопления отступавших красноармейцев и беженцев, бомбили и расстреливали людей из пулеметов.

Не было продуктов, кончались боеприпасы. Заходить в села стало опасным. Даже бродившие по лесам группы окруженцев не доверяли друг другу, боясь, что под видом красноармейцев могут оказаться немецкие холуи.

В небе носились самолеты. Некоторые из них сбрасывали листовки, призывающие немедленно сдаваться в плен. Но кроме презрения ничего они в нас не вызывали. Мы упорно шли на восток, не боясь стычек с фашистами, подбирая оружие на местах недавних боев.

Надежда на счастливый исход нашего пути начала падать, когда однажды в небе появился самолет и вновь оставил после себя белый шлейф листовок. На них, как обычно, внимания не обратили. Но вот кто-то подхватил прильнувшую к нему листовку. Небрежно перевернул ее и прочитал: «Братья и сестры!..» И вдруг закричал на всю поляну: «Сталин!..» Мы враз в недоумении остановились: «Что?.. Сталин обращается к нам!?»

Мы кинулись подбирать листовки. Пачками прятали их за пазуху. Читали и перечитывали, смеялись и плакали, не стесняясь своих слез. Это были листовки с речью И. В. Сталина от 3 июля 1941 года. Только к нам они попали с большим опозданием.

Мы, истосковавшиеся по весточке с Родины, теперь читали правду о ней. Правда была горькой, очень горькой. Но мы узнали главное: Родина жива и борется. Нам эти листовки точно сил прибавили. И, признаюсь, именно с этого дня я начал беззаветно верить в грядущую победу.

Война поделила жизнь каждого из них на «до» и «после». «До войны и жизни-то не знали, потому что ценности ее не понимали», — пишут ветераны. На фронте они учились по-новому любить

и ненавидеть, выполнять свой долг так, что это граничило с подвигом.

Может быть, поэтому в памяти каждого ветерана — его первая встреча с врагом, первый бой.

«Наш взвод катил по лугу станковые пулеметы, — вспоминает бывший командир взвода пулеметной роты Ю. С. Полянский. — Не успели мы добраться до леса, как показались танки. Шли они не быстро, так что взвод успел подготовиться к бою.

Мы установили свой пулемет, но от волнения никак не могли вставить ленту. Наконец, два щелчка затвором и первая пуля в стволе. Вдруг почти рядом, метрах в двадцати от нас, выскочил танк. Было хорошо видно, как гусеницы его мнут, вдавливают в землю пшеницу...

Быстро выхватил противотанковую гранату и бросил ее к танку. Взрыв, столб земли... А танк все движется, он уже позади нас.

Потом показались немцы. Мы открыли огонь из пулемета. Пули с разных сторон свистели над нами. Наш пулемет заставил немцев залечь, послышалась команда: «Батальону отойти к хутору и занять оборону».

Сзади нас раздался сильный взрыв, показался огонь и черный клуб дыма. Это горел подбитый бронейщиками танк, успевший пройти мимо нас...»

Война предстает в письмах фронтовиков тяжелой, изнурительной работой, когда «от физического переутомления горлом идет кровь», когда «забываешь о том, что стоя человек спать не может», когда «солдатская шинель кажется каменной от дождей, осенней грязи, соленого пота».

Сегодня нам ясно: победа складывалась из всего, что окружало солдата на фронте. Приходило письмо из далекого и родного тыла от семьи или земляков — и светлело лицо у солдата, веселее шла жизнь на передовой.

«До конца войны я получил более сотни писем от земляков, — пишет ветеран войны М. Ф. Маракулин. — Заводские девчата сообщали, как живут и трудятся на наших рабочих местах. Строки некоторых из них до сих пор помню — так радовали они нас тогда: «...нормы выполняем на 200 и более процентов, стараюсь работать так, как вы деретесь с врагом», «...здесь, у станка, девушки вполне заменили мужчин. А если потребует Родина, мы с такой же уверенностью возьмем винтовку в руки». И в каждом письме обязательно приписка: «Разбивайте скорей немецких гадов и возвращайтесь с победой».

Эти письма читали вместе со мной все бойцы и командиры нашей роты. Не надо рассказывать, как действовали их волнующие строки на нас, фронтовиков: там, далеко за Уральскими горами, чувствуют то же, что и мы. Тревожимся и думаем мы об одном.

Нет, не только оружием победил советский солдат. Но и силой духа. И не мог он позволить ей, душе, быть слабее, черствее, не выстоять среди лишений.

«Шли бои за Ленинград. Немцы все плотнее сжимали огненное кольцо вокруг города. В самом пекле передовой сражался 227-й отдельный саперный батальон, в котором воевал и старший сержант Михаил Усов.

Саперы наводили мосты, были подрывниками, хо-

дили в разведку. Помнит Усов и такой случай из боевой практики. Саперы обезвреживали немецкий снаряд, который почему-то не разорвался. Разобрали, а внутри записка на русском языке: «Чем можем, тем поможем». Так сражались вместе с ними немецкие антифашисты.

В одном из боев тяжело ранили Усова. Почти год пролежал в госпиталях. Вышел из них с тяжелым приговором врачей — инвалид первой группы. Вернулся в оставленную еще в начале войны деревню Усово, что в Пермской области, а калитку родного дома открыть не может. В руках шинели — бесчувственные культя.

Увидев сына, заголосила мать. Тихо спросила жена: — Мишенька, как жить-то дальше?

— Ничего, Дуся. Смерть хоть и наступала на пятки, а обновила меня. Война огнем закалила лучше, чем в кузнице, где отец работал...»

Письма о войне — не только о сражениях, потерях, подвигах. Чем дальше от нас уходит это время, тем важнее очевидцам рассказать о тех незаживающих ранах, что оставила война в каждом, кто пережил ее, будь то старик, солдат или ребенок.

«...Родился я летом 42-го, в деревне Рябовка. В ту пору каратели пытались на корню выжечь партизанское сопротивление. Дошел черед и до Рябовки. Наметили фашисты провести «чистку», но пулеметными очередями встретила их партизанская засада. Каратели с потерями откатились, наши вошли в село. Вот в это самое время на свет и появился я. Бабки рассказывали, что из-за грохота пулеметов моего крика нельзя было слышать. Меня увязали в шерстяную бабью кофту и поместили греться на печь, а тут партизаны на порог. Поздравляют мою мать с новорожденным. Отец-то, поди, спрашивают, воюет?

А мать — белее стены: не хочу, говорят жить, не будет меня носить земля!..

Бабки и объяснили: нет у него отца, горе здесь у нас — немец над нашими девчатами надругался..

Обо всем этом я узнал спустя годы. Узнал в самую неподходящую пору — мне бы отцом-героем хвастаться, как другие пацаны, а я, семилеток, вдруг слышу за спиной: «Фрицевич!» Это крикнул соседский парнишка Семка, крикнул бездумно, беззлбно, сидя на плетне и болтая ногами. Отец-то твой, говорит, фашист, вот и выходит, что ты Фрицевич. Помню, мне показалось тогда, что за спиной у меня полыхнуло пламя, от обиды и невозможного горя я вроде как ослеп и, не помня себя, бросился к матери.

...Она ничего не сказала мне, молча гладила по голове и баюкала, как маленького, на коленях. И понял я тогда, детским сердцем угадал, что печаль моей матери от какой-то страшной тайны, связанной с моим появлением на свет. Когда пришел мой черед взрослеть, мать рассказала мне о тех страшных днях, когда фашисты издевались над нашим селом, исходя ненавистью к непокоренному народу. Мама сказала, что жить она осталась только для меня, а что сама ее эта война смертельно ранила, и она с тех самых дней не числит себя среди живых...

Рассказала она, что тогда, в день моего рождения, партизаны приставили к матери охрану, а ко мне в няньки — своего раненого товарища-танкиста. Он нам и воду из колодца таскал, и кашу варил, и пеленки мои стирал. Звали его Михаил. Когда вернулся партизанский отряд из рейда, ушел с ними этот человек, которого я и поныне чту за своего отца. Нет его на белом свете,

погиб Михаил-танкист, прикрывая отход товарищей. Вражеский огонь принял на себя...

Война кончилась, но раны войны еще много лет отзывались болью во всех нас. Лишь пятеро мужиков вернулись с фронта, зато вдов и сирот поселила война едва не в каждой избе».

Письма о войне — разные. По-солдатски скуповатые на чувства и взволнованные материнской бедой, вдовьим горем. Пережитое заставляет людей по-особому чутко относиться и к мирному времени, где любой поступок проверяется памятью о погибших.

Есть у поэта строки: «С пулей в сердце я живу на свете». Они о всех, кто вышел из горнила «сороковых, пороховых». Помнить о тех годах и хотеть мира — сегодня эти два понятия неразделимы для советских людей. Потому мы особенно бережны к воспоминаниям ветеранов — очевидцев далекой войны. В их словах — та правда о прошлом, которую важно помнить и нам, над которой не властно время, как пишет о том наш читатель П. И. Матвеев, прошедший гражданскую, финскую, Отечественную войны.

«Сейчас ушел на заслуженный отдых. Очень благодарен стране за заботу о нас, инвалидах войны: недавно получил бесплатно вторую автомашину. Думаю, что ни в одном капиталистическом государстве не чтут так солдат.

...А военную службу свою доверил уже внуку. Ныне служит он в рядах Советской Армии».

Музей боевой славы в твоей школе, обелиск с высеченными на нем фамилиями погибших, тимуровская забота о семьях фронтовиков... Эта связь времен и поколений не должна прерваться. В ней — и наша с тобой сила в общем стремлении к миру.

Письма о войне — еще одно об этом напоминание. В них звучат для нас и завещание и приказ: то, что отцами и дедами завоевано, беречь и охранять не кому-нибудь — нам с тобой.

Редакция благодарит авторов, читателей журнала, приславших материалы, письма, — В. АГАФОНОВА (г. Свердловск), И. АЛЕКСАНДРОВА (г. Киев), В. ВЛАСОВСКОГО (пос. Мятлево Калужской обл.), В. ГРИБОВСКОГО (г. Аша Челябинской обл.), Н. ДЬЯЧЕНКО (г. Ленинград), И. ЖЕРНАКОВА (г. Каменск-Уральский), А. ЗАМЯТКИНА (г. Свердловск), П. КЛЮЕВА (Кустанайская обл.), А. КОРОВИНА (пос. Заречный Свердловской обл.), А. КУЗЬМИЦКОГО (г. Ташкент), П. МАТВЕЕВА (г. Сланцы Ленинградской обл.), В. НИКИФОРОВА (г. Вязники Владимирской обл.), З. ОСТАПЧУКА (г. Троицк Челябинской обл.), А. СОКОЛКОВА (г. Солкамск Пермской обл.), П. СТАВНИКОВА (г. Верхняя Пышма Свердловской обл.), С. РОМАШЕВА (г. Волгоград), А. ЦИТРОНА (г. Херсон) и многих других.

Их воспоминания приняты в фонд музея при журнале «Уральский следопыт» как документы героической истории нашей Родины.

Владимир ДОЛМАТОВ

Фото В. Кондратьева

600 МГНОВЕНИЙ ВОЙНЫ РЯДОВОГО 178-й СИБИРСКОЙ ДИВИЗИИ КОНДРАТЬЕВА

В декабре сорок первого Кондратьев бился под стенами столицы, отсюда и пошел обратный счет верстам на запад. В те декабрьские дни Виктор Кондратьев получил в штабе фотоаппарат «Спорт» и приказ: отражать в фотографиях боевой путь дивизии. Понятно, по качеству, по мастерству его снимки уступают репортажам, ведь ни о композиции, ни о ракурсе съемки солдату думать было некогда. Он, как и полагается пехоте, ходил в атаки, познал ярость рукопашных, беспомощность контузии, усталость дальних походов...

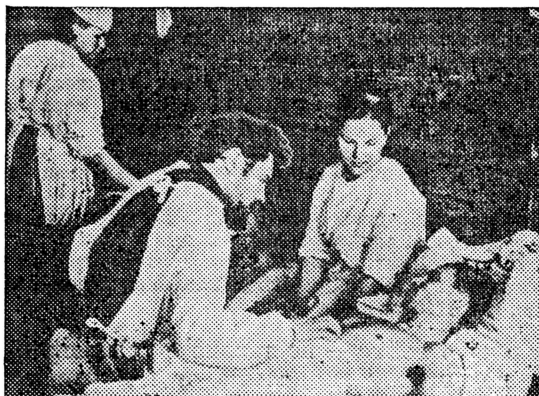
В память о пережитом — медали за храбрость и отвагу, два ордена Красной Звезды и 600 кадров фронтовой летописи — 600 мгновений войны.

Перебираю фотографии. Тут почти нет эффектных сцен атак, штурмов, его снимки — война глазами солдата, его боли, радости, горести...

К сожалению, невозможно поместить в журнале все фронтовые снимки Кондратьева, иные по чисто техническим причинам. Но есть место, где они выставлены все, — народный музей боевой славы 178-й Краснознаменной Кулагинской стрелковой дивизии в школе номер 12 подмосковного города Электросталь. Юные следопыты, узнав об уникальном архиве В. А. Кондратьева, спешали с ним. Эти фотографии и положили начало будущей экспозиции и большой дружбе. Ребята разыскали триста ветеранов сибирской дивизии и пригласили к себе на встречу. В 1968 году в День Победы фронтовики съехались сюда на торжественное открытие музея дивизии. И вдруг ветераны увидели себя и друзей молодыми: в солдатских гимнастерках, читающими письма из дома, присевшими перекурить, залегшими у пулеметов... Люди радовались, смеялись и плакали одновременно, вспоминая минувшие дни. Теперь Виктор Кондратьев мог доложить: приказ «Отразить в фотографиях боевой путь дивизии» выполнен!

Мы сидим с Виктором Алексеевичем в его квартире, перебираем пожелтевшие карточки. Фотокамера и память уводят Кондратьева в военные годы.

«Прощай», командир

И за пять минут до смерти, когда сделан этот снимок, Гассан по-прежнему шутил. Таков уж был наш политрук — веселый и отчаянно храбрый. Все считали — везет человеку, выходит живым из безнадежного пекла. Однажды при отступлении Анатолий Гассан пропал без вести и мы были уверены — погиб лейтенант. Вскоре наши войска опрокинули врага под Москвой и двинулись на запад. К нашим подразделениям присоединился партизанский отряд, где комиссаром был... Анатолий Гассан. Многие ему пришлось испытать и увидеть в тылу врага, и он замыслил написать серию статей во фронтовую газету «Вперед», с которой активно сотрудничал. Но подоспело новое задание, и Гассан возглавил ударную группу на штурме фашистских укреплений. Этот бой и отнял жизнь у нашего политрука.

Кашевар

Не помню случая, чтобы во фронтовой газете поместили фотографию кашевара. Вроде бы не та фигура. «Всегда в бою», — шутили мы над фронтовыми поварами. А ведь так оно и было. Не было у кашевара перерывов. Затемно начинает готовить завтрак, там и обед подоспел, а с ужином разделяется — глядишь, уж край ночи прихватил. Когда требовала обстановка — брал кашевар в руки автомат и вместе с нами шел в бой.

В 1968 году на торжественную встречу ветеранов дивизии в школу номер 12 города Электросталь съехались фронтовые товарищи со всего Союза. Безногий человек на протезе подошел к снимку, всмотрелся — и слезы потекли по щеке.

— Это же я, Горюнов. Не думал, что сам с собою встречу.

Оказалось, Андрей Яковлевич Горюнов живет в селе Урдук Читинской области и, несмотря на инвалидность, работает чабаном. Спусти четверть века я вновь сфотографировал нашего кашевара, который вместе со школьниками сажал клены в честь павших и живых воинов-сибиряков.

Драп в ...эрзац

Декабрь 41-го. Суровая русская зима не входила в планы фашистов. Дни стояли белые, вымороженные. В легкой шинели, пилотке и кожаных сапогах не то что до поста не дойдешь — носа не высунешь. Вот и придумали фрицы эрзац-валенки на толстой деревянной подошве с прибитым гвоздями войлочным верхом. 4 декабря прогремел могучий залп, разметавший врага под Москвой. Но в эрзацах далеко не убежишь — и фрицы скидывали обувь, бросали технику и снаряды и «налегке» драпали дальше.

А жизнь продолжается...

Деревню Старые Кузнецы, что под Ржевом, мы заняли днем. От пороховой гари сумеречен небесный склон, повалены плетни, человеческое жилье разворочено прямыми попаданиями снарядов. И от всего валом валит черный дым. Вдруг на тебе: среди этой круговерти и чада вышагивает середкой улицы старуха с чугунами в руках. Я дождался ее:

— Бабушка, еще бой... снаряды летят... убьют!

— Нет, родимой, теперь уж не убьют. Бегут треклятые!

Даже огненный смерч не в силах уничтожить дух русских людей.

Обед на пепелище

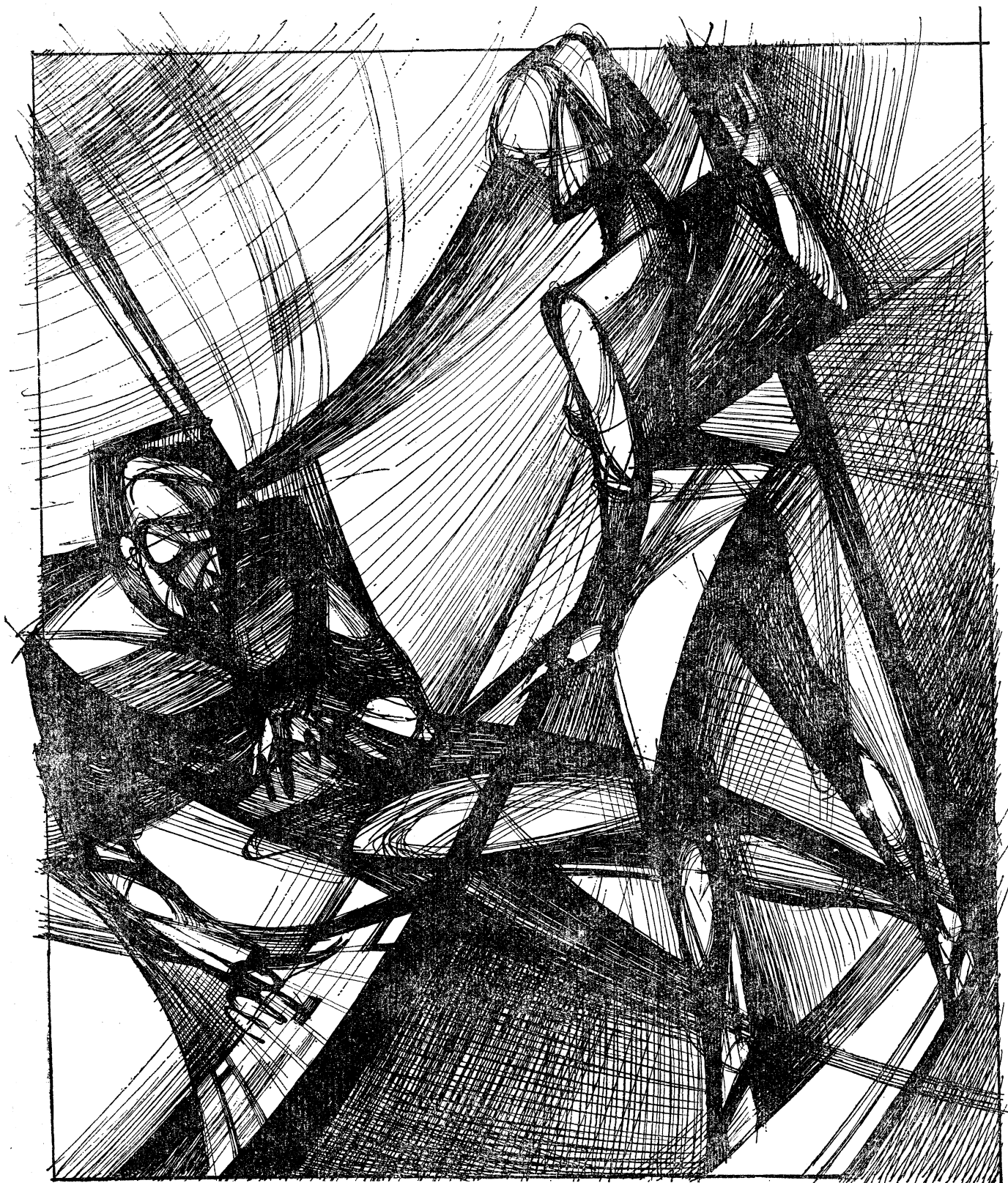
Отступая, фашисты устроили в Смоленской области мертвую зону шириной в сто километров: разрушили и сожгли все жилье — деревни, села. Мы шли колонной по угадываемой бывшей улице. Вижу, на пепелище обедает мать с детьми. Остановился, чтобы сделать снимок. Женщина болезненно произнесла: «Здесь наш дом был». До освобождения хоронились они в лесной землянке, весь пожиток — ведро, три чугуна да деревянные ложки — оттуда и принесли. В подполе нашли несколько картофелин — все, что оставила им война... Под мать приспособила крышку от снарядного ящика, стулья заменили остатки бревен... Но посмотрите, как торжественно, свято, сняв шапки под открытым небом, едят дети.

Иногда кажется, что сделай я за войну всего вот этот единственный снимок, и его было бы достаточно, чтобы понять, почему русские люди не сдались, выдержали и победили.

В окопе

Такого не придумаешь: только что закончился бой и бойцы все, как по команде, заснули. Это были трудные дни, мы брали линию Маннергейма, перестрелки шли днем и ночью, каждый новый рубеж давался с большим напряжением сил, и ничего удивительного нет, что бойцов враз сморило. Пусть солдаты немного поспят...

ЖИЗНЬ НЕВОЗМОЖНО ПОВЕРНУТЬ НАЗАД

Повесть

Карл ЛЕВИТИН

Рисунки О. Шапкина

ПУТЬ ВНЕШНИЙ

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

Экспедицию Разрешенных Экспериментов именовали этим громохочущим словосочетанием только в официальных документах. В просторечьи на любой дальней космической трассе ее называли не иначе как «брачной конторой», — случаи, когда пилоты ЭРЭ не женились бы друг на друге, можно было пересчитать на кнопках скафандра. Знаменитый параграф 26, составленный безвестным бюрократам в незапамятные времена, соблюдался неукоснительно, а он требовал «гетерогенного в половом отношении состава экипажа при сохранении фертильного возраста всех его членов вплоть до конца планируемого эксперимента с целью обеспечения возможности воспроизводства популяции при экстремальных условиях». Эта дикая тарабарщина означала всего-навсего, что в случае аварии, когда вернуться домой не удастся, инструкция требует, чтобы звездолетчики обзаводились потомством, которое впоследствии разрастется и каким-то образом сумеет связаться с Землей. Ответственность за выполнение этого, как и других бесконечных пунктов «Наставления по осуществлению экспериментального полета», лежала на первом пилоте.

Борис Рольсен, первый пилот «Чивера-2923», меньше всех думал об этом дурацком параграфе, когда его корабль входил в сектор, где, согласно все той же инструкции, следовало взломать нелепо огромные сургучные печати на контейнере со спецкассетой и вставить ее в коммуникатор, «обеспечив невозможность приема данной информации кем-либо из членов экипажа или утечку ее вне корабля». Рольсен усмехнулся, прочитав этот очередной шедевр уставной мудрости, высветившийся на экране, как только он запросил корабельную машину. На парсеки вперед, назад, а также во все иные стороны лока-

торы интеллекта показывали полный ноль. Большого захолустья невозможно было отыскать во всем многострадальном космосе. Что же касается экипажа корабля, то второй пилот Энн Моран пребывала в данный момент, в полном соответствии с программой полета, в анабиотической ванне, куда он отправил ее неделю назад, что по земным понятиям составляло... Не хотелось даже думать, сколько земных месяцев промелькнуло за эти семь дней. Других членов экипажа на «Чивере», естественно, не было.

Все так же криво усмехаясь, Рольсен привычно положил правую руку на считывающее устройство сейфа и набрал нужную комбинацию букв. Ее вычурное, какое-то детское и вместе с тем грозное звучание в который уже раз вызвало в нем глухое раздражение, но корабельный мозг, сличив рисунок на пальцах с эталоном, хранящимся в памяти и прочитав короткие слова-пароли, уже распахнул дверцу сейфа. Рольсен достал контейнер, облепленный печатями, послушно отключил все каналы внутренней и внешней связи и нажал клавишу «Прием». Прошла знакомая еще по курсантским годам игристая мелодия первой секретности, далее, после паузы, — совсем уж легкомысленная песенка, означающая «секретность два». Рольсен невольно насторожился. И тут прозвучал мотив, — он слышал его всего два раза в жизни, — откопанный неусыпными конспираторами из отдела спецритуалов где-то в глубине веков. Значит, наступало нечто чрезвычайное. В центре каюты материализовался Главный во всем великолепии своего парадного мундира. Лицезреть его даже в штатском почиталось за большую честь, а тут он стоял, положив руку на кобуру бластера. Рольсен инстинктивно встал во фронт, вытянув перед собой обе руки в уставном приветствии. Главный повернулся к нему, мелодично звякнули на груди бесчисленные стартовые жетоны, за-

скрипела португеза из чистой кожи. Не хватало разве лишь бриллиантовой булавки, вручаемой командорам при присвоении звания, но даже отпетые пижоны из военно-астрономического управления не решались носить ее из-за несусветного блеска. Голограмма была так хороша, что на миг Рольсену показалось, будто и в самом деле из черного космоса в каюту корабля шагнул его начальник — мудрый, сильный и бесстрашный человек, которого все они побаивались — скорее по традиции, чем по какой-либо разумной причине.

— Садись, сынок, — сказал Главный. — Садись, мне надо многое тебе сказать.

Рольсен обалдело опустил в кресло. «Сынок»? Стабильные квазары! Он, конечно, ослышался.

— Да, второй лейтенант Рольсен, — продолжал Главный с той же непривычной для него интонацией. — Да, и устав имеет свои границы. Сейчас, когда ты слышишь и видишь меня, я уже покоюсь где-нибудь на нашем армейском кладбище, а на стене в моем кабинете стало одним портретом больше. Но не это заставляет меня говорить с тобой без чинов и званий. Наступил момент, когда я не могу больше тебе приказывать. Мне не хватает ума, быть может, силы воли. Но главное — я боюсь.

У Рольсена сдавило горло. Как в далеком детстве захотелось уткнуться во что-нибудь теплое и мягкое, и он глубже вжался в пушистую обивку кресла. Главный стоял теперь перед ним, опустив руки и склонив голову. Ощущение нереальности происходящего, смешанное с предчувствием беды, охватило Рольсена.

— Ты знаешь наше первое правило, — сказал Главный, — «ЭРЭ никогда не оставляет поиск Невернувшихся». Никогда... Это значит, что и тебя, как бы ни повернулись дела, Земля будет искать сотни и тысячи лет, вопреки смыслу и логике, до тех пор, пока не станет абсолютно ясно, что именно произошло с тобой. Ты же должен дознаться, что стряслось с «Чивером».

Только теперь Рольсен понял, что на этот раз его ждет далеко не рутинный эксперимент вроде спирализации газовых скоплений, а предприятие скорее фантастическое, чем научное. «Чивер», легендарный суперкрейсер, не вернулся на Землю без малого пятсот земных лет назад. Экипаж не послал сигнала бедствия, автоматика тоже не сработала. Ни одна гипотеза исчезновения корабля не была признана достоверной. Тайна, окутывающая обстоятельства его гибели, побудила в свое время ЭРЭ присваивать его имя самым шустрым, самым крохотным, но и самым современным суденышкам космического флота. «Чи-

веры» выпускались сериями, внешне неотличимые от обычных транспортных кораблей каботажного внутригалактического плавания. В какое изумление пришел бы, однако, механик на станции техобслуживания, если бы заглянул в двигательный или приборный отсеки, но такого, правда, не случилось, да и случиться, конечно, не могло. Как и все другие корабли ЭРЭ, «Чивер-2923» не нуждался в услугах техцентров, а его номерной знак позволял беспрепятственно проходить мимо автоматических пунктов контроля исправности бортовой аппаратуры. Этот малый внегалактический охотник лишь внешне выглядел как заурядный глайдер, — он действительно мог многое. Но отыскивать своего прославленного тезку, пропавшего полтысячи лет назад... Да, ради этого стоило отлеживаться в анабиозе.

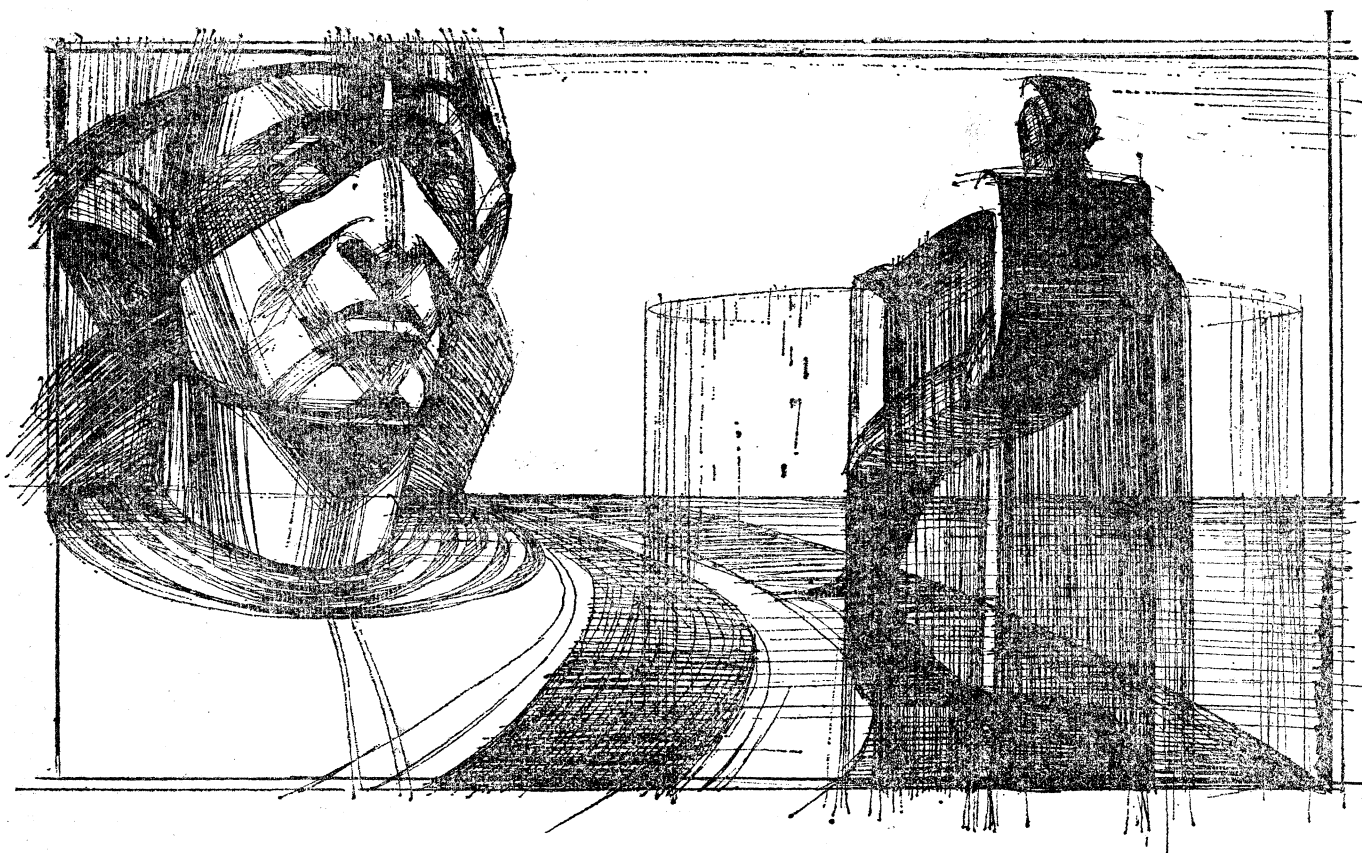
— Мой мальчик, — произнес командор, еще более, чем раньше, торжественно, — я не знаю, что ждет тебя. Тыходишь в квадрат, где после «Чивера» не было ни одной живой души. Ситуация может сложиться самая непредсказуемая. Поэтому все правила и инструкции теряют для тебя силу закона. Ты волен следовать им или же поступать вопреки уставным требованиям и регламентациям. Я, твой командир, снимаю с тебя все ранее данные тобой обязательства. Совет поручил мне сообщить тебе, что он верит: в своем сознании и сердце ты найдешь ответы на вопросы, не предусмотренные никакими наставлениями. Ты свободен в своих действиях и поступках. С настоящего момента ты не связан даже присягой. И тем не менее Совет присваивает тебе внеочередное звание командора, которое, надеюсь, ты будешь с честью носить, вернувшись на Землю.

Наступила длинная пауза.

— Теперь мы равны в званиях, командор Рольсен, — сказал, наконец, Главный. — Но по праву старшего по возрасту, по обязанности начальника и по привилегии человека, ушедшего с Земли, я советую, приказываю и завещаю тебе быть и оставаться прежде всего мыслящим существом, потом — человеком, землянином и уж только в последнюю очередь — офицером-исследователем. Что бы ни случилось...

— А теперь, — тут Рольсен в первый и последний раз увидел улыбку на лице своего командира, — у тебя есть время поиграть в свои игрушки. Затем буди Энн. Она славная девушка, и ты за нее в ответе — опять-таки что бы ни случилось. И последнее. Все сведения о «Чивере» и его экипаже, что удалось найти на Земле, — на этой пленке. Они не секретны. У Энн есть дубль.

Главный подтянулся, блеснув своей знамени-

той выправкой, и вскинул руки, словно пытаясь обнять Рольсена.

— Прощай, командор. Счастливого космоса. Голограмма окончилась. Прошли сигналы снятия грифов. Коммуникатор сообщил, что готов передавать сведения об объекте «Чивер», но Рольсен остановил кассету и перемотал ее к началу, чтобы еще раз увидеть лицо Главного, услышать его глуховатый голос. Ему впервые пришлось работать с информацией такого рода, и он просто забыл, что она уничтожается сразу же по предъявлении. Пленка впустую дошипела до конца и автоматически остановилась. Рольсен опустошенно посмотрел вокруг. Ему необходимо было успокоиться, взять себя в руки. Раскрытая дверца сейфа задержала его взгляд. Машинально, механически он запустил руку внутрь, достал наугад одну из коробочек и поставил ее в коммуникатор вместо спецкассеты. Он едва смог дождаться, пока проскочит ракорд. Медленно, один за другим, в пустом пространстве каюты стали появляться, сменяя друг друга, его «игрушки». Старинные, напоминающие обычные жестянки, выкрашенные флюоресцирующими красками. Суперсовременные, почти сплошь состоящие из микросхем и пленочных источни-

ков автономного питания. Сделанные в стиле «ретро», модном столетие назад, но, конечно, начиненные техникой на всю свою стандартную двухмиллиметровую толщину. Разложенное по сериям и годам выпуска, ранжированное по степени сохранности, каталогизированное и пронумерованное, проплывало перед Рольсеном его богатство, его сокровище, предмет его постоянного внимания и беспокойства. Рассматривание коллекции, хотя это и были всего лишь голографические копии, которые нельзя даже поддержать в руках, принесло ему успокоение. «Главный и тут рассчитал верно,— подумал он.— Старик знает меня лучше, чем я сам». Эта мысль принесла надежду, что и дальше все пойдет по продуманному плану, как это всегда и бывало.

И только тут Рольсен вспомнил об Энн. События последних минут настолько выбили из колеи, что он, включив с пульта программу срочного пробуждения, ворвался в ее каюту безо всякого предупреждения.

Энн мирно просыпалась, вся теплая и домашняя. Странной грушевидной формы медальон, который она не снимала даже в анабиозе, мерно поднимался и опускался на ее груди в такт дыханию, короткие золотистые волосы

разлохматились, сбились набок; полные, немного капризные, как у ребенка, губы приоткрылись и, видно, что-то хотели во сне сказать смешное и доброе. Волна нежности захлестнула Рольсена. Каким бы идиотским псевдонаучным языком ни составляли свои бумаги теоретики ЭРЭ, но дело они знали. Подбор экипажа шел не только на психологическую, но и на всякую иную совместимость; врачи, психологи, психиатры и десятки других специалистов долго и дотошно исследовали каждого из сотрудников ЭРЭ, прежде чем выдать допуск к участию во внегалактических экспедициях. Но уж зато ошибок в их рекомендациях, как правило, не водилось.

Энн сладко потянулась и, просыпаясь, посмотрела на Рольсена радостно и спокойно. Он непроизвольно протянул к ней руки. Счастливо улыбаясь, Энн прижалась к нему и прошептала в самое ухо:

— Все в порядке, командор. Все в полном порядке.

10.10.10/3030/VI

Передано кодом «Ч»:

«БЛАГОДАРИЮ ГРУППУ СВЯЗИ ЗА ОПЕРАТИВНУЮ ПРОКЛАДКУ НУЛЬ-КАНАЛА В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ НЕЗНАКОМОЙ ПЛАНЕТЫ. ВЫРАЖАЮ ОСОБУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ СПЕЦКОМАНДЕ ЗА УМЕЛОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ТРАЛА И РАСПРЯМЛЕНИЕ МАГНИТНОГО ПОЛЯ ЛОВУШКИ, ВЫПОЛНЕННОЕ ЗА ВРЕМЯ, ВДВОЕ НИЖЕ НОРМАТИВНОГО. ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ НУЛЬ-ФЛОТА ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПЯТИМИНУТНАЯ ГОТОВНОСТЬ ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ ДЕСАНТА НА ПЛАНЕТУ. ГРУСТКИН.»

10.10.35/3030/VI

ВТОРОЙ ПИЛОТ

Уютно устрояясь в колыбели анабиоблока, Энн всегда засыпала с мыслью о том, что скоро проснется и увидит Рольсена, который склонится над ней, протянув руки. До сих пор такого никогда не случалось: он терпеливо ждал, пока Энн проснется, приведет себя в полный порядок и выйдет к нему уже вторым пилотом экипажа. И вот, надо же, дождалась...

На радостях Энн проговорила. Ей не положено было знать о его новом звании. Она грубейшим образом нарушила правила. Хотя, в сущности, что такого произошло? Ну да, она не смогла побороть искушения и прослушала спецкассету до разрешенного срока. Честно говоря,

Энн уже и раньше пыталась сделать это, но программу, введенную в корабельный мозг, охраняла система секретности. И только неделю назад она вдруг обнаружила, что запрет снят. Стало быть, расчетное время эксперимента приближается и, быть может, на сей раз ей не придется дожидаться конца анасеанса. Эта мысль была такой радостной, что само сообщение почти не взволновало ее. Командор! Вот это она услышала от Главного с особым удовольствием. Что же касается поисков «Чивера», то после последнего разговора с Главным накануне полета Энн догадывалась о чем-то подобном. Уж если говорить о том, что ее действительно поразило, так это информация о «Чивере», точнее, о его экипаже: среди прочих в нем оказался и однофамилец Игоря... забавно, что имел в виду Главный? И что скажет по этому поводу Рольсен? Вот только как сообщить ему, что она прослушала спецкассету...

Порой Энн казалось, что она знает о Рольсене все; но иной раз одним словом или поступком он рушил все ее представления. Та же его мальчишеская страсть к собиранию номерных знаков звездолетов, например. Невинное увлечение, даже с оттенком ведомственного патриотизма, поскольку он собирал только «Чиверов» разных лет выпуска, тоннажа, типа и назначения. Как и ко всему, чем он занимался, Рольсен относился к своему коллекционированию предельно серьезно, хотя делал вид, что и оно для него тоже не более чем забава.

Боб — так она называла его про себя — не был ни злым, ни упрямым. Порой он долго не находил в себе сил принять самые простые житейские решения, а в то же время ему случалось совершать иной раз необычные поступки, которые, впрочем, всеми воспринимались с улыбкой как маленькие причуды человека одаренного и увлекающегося и вместе с тем сердечного и простого.

Но, главное, он умел быть таким разным, таким непохожим на себя самого. Казалось, Рольсен включал в себя сразу несколько людей — каждый со своим характером и темпераментом, увлечениями и страстями, часто настолько несхожими, что оставалось лишь диву даваться, как столь полярно противоположные «я» уживаются в одном человеке. И в то же время он был, безусловно, цельной личностью.

Даже с друзьями — тем главным, что есть у человека, — у Рольсена все обстояло не просто. Его любили за открытость, обаяние, мужественный облик — он походил на большого доброго медведя. И только Игорь Грусткин, человек, с которым бок о бок они учились, летали, не

единожды участвовали в одних и тех же программах, вызывал у него чувство, похожее на досаду. Конечно, речи не могло идти о том, что причиной тому было их положение в Списке Пилотов, где он шел сразу же за Грустковым, — а теперь, когда Рольсен стал командором, об этом и говорить не приходилось. Тем более странно.

Видимо, именно эта противоречивость, непредсказуемость Боба так нравились ей. Но теперь, когда впервые от его решения зависела ее собственная судьба, Энн предпочла бы, пожалуй, чтобы поведение Рольсена было более прогнозируемым. Вариантов, в сущности, было всего два. Он мог попытаться по-человечески понять ее и оставить весь этот эпизод без административных последствий, но мог предпочесть и чисто официальный путь. В этом случае, по строгой букве устава, он был обязан не только немедленно отстранить ее от управления кораблем, но и прибегнуть к крайней мере, предусмотренной инструкцией, — арестовать до возвращения на Землю.

Конечно, такие требования выглядели дикими и практически почти невыполнимыми, но в них была вся ЭРЭ — единственная не только в космифлоте, но и вообще на планете организация, где сохранилась армейская структура с ее чинами,

званиями, уставами, сейфами, секретностью, спецритуалами и прочими анахронизмами. Все эти нелепые традиции здесь свято соблюдались — считалось, что лишь таким образом можно хоть как-то гарантировать безопасность экспериментальных полетов в неизведанном Глубоком Космосе. Поэтому малейшее отступление от уставных положений, пусть даже смехотворно устаревших, считалось в ЭРЭ преступлением.

Энн все это отлично знала, но тем не менее, прижимаясь щекой, волосами, всем телом к куртке Рольсена, совершенно искренне сказала ему в самое ухо:

— Все в порядке, командор. Все в полном порядке.

Она раскрыла свой медальон, осторожно вынула из него булавку, украшенную крупным, прекрасной огранки бриллиантом, и торжественно протянула ее Рольсену.

10.00.00/3028/VI

— Но ведь это полное безумие — вновь надевать ярмо, опять окунаться в спячку!

— Что же делать? Корабль слишком мал, анабиоблок всего один. Охотники не берут пассажиров. Даже Тит остается с нами.

— После этих нескольких дней свободы, когда мы вновь были людьми, добровольно — по-

думайте, добровольно! — исключать себя из разумной жизни...

— Все варианты тысячу раз обсуждены и изучены. Только так у нас есть шанс сохраниться, чтобы вернуться на Землю. Мы слишком долго ждали, чтобы упустить его.

— Более, чем полэры! Подумать страшно, воображения не хватает.

— Именно воображение и должно нас спасти...

10.02.00/3028/VI

БОРИС РОЛЬСЕН

Он проснулся, и ночные кошмары, мучившие его все эти десять лет, отступили в угол комнаты, нырнули в решетки климатизаторов, растеклись по серебристым стенам, которые уже начинали становиться прозрачными. Потонули в лиловой искусственной траве пола звуки недосказанных слов, взмыли к серо-голубому пока еще потолку искаженные сном земные образы, и даже запахи, хранимые его памятью четче, чем все остальное, без следа растаяли в медленно свежающем воздухе, который автоматика с тупоумным усердием насыщала каким-то суррогатом не то аромата цветущего луга, не то дуновения близкого моря. Первые минуты пробуждения были самыми трудными, и он вдруг подумал, что так же не по себе должно быть и Возвращающимся. Рольсен осторожно, чтобы не разбудить, повернулся к Энн. Она спала со своей всегдашней счастливой улыбкой на лице, такая же, как и вчера, и пять, и десять лет назад. Кажется, она даже помолодела немного. Эта мысль так ужаснула его, что Рольсен резко привстал и склонился над Энн.

— Не волнуйся, милый,— сказала она, не отрывая глаз.— Я старюсь. Видишь — возле глаз появилась морщинка. Мне кажется, вчера я видела у себя седой волос. И вообще, сегодня у меня день рождения. Мне стукнуло тридцать!

Она раскрыла глаза, и Рольсен поцеловал ее.

— Все в порядке, Боб,— сказала она.— Все в полном порядке.

Но уверенности в ее голосе на этот раз не было.

...Сколько всего случилось с ними с того момента, когда она вот так же прошептала ему эти слова на ухо... Из-за чудовищного нарушения одного из самых важных параграфов «Наставления» Рольсен был вынужден арестовать Энн. Это решение далось ему нелегко. Но экспериментальный полет — не пикник в лунных кратерах. Мысль, что безалаберности этой девчонки

надо положить конец для ее же пользы, после долгих сомнений и душевных метаний возоблудала надо всеми другими. Рольсен безумно злился на Энн — и не из-за ее детски легкомысленного поступка, а потому, что поступок этот заставил его выбирать между тем, что диктовало ему сердце и чего требовал разум. И он, понимая, конечно, что в самом недолгом времени снимет с Энн арест, тем не менее мстительно прикидывал в уме один за другим варианты возвращения, при которых мог бы, большую часть времени находясь в анабиозе, довериться автопилоту и лишь на наиболее сложных, требующих безусловного человеческого вмешательства отрезках пути, брать управление в свои руки. Видимо, история с Энн не позволила Рольсену сразу заметить, что с кораблем происходят странные вещи. Раз или два, обратившись к памяти машинного мозга и не получив ответа, он посчитал это обычными сбоями. Он вел корабль челночным курсом, «заметая» исследуемый квадрат. Особого умения такая операция не требовала. Локаторы интеллекта по-прежнему безмолвствовали. Рольсен начинал скучать и подумывал, не снять ли ему на время арест с Энн, затворенной в своей каюте.

В одну из таких минут, от нечего делать, он попросил бортовую ЭВМ просчитать один из вариантов экстренного возвращения на Землю, который он успел продумать вчерне. Запрос ушел уже довольно давно, но из динамиков слышалось лишь сплошное шипение, а в объеме изображения вспыхивали какие-то искры. И все. Еще не веря в случившееся, Рольсен прозвонил все узлы коммуникатора по тест-таблице, — снова только потрескивание в динамиках.

Он не мог вспомнить, что положено делать в подобной ситуации, и запросил компьютер. На экране появился сигнал, что запрос принят. Прошло минуты две, прежде чем Рольсен осознал, что электронный мозг безмолвствует, потому что и он тоже не знает, как надлежит поступать в таком положении. Простая вежливость, правда, требовала, чтобы он так прямо об этом и сообщил, но, быть может, такие нежности программой не предусматривались. Предчувствие чего-то недоброго заставило Рольсена задать мозгу вовсе пустяковый вопрос. Ответа вновь не последовало. Тогда, чувствуя неприятную дрожь в руках, он запустил программу тотального контроля памяти компьютера. Экран несколько секунд молчал, и Рольсен стал успокаиваться. Тем большим ударом явился для него результат проверки: «базовая память пуста».

Но даже и тогда он не сумел в полной мере оценить размеры бедствия. Ведь оперативная

память компьютера была в порядке и, следовательно, он мог выполнить любые вычисления. Кроме того, автономные запоминающие блоки автопилота тоже оказались поврежденными лишь частично, а именно — в них стерлось все до момента, отстоящего во времени на двадцать два дня. Рольсен заглянул в бортовой журнал. Именно в этот роковой день он услышал Главного, потом пошел будить Энн... да, в промежутке случилась какая-то странная авария...

Спокойно, говорил себе Рольсен, спокойно, нельзя впадать в панику. В конце концов не бывает совсем уж невероятных ситуаций, любая так или иначе предусмотрена, имеет некую аналогию. Надо лишь найти соответствующий случай, скорректировать предлагаемое решение, проиграть его на машине. И только тогда, пытаясь вот так привести мысли в порядок, он почувствовал себя совершенно беззащитным — голым и беспомощным, как младенец. Спасительных правил более не существовало. «Полная самостоятельность действий, не обусловленных бюрократическими рамками полетных инструкций», — кажется, так формулировал он свой идеал жизни в споре с Грустковым? Что же, командир Рольсен, сбываются все твои смелые и даже несмелые мечты, «Вы хотели свободы? Ешьте ее, волки!» Энн была бы рада услышать, что он цитирует ее любимого Киплинга.

Уверенность в своих силах, чуть было не покинувшая Рольсена, возвращалась. Жили мы с инструкцией, проживем и без нее. Кстати сказать, Главный и так развязал нам руки, избавив от необходимости слепо следовать пунктам и подпунктам. Даже Энн... Действительно, какой резон в этой ситуации было подвергать ее домашнему аресту за нарушение отмененных правил? Что за логикой руководствовался он, Борис Рольсен, убежденный бюрократоборец и заклятый параграфоненавистник? С кем он, Рольсен, — с Разумом против Инструкции или с Инструкцией против Разума?

В таком приподнято-покаянном настроении он и постучался в дверь ее каюты. Энн открыла ему в тот же миг, словно знала, что он должен вот-вот появиться.

— Что-то случилось, — только и сказала она без тени вызова или обиды. — Раз ты первый пришел, Боб.

Она впервые назвала его так, и в какие-то считанные мгновения Рольсен вдруг все увидел и все понял. И то, как она ссорилась и мирилась с ним, ничего ему об этом не сообщая. И то, с какой неохотой уходила на долгие месяцы в анабиоблок и с какой радостью возвращалась оттуда, чтобы бодрствовать вместе с ним не-

сколько дней, дозволяемых правилами экспериментальных полетов.

С этой секунды они не разлучались. Они были рядом, когда локаторы интеллекта, словно очнувшись, вдруг застрекотали, как сумасшедшие. Они вместе увидели эту планету-ловушку. В четыре руки сажали они свой корабль на чужую лиловую землю. И весь этот абсурдный, не укладывающийся в нормальное сознание, вывернутый наизнанку мир они встретили плечом к плечу. Их ничто не разделяло тогда ни днем, ни ночью, и в этом было их счастье и, возможно, спасение. Потому что иначе не смеялся бы теперь во сне за стеной Тит — единственная, в сущности, их надежда.

Сажать корабль вручную было непривычно и странно — тренировочный курс самостоятельного управления пилотажными системами всем курсантам ЭРЭ казался, разумеется, одним из множества бессмысленных предметов, лишь отягчавших их память: в космосе могло случиться что угодно, но только не выход из строя бесконечно надежных, многократно продублированных цепей и схем корабельного мозга. Но именно бортовой компьютер стал для них главной помехой. Упрямо, настойчиво, даже лихорадочно он стал вдруг включать бесчисленные блокировки, не позволяющие экипажу совершить практически ни одного самостоятельного действия. Словно старая заботливая нянька, потерявшая голову и утратившая всякое представление о реальном мире, мозг их «Чивера» назойливо предостерегал Рольсена и Энн от любых поступков. В конце концов им пришлось отключить компьютер и взять управление кораблем на себя.

...Он держал ее за руку, готовый защитить от всех бед и несчастий, и, хотя индикатор угрозы отнюдь не требовал этого, не убирал палец со спуска бластера. Наивный чудак, меряющий опасность земной меркой... Энн замерла, не в силах пошевелиться, когда первое же живое существо, встретившееся им, оказалось диковинно одетым, моложе самого себя лет на десять, сильно похудевшим и отчего-то синеволосям Грустковым. На груди его на цепочке болтался металлический прямоугольник. Он шел им навстречу, размахивая, как обычно, руками, а его прыгающую походку спутать с чьей-либо было невозможно. Настолько невероятно было увидеть его здесь, среди многоэтажных ядовито-оранжевых деревьев, за которыми скрывались какие-то низкорослые постройками, что Энн, изо всех сил сжав руку Рольсена, в то же время совершенно естественным голосом, очень светски, будто все они прогуливались в Луна-парке среди безобидных аттракционов, сказала:

— Кажется, мы где-то встречались. Но, простите, запомнила ваше имя.

Незнакомец остановился и посмотрел на них без особого интереса. Он откинул со лба свои волосы-водоросли, и, к огромному своему облегчению, они увидели, что им просто померещилось — это был совсем еще мальчишка лет шестнадцати-семнадцати с неоформившейся фигурой и чертами лица, которые могли стать в будущем какими угодно.

— Грусткин, — сказал он. — Мое имя — Грусткин. Генерация пять.

И зашагал прочь.

...Они не раз вспоминали этот свой первый день на Капкане, и Рольсена всегда поражало, насколько спокойно восприняли они оба чистый, без акцента выговор Грусткина, как мало, в сущности, удивил их сам факт встречи с обычным человеком, а не с какой-нибудь космической несуразностью, и лишь непонятные тогда слова о пятой генерации показались чем-то, требующим объяснения.

Энн, храбрая девочка, держалась молодцом — и тогда, и позже. Она, правда, настояла, чтобы они вернулись на корабль, когда, войдя в город, они увидели группу людей, что-то делающих у серебристого куполообразного здания, каких на Земле давно уже не строили. Но наутро она первая собралась в путь и первой вступила в разговор с людьми на площади.

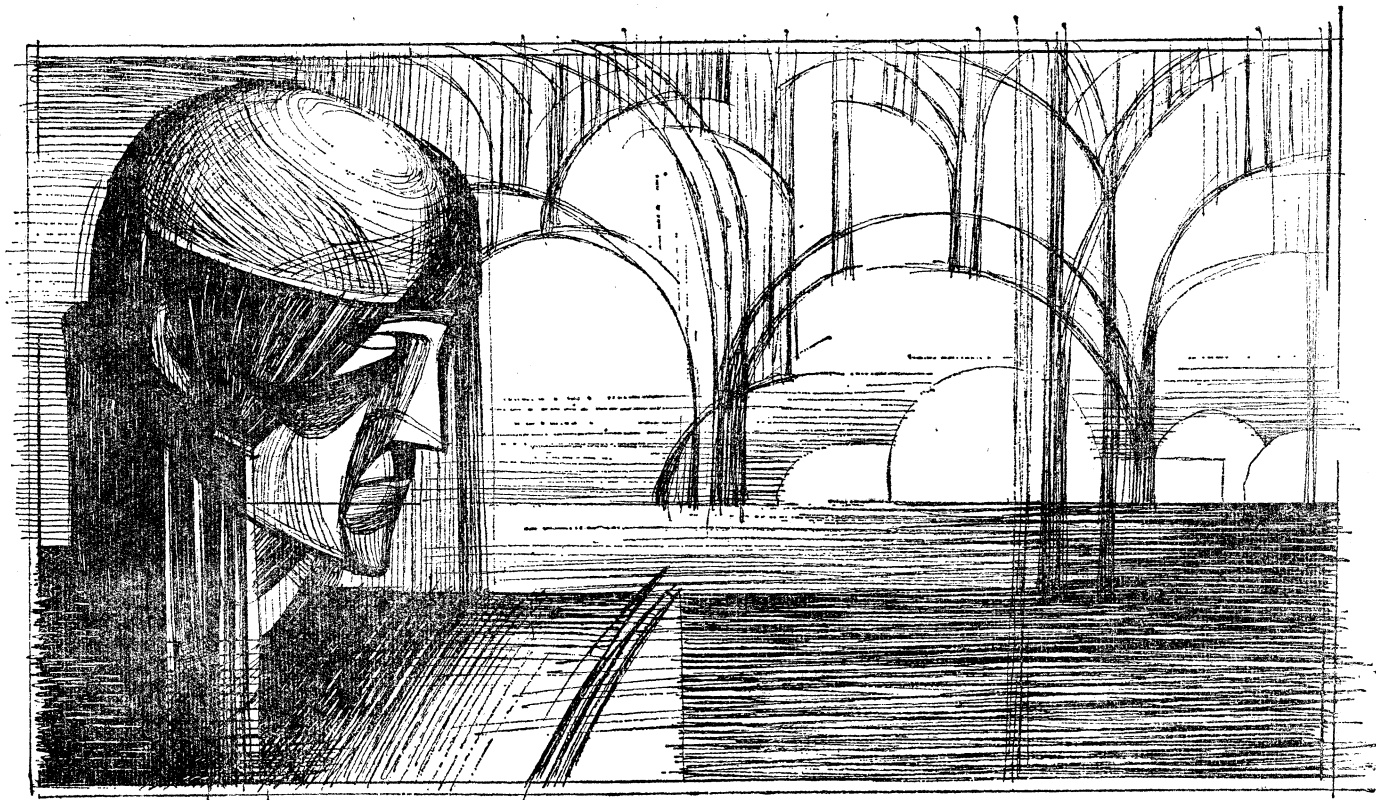
...Рольсен смотрел, лежа в кровати, как Энн выскользнула из-под простыни, набросила на себя халатик и исчезла в ванной, как появилась вновь, поправляя на груди свой неизменный медальон, напевая и раскладывая по местам разбросанные вещи, как, ступая легко и пружинисто, она двигалась по комнате, напоив цветы и смахнув по дороге пыль, — он смотрел на все это, такое привычное, спокойное и родное, и ощущение страшной необратимости происшедшего, чудовищной несправедливости физически душило его, не давало распрямиться, встать, начать новый день — еще один шаг в никуда.

Но тут дверь распахнулась, ударившись о стену, и в комнату влетел Тит — долговязый, дурашливый, угловатый и все-таки чем-то неуловимо похожий на мать. Обруч, сдавивший Рольсену грудь, треснул, отлетел в сторону, и он легко, одним движением увернулся от прыгнувшего к нему на кровать сына, обхватил его руками, и между ними началась обычная утренняя борьба-зарядка.

Энн несколько мгновений смотрела на них и, успокоенная, отправилась на кухню готовить праздничный завтрак.

ЭНН МОРАН

...Самое трудное наступило, когда Титу стало года три. Только что казалось: главное — чем накормить, как искупать, не заболел ли... Впрочем, болезней тут не бывает, но это потом уже поняли, а тогда жили в постоянном страхе, ведь ни врача, ни лекарств, ни путного информотория, ни соседей, с кем посоветоваться — ничего, но вот, слава Эйнштейну, подрос, вроде здоровенький, умный, к пище здешней привык, климат идеальный, можно вроде бы на какое-то время вздохнуть, заняться хоть немного Бобом, которого Энн, надо сказать, совсем забросила, и тут вдруг Тит приходит домой с улицы и спокойно так, по-деловому, говорит, что скоро ему пора в трансформаторий и пусть его любимую собаку Джули отдадут соседской девчонке, которой еще после него жить целый год; да, он так и сказал и стоял с этим своим бейненсонитовым сокровищем, которое Боб смастерил, разорив одно из корабельных кресел, и смотрел на Энн доверчиво и без всякого страха, и она тогда в первый раз за все время, что они жили на Капкане, заплакала: как объяснить ему, как растолковать, чтобы он понял, что все его дружки и подружки с каждым днем будут становиться все меньше, все беспомощнее и глупее, и только он один станет взрослеть, расти, набираться сил и опыта, как вместить в эту милую детскую головку то, что не умещается в их с Бобом сознаний? Обмануть, успокоить, приласкать — глядишь, обойдется? Но ведь не обойдется же... просить совета или помощи у Боба она не могла — он и так весь почернел, издергался, с утра до полудня пропадая в корабле, пытаюсь что-то вычислить, сконструировать, найти какой-то выход. И Энн стала рассказывать сыну правду, которая звучала, как недобрая сказка: в некотором царстве, в некотором государстве, говорила она, далеко отсюда, на планете по имени Земля, давным-давно жили умные и смелые люди, они построили огромный корабль, во много раз больший, чем тот, где теперь работает наш папа, и полетели так далеко, что сигнал от них шел бы домой долгие годы. Поэтому они и не пытались его посылать, но так случилось, что они пролетали мимо звезды, которая притягивает к себе все, что окажется рядом, если только оно летит медленнее субсвета... Ну да, поэтому кораблю пришлось сесть на одну из планет, которая вращалась вокруг этой звезды и походила на их родную Землю: там были и воздух, и вода, и растения. Одно только там было плохо — оказалось, что на этой планете у людей не могут рождаться дети...

Энн дошла до этого места и остановилась, потому что даже земному ребенку не так-то просто объяснить тайну человеческого появления на свет, а Титу, капканцу, единственному родившемуся здесь ребенку, и вовсе невозможно было сказать ничего разумного. Как ни мал он был, а все-таки дважды уже видел, как приводили Возвращающихся с нетерпением ожидавшие их капканцы, как считали они дни до того момента, когда надо будет идти в трансформаторий, и с утра стояли у его желтых дверей выдачи... Тит смотрел на нее широко раскрытыми глазами, как все дети, которым рассказывают сказку, и Энн поняла вдруг, что он не станет задавать ей никаких вопросов, а будет просто слушать эту страшную правду, веря и не веря в нее, готовый принять самые невероятные условия, лишь бы все получалось интересно и понятно... Так вот, сказала она, видя, что Тит нетерпеливо заглядывает ей в глаза, так вот, эти люди стали думать и гадать, что же им делать: вернуться на Землю они не могли, ждать помощи в ближайшие годы тоже не приходилось, а у них был такой закон — не они его придумали, это была мудрость всех людей на Земле, — что в любых трудных случаях, если нет надежды вернуться домой самим, надо сделать так, чтобы после них остались другие люди, их потомки,

которые либо дождутся землян, либо придумают, как выбраться из беды... И тогда они придумали вот что: если у них не может быть детей, то приходится самим молодеть и молодеть, а потом, когда станут совсем маленькими, им надо очень быстро состариться, чтобы дальше снова молодеть. И они так и сделали. И теперь на их планете живут одни и те же люди — в девяносто лет они появляются на свет, а потом все молодеют и молодеют, пока и их вновь не отнесут в трансформаторий, там они лежат годик и возвращаются вновь, и так они живут уже пятьсот лет — пять поколений, пять генераций... Вот такое дело, сказала Энн, думая, что теперь-то Тит хоть что-нибудь поймет, но он сидел насупившись, потому что волшебная история, так хорошо начавшись, превратилась под конец в самую что ни на есть заурядную, ведь он каждый день видел вокруг себя эту неинтересную, совсем обычную жизнь... Великий Космос, подумала Энн, в этом ненормальном мире даже сказки шиворот-навыворот, ребенку надо попросту рассказывать о Земле, все как есть, точнее, как было, и он станет слушать, раскрыв рот, и требовать продолжения. По капканским меркам, Энн была неповинна в том, что случилось, потому что нет и не может быть событий, не predeterminedенных заранее — на этой аксиоме дер-

жится заведенный на Капкане порядок: в известный день и час человек является в мир и покидает его, чтобы бесконечно повторять этот цикл. Долгий внешний путь его проходит под присмотром климатизаторов, а краткий внутренний — в чреве трансформатория. Любые случайности, таким образом, исключены, а поскольку все обитатели планеты участвуют в этом раз и навсегда заведенном круговороте, их встречи и расставания запрограммированы самими жизненными циклами, и всякий наперед знает, что и когда с ним произойдет. И в этом смысле судьба Тита предопределена заранее с той же точностью, с какой работает аппаратура поддержания искусственного климата, давления, температуры, влажности и других жизненно важных величин.

Для землянина будущее, скрытое завесой неизвестности, такой же факт бытия, как для капканца — точное, до деталей, знание своего завтра, благодаря каковому он только и может существовать. И ни одна земная мать не стала бы лишать своего ребенка, заброшенного на чужую планету, сказки, которая поведала ему о его прошлом и будущем; и до этого злосчастного времени Энн каждую минуту рассказывала Титу о Земле, и он рос, мечтая о зеленой траве и голубом небе, темных ночах и солнечных днях, о зиме и лете, о снеге и дожде, гриппе и коклюше, зубной боли и несчастной любви, о тысячах волшебных, сказочных, невероятных вещей, которые влекли его сильнее, чем... да, сильнее, чем все на свете.

12.00.00/356.947/V

— Мы собрались по просьбе членов Совета командора Морева. Ему слово.

— Сегодня двенадцать лет со дня старта разведывательного корабля руководимой мною Экспедиции, задача которой — поиски «Чивера-1». Как хорошо вам известно, это первая попытка поиска Невернувшихся, предпринятая через ползры после их исчезновения. Развернуть поиски раньше мешала тысяча причин. Сейчас их нет. Значит, следует немедленно послать нуль-флот в квадрат, где в последний раз были приняты сигналы малого внегалактического охотника «Чивер-2923».

— Подсчитана ли стоимость такой экспедиции и совместима ли она с ранее утвержденными Советом планами?

— Подсчитана. Ориентировочно — 15 миллионов человеколет, что составляет полпроцента наличных ресурсов Совета.

— Но это больше, чем любые две программы, вместе взятые!

— Едва ли стоит в данном случае проводить сравнения и параллели. Поиск Невернувшихся — а перед нами два экипажа землян, о судьбе которых ничего не известно, — долг, не сводимый к цифрам и выкладкам.

— Тем не менее существуют планы, реальность которых не вызывает сомнений, и проекты, осуществимость коих под большим вопросом. Куда прикажете направить ресурсы, всегда, увы, ограниченные?

— Прошу прекратить неаргументированную полемику. Время Совета слишком дорого для неподготовленных дискуссий. Согласно ранее поданной просьбе докладчика, предлагаю выслушать мнение эксперта Грусткина.

— Я буду предельно краток. Исследования, проведенные в ЭРЭ за последние несколько лет, позволяют немедленно получить экономию в 25 миллионов человеколет, что полностью покрывает стоимость такой же немедленной посылки нуль-флота на поиски Невернувшихся. Подробные расчеты прилагаются.

12.00.15/356.947/V

БОБ

Корабль практически не получил никаких повреждений и внешне выглядел вполне исправным, прошедшим, правда, нелегкую дорогу и нуждающимся в профилактическом ремонте. Рольсен не вылезал из двигательного отсека, копшился в реакторном отделении, колдовал над панелями блоков управления, прозванивая схемы, прогоняя тесты, настраивая аппаратуру. Он с удовольствием занимался всем этим. Внутренняя потребность постоянно что-то делать, не слишком отличала его с детства. О его работоспособности ходили легенды. Он ни разу не воспользовался послеполетным отпуском — проходил переподготовку, брался за короткие рейсы, осваивал новую технику полета и управление кораблями различных типов. Теперь накопленный столь разносторонний опыт мог ему очень пригодиться.

Однако чем больше Рольсен приводил корабль в порядок, тем очевиднее ему становилось, что в нынешнем его виде «Чивер-2923» представлял собой по существу грудку отлично функционирующих узлов и агрегатов. Информация, стертая неведомым полем, окружавшим галактику, в которую входил Капкан, была невосполнимой, не хватало тех самых инструкций и параграфов, с которыми он, непрестанно ими пользуясь, боролся. Конечно, Рольсен вполне

мог поднять корабль, проложить курс к любой из близлежащих планет, даже, вероятно, найти тот тоннель во внешней сфере, сквозь который они провалились в этот мир,—оперативная память работала без сбоев, весь путь сюда записался четко. Можно было, следовательно, повторить его и в обратном направлении. Но что толку? Даже если и существовала какая-то теоретически мыслимая возможность обмануть замкнутость этой проклятой вселенной, найти слабину в ее дьявольских законах, шанс—скорее всего, единственный—требовал расчетов, моделирования, осмысления ситуации в целом. Нужно было строить и проверять гипотезы, пытаясь представить себе механизм, управляющий притягивающим полем, разгадать структуру этой чертовой электромагнитной ловушки. Всего этого Рольсен делать не умел—во всяком случае, без полностью набитого программами корабельного мозга.

Он всегда считал, что наставления и уставы, которые портят столько крови в обычных условиях, как раз для того и служат, чтобы пилот мог воспользоваться ими в условиях экстремальных. Поэтому Рольсен и не мудрствовал лукаво—он просто летал, много и охотно, выполняя любые задания, сам искал новые, не отказывался ни от какой космической работы, но никогда не забивал себе голову соображениями, не относящимися к данному конкретному делу. Игорь Грусткин в пылу споров называл его за это приземленцем, но это было, конечно, несправедливо и потому оскорбительно. Это он-то, Рольсен, приземленец?

Да, он летал много и порой без разбора, но таков был его способ накапливать полетный опыт. Каждому—свое. Грусткин месяцами сидел на базе, дожидаясь своей экспедиции, каждый раз все более мудреной. Рольсен же за это время успевал вернуться из трех, а то и пяти более простых. Грусткин бил в какую-то одну, известную ему да двум-трем близким друзьям точку—он не просто исследовал космические феномены, но из них еще выбирал наиболее загадочные. В результате вокруг его имени стал сиять некий ореол, вроде электростатического пояса, и в Списке Пилотов—негласном, но всеми признаваемом табеле о рангах—он стоял первым. Между тем по служебной лестнице Грусткин продвинулся не слишком: они вместе начинали кадет-лейтенантами, но Рольсен через два года был уже пятым, а еще через три—вторым лейтенантом, Грусткин же, при всей своей мудрости, оставался третьим лейтенантом без особых надежд на скорое продвижение. Впрочем, кажется, его это мало трогало...

Поначалу Грусткин не упускал случая подкозырнуть Рольсена, при каждой встрече издевательски просил у него разрешения взглянуть на персональный счетчик парсеков. Но потом отстал, ушел в свои сокровенные проблемы. Они не ссорились, конечно, потому что делали, по существу, одно дело—работали вместе в ЭРЭ, а разрешенных экспериментов в Экспедиции пока еще хватало на всех. Забавно, что последним человеком на Земле, кого он видел, был именно Игорь, пришедший проводить их с Энн, а первым на Капкане—снова Грусткин, только синеволосяй.

И опять-таки—поразительно, как устроена человеческая психика: самые простые и очевидные вещи вызывают наибольшее изумление. Сколько раз на Земле говорили они—кто с одобрением, кто с осуждением—о замкнутости космопилотской касты, о том, что в профессию эту идут люди по наследству, потому что с рождения привыкли слышать дома о звездолетах и млечных трассах, о субсветовом разгоне и парадоксе времени. Логично, казалось бы, сообразить, что и на «Чивере-1» улетели прапрапрадеды и такие же бабки сегодняшних курсантов-звездолетчиков. Если уж кого и суждено им было встретить, так именно кого-нибудь из таких вот знакомых персонажей—и все-таки долго не могли они привыкнуть к мысли, что в природе все происходит именно так, как оно и должно происходить.

Портретное, фенотипическое сходство... Как оказалось, этого мало! Но, конечно, если пять поколений подряд превращать человека в растение, и не того можно добиться. Чудовищная, противоестественная идея... Впрочем, единственно, вероятно, возможная. И надо признать, мастерски реализованная.

Оторванные от Земли, без малейшей надежды вернуться, они пытались, конечно, прижиться на Капкане, построить дома, наладить быт, растить детей, как требует 26 параграф, который трудно забыть из-за одних хотя бы шуточек, что всегда, очевидно, были с ним связаны. Но проходит несколько лет, и новое несчастье осознается экипажем «Чивера»—у людей, живущих на этой планете, уже не может быть радостей материнства или отцовства. Годы между тем идут. Наверное, им пришлось схоронить самых старых и больных, прежде чем были запущены нынешние климатизаторы—остроумным образом переделанная корабельная мониторинговая система, ставшая похожей на те устройства, что на Земле применяются в клиниках для поддержания жизнедеятельности больных.

Но самые светлые головы из чиверян сумели

повернуть вспять биологические процессы, исходящие в организме, они разработали способ изменить направление ферментативных реакций. Закон униполярности движения жизни, под который делалось столько подкопов в самые разные времена, рухнул, оказывается, много раньше, чем считается на Земле.

Но чивиряне по праву заслужили и еще одну Звезду Героев Разума. Они решили и прямо противоположную задачу, которая на Земле даже не ставилась — да и к чему землянам нужно тратить свои умственные усилия на явно ничемную проблему: как быстро состарить человеческий организм. Вероятно, им, столь глубоко проникшим в механизм физиологической активности, проще было бы совсем исключить старение, но это означало бы, что вся популяция землян на Капкане застынет на одном возрасте, станет статичной, подержанной неведомым и потому еще более грозным опасностям. Ведь как ни совершенны климатизаторы, но и они вносят постоянные ошибки, суммирующиеся со временем. Вечная молодость — вещь рискованная вообще, а на чужой планете — роскошь попросту непозволительная. Поэтому трансформаторий не только старит — он подправляет биофизические программы, не дает накапливаться климатизаторному грузу, отягощающему наследственность капканской популяции — если, конечно, допустимо говорить о наследственности внутри одного и того же организма.

Круговорот людей на Капкане — нереальная реальность, что-то вроде тех «сумасбродных мыслей», о которых твердил Грусткин, постоянно горюя, что его собственные абсурдные планы и проекты недостаточно безумны. Но, с другой стороны, он, этот круговорот, — порождение Большого Космоса, результат необходимости следовать четким установлениям, приравниваясь к самым невероятным обстоятельствам. В этом смысле он бы дал чивирянам и третью Звезду Героя — за образцовое и творческое выполнение требований параграфа 26 «Наставления по осуществлению экспериментального полета». Особенно если бы они удосужились оставить описание устройства и принципов действия основных блоков своего трансформатория или хотя бы не сделали его полностью непроницаемым, словно военно-космический объект класса ноль.

...И все-таки любопытно было бы узнать, в чью именно голову впервые пришла эта гениальная в своей абсурдности идея вывернуть жизнь наизнанку...

15.15.15/3015/VI
ВСЕ СИСТЕМЫ ТРАНСФОРМАТОРИЯ ФИКСИРУЮТ НАСТУПЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ «Ч». СОГЛАСНО ПРОГРАММЕ НАЧИНАЕТСЯ РАССЫЛКА КОМАНД НА СЪЕМ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЭКРАНОВ.
15.15.15/3015/VI

АННА

- Как ты мог, Тит, как ты мог!
- Но, ма, ты сама говорила: надо лишь
- Я чуть с ума не сошла, когда ты исчез, я
- очень захотеть — и все получится.
- металась по всему Капкану, я всех
- Только бояться не надо. Вот я и решил
- расспрашивала о тебе, пока не встретила
- сделать то, что невозможно. Как на
- Грусткина-5 и он сказал мне, что видел
- Земле! Ведь я землянин, ты сама мне сто
- тебя у трансформатория и даже окликнул,
- раз говорила. Ну, вот я и поступил как
- но ты не захотел разговаривать с
- землянин. Ты не плачь, мама, не надо.
- трехлетним стариком, а пошел в Зону
- И прости, что я взял твой медальон,
- Запрета, но я же знала, что там только
- пока ты спала — я снял его, потому что
- люк, который открыть невозможно, да
- впадинка у люка мне показалась такой
- еще крохотное углубление
- же формы, как твой медальон — я все
- неизвестно для чего — и это все, что
- время об этом думал с тех пор,
- есть в Зоне Запрета у трансформатория.
- как впервые эту впадинку увидел. И я
- Я помчалась, как безумная, туда и
- решил вставить его туда — ну хоть
- увидела лишь отцовскую булавку командора.
- попробовал, что выйдет. И еще
- Как ты мог? Тит? Взять, без спросу
- булавка с бриллиантом...

...Бедный, храбрый мальчишка, истинный землянин, хотя и родившийся на Капкане... Он не умел смиряться с общепринятой нелепостью, с тем, что всем вокруг казалось самоочевидным, единственно возможным, а ему — абсурдом, дикостью, сумасбродством. Теперь, когда он был где-то за непроницаемыми стенами, дважды отгороженный от нее — неприступным металлом и непроходящим страхом, — Энн с мучительной ясностью понимала, что совсем не знала своего сына. Ей было невдомек, как мучительно переживал Тит обратный капканский ход жизни, когда

сам он взрослел, а те, кого считал своими сверстниками, превращались в младенцев. Она осознала вдруг корни его почти болезненной любви к деревьям и кустарникам, к мелким и крупным зверюшкам — ко всему, что растет как и он, а не уменьшается, как синеволодые люди вокруг. Рассказы о Земле, где все так прекрасно, разумно и счастливо, будили в его бесстрашном сердце решимость сразиться со злом, победить его, выполоть этот цветок нелепости, срубить все, скольких ни на есть, головы Змею Горынычу.

И он ринулся в атаку — один, безоружный и беззащитный, безоглядно смелый и безнадежно наивный в своей вере в счастливый исход. Том Сойер, Дон Кихот и Иванушка-дурачок в одном лице, фантастический сплав реальных земных образов, бесконечной чередой проходивших перед ним в ежедневных сказках-былях Энн.

Но даже теперь, вспоминая отдельные поступки Тита и ее с ним разговоры, Энн не могла — в этом она отдавала себе полный отчет — представить себе, насколько ненавистен был для ее сына трансформаторий, это воплощение абсолютного зла, окутанное на Капкане тайной, замешенной на страхе и непонимании. Сколько раз пытались они с Рольсеном побудить кого-либо из капканцев хотя бы задуматься о том, какую странную роль в их жизни играет это противоестественное с точки зрения землянина учреждение, но всегда наталкивались на недоумение, даже раздражение. Ни одного из двадцати пяти капканцев невозможно было убедить хотя бы на миг снять с себя цепочку с металлическим прямоугольником, которую они все носили словно амулеты. А дома — дома оба они, не сговариваясь, никогда не напоминали Титу о том, чего его детский ум, по их разумению, не мог осознать. Мальчик, наверное, приучился думать обо всем этом страшно и недоступно пониманию в одиночку, ни с кем не советуясь и ни перед кем не открываясь. Лишь мир земных сказок, где люди живут по-иному, где можно не только делать, но и думать как тебе заблагорассудится, поддерживал его — и постепенно Тит переселялся в этот выдуманный, нереальный мир и существовал в нем, подчиняясь теперь его законам.

Сколько раз, наверное, проникал он в Зону Запрета вокруг пугающе желтого куба, внимательно исследовал каждый миллиметр поверхности, доступный его взгляду, неотступно думал о том, как проникнуть в заколдованный замок, найти иголку — смерть Кощея Бессмертного — и сломать ее, чтобы дать людям... да, как ни дико это звучит, чтобы дать им обычную человеческую смерть, избавительницу от монотонного капканского бессмертия.

ПУТЬ ВНУТРЕННИЙ

АННА

В сущности, именно так и обстояло дело, если отвлечься, конечно, от того, что четырнадцатилетние мальчишки не решают философские вопросы смерти и бессмертия, а просто борются за счастье и справедливость — в их понимании этих слов. Оранжевая обстановка Капкана не могла сломить генетическую программу, а домашнее воспитание эту программу закрепило.

Что он видел вокруг себя за эти годы, с самого момента рождения? Их жилище, напоминающее скорее кабину корабля с полным жизнеобеспечением. Отца — в те редкие часы, когда он не пропадал на «Чивере». Двадцать пять капканцев, составлявших все население планеты — притом трое всегда находились в трансформатории. Возможность общения с ними была весьма ограничена. Морев-6, завершивший на их глазах цикл старения, вернулся немощным стариком с прозрачными выцветшими глазами и разумом младенца. К восьмидесятилетнему возрасту он имел, естественно, умственное развитие десятилетнего ребенка, но был лишен его подвижности и живости. Тит, которому тоже стукнуло к тому времени десять лет, мог лишь вести с ним долгие беседы, да и то тематика их ограничивалась впитанными Моревым сведениями, которыми информаторий — весьма примитивный и, разумеется, не связанный ни с каким иным хранилищем информации во всей вселенной — питал его скудными дозами в соответствии с программой. Наоборот, девочка, энергичная и подвижная, как и положено ровеснице Тита, в умственном отношении мало подходила ему в подружки, ибо за восемьдесят капканских лет информаторий напичкал ее мозг огромным количеством практически бесполезных сведений.

Энн как-то попробовала обсудить с Рольсеном возможность вмешаться в программу информатория, хотя бы ускорить начальное развитие Возвращающихся. Но тот просто и честно сказал ей, что его, Рольсена, никогда особо не интересовала интеллектуалка, он — пилот и готов лететь куда угодно и на чем угодно, а не заниматься электронными мозгами. Сама же Энн в присутствии Рольсена не чувствовала в себе достаточно смелости, чтобы попытаться применить свои знания многомерного программирования, хотя втайне от него по крохам восстанавливала в памяти все, чему ее учили на Земле.

Она долго готовилась к тому, чтобы найти подход с другой стороны. Для этого ей понадобилось немало времени. День за днем перебирала она в памяти земные разговоры, споры, даже просто случайно брошенные фразы. Это была сложная исследовательская работа, которую она вела по всем правилам, усвоенным в космошколе, — тщательный сбор данных, построение предгипотезы, ее проверка, определение на основании полученной модели наиболее перспективных путей поиска новых данных — и так далее. Свообразие ее работы состояло лишь в том, что весь поиск шел в ее собственной памяти и потому Энн не нуждалась ни в аппаратуре, ни в сотрудниках. Она скрупулезно фиксировала даже мельчайшие обломки воспоминаний — и потому, что это было единственным ее занятием, не считая воспитания Тита, и потому, что любая мелочь могла пригодиться в их бытии.

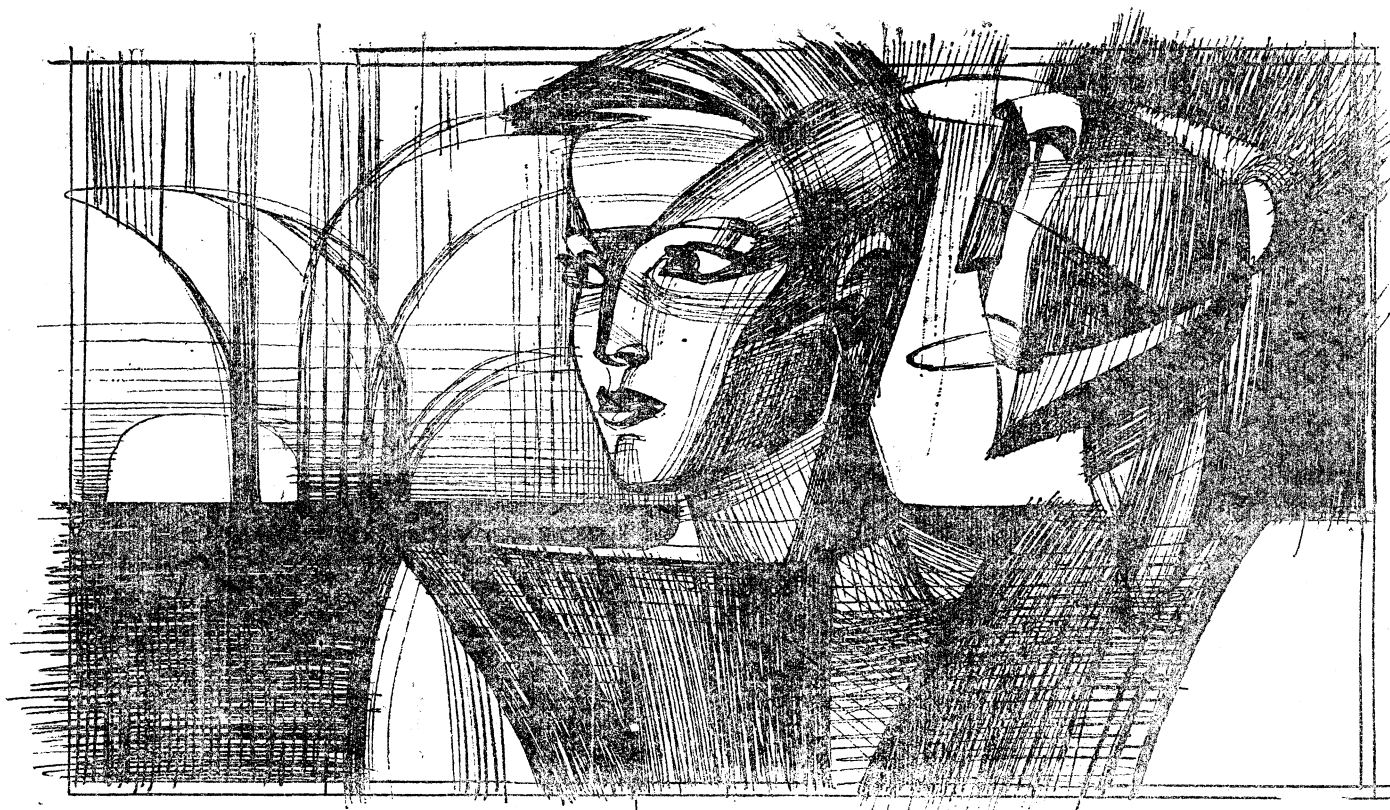
Так перед ней возник несколько иной Рольсен, чем тот, каким она привыкла его видеть. Из массы недомолвок, а порой и прямых его высказываний ей стало ясно, что и к своей профессии пилота он тоже не относился как к делу жизни, ради которого стоит бросить все остальное. Ей, например, несколько раз случалось присутствовать во время встреч космопилотов с космолингвистами — Рольсен обычно блистал на них, поражая своими профессиональными знаниями в этой далекой от вождения корабля области. Энн вспоминала, что он вел себя так, будто релятивистская лингвистика для него столь же важна, как, скажем, астронавигация, и еще трудно сказать, что для него дело, а что — всего лишь хобби. В другой раз ту же практически позицию он занял, когда в турпоходе на астероидное кольцо возник спор об аудиовизуальных средствах передачи информации. Рольсен и тут показал себя большим специалистом, которому предстоящие по окончании космошколы обязанности пилота будут, возможно, мешать плодотворно мыслить над новыми идеями в области формы, цвета, объема, наглядности, информативности и прочих далеких от прокладывания космических трасс понятий. И, наконец, главное, что удалось восстановить в своей памяти Энн, это столь же эрудированные его выступления по поводу именно многомерного программирования! Ей самой казалось тогда, что Рольсен — один из забредших в их общежитие студентов-программистов, а вовсе не пилот-стажер космошколы ЭРЭ. И снова — он говорил с такой уверенностью и страстью, что ребята из математического легиона, уходя, горевали, что ему приходится тратить столько времени и сил на чуждые предметы.

Энн очень осторожно напомнила Рольсену об этом случае, еще и еще раз призывая его что-то сделать для изменения их затянувшейся растительной жизни, если он сам не хочет стать настоящим капканцем — человеком-растением. И если еще помнит, что он тут не на экскурсии, а на службе. К несчастью, разговор шел при Тите, тогда уже достаточно взрослом, чтобы понимать его смысл. Наверное, слова отца запали ему в душу и ранили ее. Да, говорил Рольсен, он помнит, что он офицер ЭРЭ, командорская булавка с этим драгоценным камешком все еще где-то у него валяется. Но теперь они — просто люди. Просто земляне. Об этом говорил Главный, именно об этом. И нет для них теперь никаких инструкций и наставлений, и никто и ничто не велит им что-то непременно изменять и переделывать на Капкане. А кроме того, он, Рольсен, не считает себя узким специалистом в какой-то одной области. Круг его интересов значительно шире, но именно поэтому ни в одной из конкретных областей знания он не обязан разбираться в подробностях — достаточно и того, что он свободно ориентируется в общих вопросах.

Силы гравитационные, стала возражать ему Энн, но ведь в бесконечных препирательствах с Грустким именно Игорь убеждал его, что нельзя быть только пилотом, который летает просто чтобы летать, а он, Рольсен, отстаивал свое право заниматься лишь тем, что входит в его прямые обязанности.

Да плевать я хотел на Грусткого, распаялся Рольсен, не стесняясь присутствием замершего в изумлении сына, только мне теперь и не хватает его заумных рацей. Он все время талдычил о каком-то сверхподходе, о понимании общей картины, в которую все, что ни есть — и навигация, и лингвистика, и интеллектуалка да и вся вообще людская деятельность входят как малые частности. А такой сверхвзгляд — это просто верхоглядство. Можно постигать отдельные науки лишь по горизонтали — одну за другой, ну, скажем, в их взаимосвязи друг с другом. А наднаук в природе не существует, что бы там Грусткий ни сочинял.

Энн поразила эта вспышка. В сущности, весь пафос Рольсена сводился, если говорить чисто прагматически, к тому, чтобы ничего не делать и ни во что не вмешиваться. Неважно, какой аргумент выдвигался при этом — недостаток узких технических знаний или, наоборот, отсутствие всеобъемлющего генерального плана. Рольсен знал лишь свой «Чивер», на котором пропадал с утра до ночи. Но тогда... тогда, подумала Энн, нет никакого резона возиться с кораблем, в рамках новой философии Рольсена и это

занятие тоже лишено смысла. Наверное, ему не хватает специальных знаний электронщика, ядерщика, двигателялиста, а в то же время даже если удастся превратить малый внегалактический охотник в нечто невиданное в смысле скорости отрыва и ориентационной лабильности, то что в том толку, если нет стратегии избавления от капканского плена. Да он вроде бы и не особенно тяготится им...

Когда Энн удалось отфильтровать все эти невеселые мысли от неизбежных эмоциональных наслоений, их жизнь на Капкане предстала перед ней совсем уж несносной. Ну, хорошо, капканцы — законсервированная крохотная популяция, в которой каждая жизнь переливается сама в себя с единственной целью: сохраниться до некоторого счастливого мига. Инструкция требовала «воспроизводства популяции при экстремальных условиях» — и уж куда экстремальнее, в страшном сне не придумаешь. Но они-то, они-то с Рольсеном не летели же сюда только для того, чтобы прозябать в климатизаторах, словно орхидеи? Наоборот, именно с их появлением на Капкане и должен был наступить тот светлый миг, ради которого экипаж «Чивера-1» отказался от нормальной человеческой смерти и обрек себя на существование, смысл которого теперь уже не ясен ни одному капканцу: жить, чтобы

просто жить — как Рольсен хотел летать, чтобы просто летать. Получалось, что трагедия нынешних капканцев находилась в тесной связи с теми спорами, что шли на Земле между Рольсеном и Грусткимым, которые тогда она склонна была считать абстрактным мудрствованием. Непонимание общей картины, одно лишь буквальное следование раз и навсегда заданным правилам без попыток осмыслить их — это и есть типичнейшее капканство. А с другой стороны, полное забвение всех инструкций и наставлений, кроме одного какого-то догмата, тоже ведет к нему же. Ведь и чиверяне построили свой страшный мир исходя из требований одного лишь пресловутого параграфа 26, пусть и важнейшего и определяющего, но не единственного же! В то же время не поступи они так, сегодня на Капкане вообще не было бы никаких людей, пусть даже живущих с обратным направлением времени. И, наконец, вот они есть — а что толку?

Эта цепочка рассуждений, каждое из которых как бы опровергает предыдущее, неожиданно привела Энн к решению заглянуть, наконец, к Бобу, на «Чивер». Так сложилось, что она не бызгала там долгими месяцами — Тит требовал постоянного внимания. Но теперь, после последнего разговора с Рольсеном, Энн овладело какое-то смутное чувство, похожее на подозре-

ние. Она взяла с собой Тита и отправилась за лиловый лес и дальше, через огромное поле, покрытое лиловой же травой,— туда, где серебрился их «Чивер-2923», частично разоренный для того, чтобы превратить их дом в подобие земляного, а частично переделываемый Бобом в нечто могучее и неземное.

Выйдя за радиус действия климатизаторов, Энн надела прогулочный скафандр и натянула на Тита огромный, не по росту, комбинезон, который ей удалось немного присобрать вокруг его тоненького тельца. Дело было даже не в том, что инструкция категорически требовала этих минимальных мер защиты,—воздух на Капкане и в самом деле был не совсем безвреден, он оказывал какое-то пьянящее действие, безусловно ненужное ребенку.

Когда, наконец, за последним перелеском показался корабль, Тит ускорил шаги—ему, видимо, передалось беспокойство, овладевшее Энн. Люк был отдрезан. Устройством входного контроля «Чивера» пропускали ее беспрепятственно как члена экипажа. Энн набрала для Тита код гостя и вызвала по интеркому Боба. Она видела, как одна за другой зажигались лампочки опроса помещений корабля. Вот мигнула последняя, и на табло зажглась надпись «НЕ ОБНАРУЖЕН».

...Энн и не помнила, как она с Титом бежала вдоль поля, как вглядывалась в экран поискового индикатора, взятого ею из аварийного комплекта корабля, как обрадовалась, когда сигнал стал четким и ввел их в заросли капканского кустарника, о который цеплялись их одежды, и как, наконец, увидела она Рольсена, со счастливым лицом бредущего им навстречу безо всякого скафандра, но зато с какой-то огромной заржавевшей железкой в руке.

Когда он подошел ближе и Энн смогла рассмотреть то, что он бережно прижимал к себе,

она сначала просто не поверила своим глазам. Однако уже в следующий миг на душе ее стало одновременно и горько, и обидно, и мерзко.

Интуитивно она ждала беды—но все-таки не такого масштаба.

05.15.20/2900/VI

Появление мыслящего существа в районе входного люка зафиксировано. Показание индикатора интеллекта—единица. Результат теста по таблицам узнавания членов экипажа—отрицательный. Сигнал с датчика угрозы—ноль. Схема совпадений реагирует на эти четыре заранее обусловленных сигнала, поданных одновременно, переходом к программе «КОНТАКТ».

Схема слежения за объектом фиксирует его перемещение к первому указателю. Посылка сигнала на включение второго указателя. Далее—аналогично, вплоть до появления сигнала «ОБЪЕКТ У КОММУНИКАТОРА».

Алгоритм отработан. Прошел сигнал включения коммуникатора объектом. Прогонка тестов контроля системы жизнеобеспечения. Результат—норма.

Зафиксирован сигнал физиологического контроля о повышенном расходе энергии объектом. Подан на вход системы жизнеобеспечения. Подняты поддерживаемые постоянными уровнями подачи витаминов, белков, кислорода.

Подготовлены цепи схемы оповещения объекта о возможности покинуть помещение вместе с тремя другими объектами, находящимися в изолированном отсеке.

Начат обратный отсчет времени.

Проходит сигнал: «ОТДРАИТЬ ЛЮК».

Приказ выполнен.

12.00.00/3010/VL

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

К читателям НФ

«Какой быть викторине и быть ли ей?»— обращение редакции к читателям вызвало многочисленные отклики. Отдел НФ предполагает в 1987 году выступить на страницах журнала с кратким обзором этих писем, тем более что многие авторы не ограничиваются однозначным «да» или «нет», а глубоко аргументируют свои суждения, высказывают мнение в целом о разделе фантастики в журнале.

А пока можно сказать, что чи-

тательское мнение единодушно: викторине быть (объективности ради отметим, что одно письмо, из Мытищ, содержит резко отрицательную оценку). Предложений, самых различных, много, они нуждаются в осмыслении. Учитывая это, редакция, в порядке исключения, отступит от традиционного правила помещать викторину в первых номерах журнала, а отнесет ее публикацию на более поздние сроки. Не имея возможности

ответить лично каждому автору, журнал приносит благодарность своим читателям за отзывы о разделе НФ. Их мнения, предложения так или иначе будут учтены редакцией.

Много писем с вопросами пришло и в адрес братьев Стругацких. Редакция также благодарит читателей, проявивших живой интерес к творчеству писателей. В настоящее время читательская почта находится у братьев Стругацких.

Как предвидеть землетрясение?

Испокон веков разрушительные землетрясения приносят людям несчастья. На нашей беспокойной планете ежегодно от них гибнет более 10 тысяч человек. Несмотря на успехи науки, угроза этого стихийного бедствия с каждым годом заставляет людей все более и более тревожиться.

Разработка проблемы предсказания землетрясений чрезвычайно сложна. В отличие от метеорологии, которая имеет дело с непосредственным наблюдением воздушных масс, сейсмология оперирует лишь косвенной информацией о состоянии недр планеты. Действительно, самые глубокие скважины пока достигают десяти километров, в то время как очаги землетрясений располагаются на глубинах до семисот километров, а процессы, вызвавшие их, могут захватывать еще большие глубины.

И тем не менее, последние годы характеризуются значительными исследованиями по проблеме прогноза сейсмических явлений. Сотрудники Института физики земли Академии наук СССР разработали различные способы, как моделировать поведение горных пород в определенных тектонических условиях.

В лаборатории, на цветных образцах, под нагрузкой моделируется сейсмическая жизнь различных районов страны в условиях активизации очагов землетрясений. Ученые в результате этих экспериментов получают фотографии — карты сейсмической деформации земной поверхности.

Идут эксперименты на песчаных моделях, когда толщу песка снизу подпирает поднимающаяся из недр лава — боколит. Очень наглядно «образуются» трещины и растут горные хребты.

Исследуются отдельные горные породы. Образцы их помещают в камеру высокого давления. Образец похож на ежика — так он со всех сторон облеплен датчиками. Давление в камере достигает 50 тысяч атмосфер — такие давления существуют в земной коре на глубине верхней мантии.

Проводятся уникальные эксперименты и на одном из мощнейших в стране прессов мощностью 50 тысяч тонно-сил, где тоже исследуется стойкость горных пород.

Опускаются работники института и в глубокие шахты, чтобы там, в толще горных пород, провести опыты по натурному моделированию, чтобы узнать: как ведут себя отдельные блоки под нагрузкой верхних пластов?

А когда где-нибудь в Средней Азии или Сибири случаются сильные землетрясения, Институт немедленно направляет к эпицентру целые экспедиции, чтобы по горячим следам исследовать свежие разломы и подвижки земной поверхности.

В результате всех этих исследований создана карта сейсмического районирования СССР. На этой карте, с охватом четверти территории страны, выделены районы-пятна, в которых можно ожидать землетрясения.

Ю. ГУРВИЧ

Дробь... из космоса?

На побережье моря Лаптевых, неподалеку от заледевших отрогов хребта Кулар, есть ничем не примечательное озеро Спирка. Ферма его — округлая, как у блюда, размеры небольшие: около двух километров в диаметре. Но от соседних озер оно отличается приличной глубиной и еще тем, что хранит многовековую тайну...

Лет двадцать назад геологи Куларской геологоразведочной экспедиции, проводившие здесь работы,

обратили внимание на часто встречающиеся в керне металлические шарики. Рабочие-проборщики назвали их «дробью». Шарики, преобладающая часть которых имела размеры просыпанных зерен, были черными и очень похожими на те, которые обнаружены на месте падения «Тунгусского дива»...

Площадь распространения «дробь» превышает 100 квадратных километров. В центре этого района и находится озеро Спирка. По прикидкам геологов вес шариков только на обследованной территории составляет не одну сотню тонн. Но специально изучением вещества и природы шариков тогда, по горячим следам, никто не занимался: ведь искали совсем другое.

Несколько лет спустя шарики заинтересовали геолога Янской геологоразведочной экспедиции В. Перяслова. Он отобрал из шлиховых проб такое количество «дробь», чтобы можно было определить ее химический состав, и направил пакетик в лабораторию. Но его неожиданная смерть помешала продолжить исследование.

Так до сих пор и осталось невыясненным, что это за шарики и в результате какого процесса или явления природы они образовались? Из каких химических элементов они состоят? Какова полная площадь распространения загадочных природных образований? Может быть, озеро Спирка находится в углублении, образовавшемся в результате удара о земную поверхность какого-то космического тела? Все эти вопросы еще ждут своей разгадки и, может быть, кто-нибудь из нынешних юных следопытов когда-нибудь раскроет тайну озера Спирки...

Ю. ЗУБКОВ

Приз — за песню

«Юность комсомольская моя!» — так называется областной телевизионный конкурс молодых исполнителей советской песни, что проводится на сценах клубов и Дворцов культуры Свердловской области Комитетом по телевидению и радиовещанию и обкомом ВЛКСМ. Ныне конкурс, популярному и среди молодежи, и среди всех других возрастов, исполнилось пятнадцать лет. Много одаренных исполнителей открыли за эти годы праздники песни. Сам конкурс стал массовым: в нем участвуют сотни юношей и девушек. Несколько лет назад инициативу свердловских любителей песни под-

хватили молодые исполнители Пермской и Челябинской областей.

Журнал «Уральский следопыт», одна из целей которого — воспитание подрастающего поколения на лучших образцах духовной и материальной культуры народа, учредил в этом году приз за лучшее исполнение русской народной песни. Первой обладательницей этого приза — скульптуры Следопыта, выполненной каслинскими мастерами, стала лауреат областного конкурса 1985—1986 года Людмила Булатова из поселка Верхние Серги. Исполнение ею русской народной песни «Ой, да ты калинушка» было одним из ярких украшений заключительного концерта во Дворце молодежи Свердловска.

АВТОГРАФ ИВАНА ДЕМИДОВА

Яков АНДРЕЕВ

Тисненый кожаный переплет, чуть потемневшие от времени рукописные страницы... На титульном листе черными чернилами со старанием выведено название:

«Слово похвальное блаженныя и вечнодостойныя памяти государю императору Петру Великому в торжественное празднество коронавания Ея императорского величества всепресветлейшая самодержавнейшая великая государыня императрицы Елисоветы Петровны самодержцы всероссийския в публичном собрании Санкт-Петербургской императорской академии наук говоренное Михаилом Ломоносовым апреля 26 дня 1755 года».

Эту рукописную книгу восемнадцатого столетия сотрудники Уральской объединенной археографической экспедиции приобрели в Уфе у местного книголюба.

В конце рукописного текста произведения выдающегося деятеля русской науки и литературы Михаила Ломоносова сообщается, что «Похвальное слово» переписано Иваном Демидовым. На внутренней стороне переплета сделана надпись: «Из библиотеки дворянина Евдокима Демидова», рядом поставлена цифра — «46», видимо, порядковый номер домашней библиотеки Евдокима Никитича.

Кто же из Иванов Демидовых переписал собственноручно ломоносовское «Похвальное слово»? В роду Демидовых было немало Иванов, только у одного Евдокима Никитича это имя носили три ближайших родственника — брат, сын и племянник...

Евдоким Никитич Демидов владеет заводами так называемой Людиновской группы в центральных районах России, имел также шесть небольших промышленных предприятий на Южном Урале. Сам он проживал в Москве, историки на-

зывают даже точный адрес его: Гороховый переулок, 4. Дом был построен по проекту знаменитых архитекторов Казакова и Кокорина, с последним Евдоким Никитич состоял в прямых родственных связях.

Можно предположить, что «Похвальное слово» Михаила Ломоносова переписывал сын Евдокима Никитича — Иван. Ему, Ивану Евдокимовичу Демидову, достались в наследство два небольших железодельных завода на Южном Урале. Видимо, поехав на эти свои заводы, Иван Евдокимович и прихватил с собой из библиотеки отца самодельную книгу с «Похвальным словом», которую он переписывал в детстве или в отрочестве. Так можно было бы объяснить и тот факт, что в наше время эта рукописная книга оказалась недалеко от того места, где находились железодельные заводы Ивана Демидова.

Зачем же Евдокиму Демидову нужно было иметь в своей домашней библиотеке «Похвальное слово» Ломоносова? Думается, не только из любви к русской словесности. В «Похвальном слове» воспеваются великие деяния Петра I, которому весь род Демидовых обязан своим процветанием, славой и несметным богатством.

В той оценке, которую давал великий Ломоносов «делу Петрову», Демидовы видели в какой-то мере и оценку своего вклада в развитие российской промышленности:

«Многие нужные вещи, которые прежде из дальних земель с трудом и за великую цену в Россию приходили, ныне внутри государства производятся и не токмо нас доводят, но избытком своим и другие земли снабдевают. Похвалились некогда окрестные соседи наши, что Россия государство великое, государство сильное, ни военного дела ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетного тиснения, но и нужного железа к приготовлению оружия, с чем бы стать против неприятеля. Исчезло сие наречение, от просвящения Петрова отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою, проливаются из них металлы, и не токмо внутри отечества обильно распространяются, но и обратным образом якобы заемныя внешним народам отдаются. Обращает мужественное российское воинство против неприятеля оружие, приготовленное из гор российских российскими руками...»

АВАНГАРДИСТ ОЗАНФАН

Виктор СЕМЯННИКОВ,
Евгений СУББОТИН

Летом 1913 года в час вечернего променада на центральной улице губернского города Перми — Сибирской внимание прохожих привлекла новая пара. Рядом с хорошо знакомой пермякам Зинаидой Клинберг шагала молодой элегантно одетый господин, в облике и манерах поведения которого чувствовался иностранец.

Иностранец в Перми — явление редчайшее. Гуляющие терялись в догадках: кто он и как оказался в богом забытой провинции, где читают столичные газеты недельной давности? Но любопытство обывателя быстро было удовлетворено.

Встречая знакомых, Клинберг с гордостью представляла кавалера:

— Познакомьтесь, пожалуйста: Амеде Озанфан, парижский художник, мой муж...

Представим и мы читателям этого человека.

Амеде Озанфан родился 15 апреля 1886 года в Сен-Кантене (Франция), в семье строителя. Школьные годы провел в Испании. Вернувшись в Сен-Кантен, посещал местную рисовальную школу Ла Тура. По окончании ее, в 1906 году, переезжает в Париж и поступает в академию Ла-Палетт. Уже через год его имя становится известным в художественных кругах французской столицы. Работы Озанфана привлекают внимание специалистов и публики, пользуются успехом на ряде вернисажей Парижа.

По совету друзей художник совершает вояж по странам Европы. Цель путешествий: стремление к совершенству, жажда знаний, желание познакомиться с лучшими произведениями европейской культуры в подлинниках.

Начиная с 1909 года, Озанфана трудно застать в парижской мастерской. Он постоянно в разъезде. Художник посещает Бельгию, Голландию, Нидерланды. В 1912 году Озанфан приезжает в Россию...

Блестящая организаторская деятельность пермяка Сергея Дягилева на ниве пропагандиста русского

искусства за рубежом способствовала тому, что выдающиеся деятели европейской культуры проявили большой интерес к нашей стране, стали изучать ее историю и культуру. Не избежал этого интереса и Озанфан.

Вояж Амеде Озанфана в Россию закончился неожиданно романтично. В 1912 году в Петербурге он женится на обаятельнейшей Зинаиде Клипберг и вместе с ней отправляется уже в другое путешествие — свадебное, в Пермь, к месту жительства ее родителей.

В Перми молодые Озанфан остановились в доме на Пермской улице (ныне ул. Кирова, 45). И началась беспокойная жизнь парижанина Амеде в тихом городе на Каме.

Знакомство следовало за знакомством. Новоприехавший тесть, статский советник Ф. А. Клипберг, человек уважаемый в городе, представил иностранца своим коллегам — членам Пермского окружного суда, где занимал должность товарища председателя. Теща, г-жа Н. Я. Клипберг, познакомила Амеде с педагогическим составом Александровской женской гимназии, в которой после окончания Высших женских курсов преподавала русский язык и словесность. Будучи одновременно начальницей этой же гимназии, г-жа Клипберг показала Амеде и само здание гимназии на Сибирской (ныне ул. К. Маркса, 33, здание средней школы № 11), обратив его внимание при этом, что ранее оно принадлежало семейству Дягилевых.

Сама Зинаида Озанфан-Клипберг познакомила мужа с художниками Перми, так как в этих кругах ее имя было хорошо известно. Еще учась в Строгановском училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, Зиночка Клипберг приняла участие в художественной выставке, организованной в конце 1907 года в Пермском научно-промышленном музее. Ее оригинальные работы были весьма популярны в городе на Каме.

Свадебное путешествие четы Озанфан было непродолжительным. Из Перми они выехали к месту своего постоянного жительства — в Париж, увозя с собой, как память о родине Клипберг, серию работ под названием «Путешествие по России», написанных Амеде. Ныне посетители художественного музея швейцарского города Базеля могут

увидеть две работы Озанфана из этого цикла «Башня» и «Вояж у Н. Новгорода». Возможно, что где-то в частных собраниях или в каких-либо иных художественных хранилищах Европы имеются и другие произведения А. Озанфана, выполненные в Перми.

О дальнейшей судьбе Амеде Озанфана известно следующее. В 1915—1917 гг. он издает в Париже журнал «Вдохновение», где группируются представители искусства «авангарда». В 1918 году Амеде Озанфан совместно с Ш. Жаннере (известного под псевдонимом Ле Корбюзье) публикует манифест пуристов «После кубизма».

Не получив развития в станковых формах, существенно пересмысленная теория пуризма нашла применение в современной архитектуре, особенно в постройках Ле Корбюзье.

В последующие годы Амеде Озанфан сотрудничает в журнале «Экспри нуво». Вместе с Ф. Леже открывает в 1924 году в Париже бесплатную мастерскую. Именно в это время у них училась Надя Леже (Надежда Ходасевич). В 1928 году Озанфан участвовал в выставке современного французского искусства в Москве. В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина имеется его работа «Графика на черном фоне», приобретенная с этой выставки.

Затем Амеде Озанфан увлекся педагогической деятельностью: в Париже открылась академия его имени, были образованы собственные школы рисования в Лондоне и Нью-Йорке.

В 1961 году Озанфан был удостоен большой чести — стал участником Салона художников-живописцев «Великие и молодые сегодня», открытого в столице Франции.

Амеде Озанфан умер в 1966 году в Канне. А пятнадцать лет спустя во Франции и СССР на выставках «Париж — Москва» и «Москва — Париж» любителям живописи предоставилась возможность вновь встретиться с работами художника. В их числе были и два произведения из серии «Путешествие по России», написанные во время поездки в Пермь.

А как сложилась жизнь Зинаиды Клипберг? К сожалению, известно только, что в 1918 году брак Зинаиды Клипберг с Амеде Озанфаном был расторгнут...

БАЛЬМОНТИСТКИ ИЗ ТЮМЕНИ

Владимир ЖЕРНОВНИКОВ

За 400 лет существования Тюмени ее посетили, как утверждают старые газеты, две царствующие особы: в 1837 году наследник престола сын Николая I Александр, в честь которого улица Благовещенская была переименована в Царскую (ныне улица Республики), и в 1915 году «король символизма» Константин Бальмонт. Посещение первого прошло помезно, но вскоре забылось. А вот о именитом поэте долго говорили и писали.

Все было в нем выходящее за рамки установившихся представлений: длинные, до плеч, пышные рыжие кудри, быстрые зеленоватые глаза, стремительная походка... Слегка прихрамывая, с цветком в петлице появился он на сцене. За кафедрой принял эффектную позу. Недоумение вызвала и его непривычная декламация стихов.

Слушали его с повышенным вниманием, однако не переставая удивляться. Он читал свою лекцию «Поэзия как волшебство» по книжечке, правда, своей же, недавно выпущенной.

Константин Бальмонт подкупал редкостным поэтическим даром, который, кстати, ценили Чехов и Короленко, Горький и Брюсов, Луначарский и Эренбург. Последний восхищался им и как путешественником. Ведь поэт объездил полсвета. Никто, пожалуй, из литераторов не мог тогда соперничать с ним и в этом.

К. Д. Бальмонт был приятно растроган радужным тюменским поклонником его таланта. Произвели на него впечатление тишина и спокойствие города. Поэт держал путь в Омск, но решил остановиться в первом сибирском городе и остался очень доволен.

Потом он часто вспоминал приключившийся в Тюмени курьезный эпизод. Афиши с именем Бальмонта, приглашавшие на его лекцию, были приклеены мучным клейстером. И козы, каких немало бродило по улицам, съели их. Константин Дмитриевич в беседах с друзьями смеялся:

— Меня знает вся Россия, а в Тюмени даже козы — отъявленные бальмонтистки.

КНИГОЛЮБЫ ПУШКИНЫ

Рудольф ПИХОЯ

Упрямства дух нам всем подгадил.
В свою родню не укротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешан им.

Так писал А. С. Пушкин об одном из своих предков — стольнике Федоре Матвеевиче Пушкине, казненном в 1697 году за участие в заговоре против Петра I.

О давних событиях в «роду Пушкиных мятежных» напомнили старинные книги, изданные в XVII веке и недавно оказавшиеся на полках хранилища древних книг и рукописей Уральского университета. Вспомнить об этом призывали сами книги, точнее, записи, оставленные еще в XVII веке на полях книжных страниц. В напечатанной в 1640 году в Москве «Триоди постной» запись сообщила, что книга в 1652 году, 1 марта, была пожалована окольным Степаном Гавриловичем Пушкиным в свою вотчину в Муромском уезде, в церковь, и быть той книге в церкви «без выносу», а ее читателем положено «родители наши поминать».

Последуем же за указанием записи и вспомним «родителя» — отца Степана Пушкина — Гаврилу Григорьевича Пушкина. Его карьера начиналась с должности стрелецкого сотника. В 1601 году он оказался на Урале в недавно перед этим построенном городке Пельме. Был он там письменным головой пельмского воеводы.

Должность была хотя и доходная, но незавидная. Пельму, основанному в 1593 году, очень скоро пришлось уступить свою роль опорного пункта русского освоения Урала и Зауралья Верхотурью, появившемуся в 1598 году. Позже Гаврила Григорьевич был назначен городовым воеводой в Белгород.

Над Россией поднималось зарево Смутного времени. На западной границе было неспокойно. В Польше объявился самозванец. У царя Бориса Годунова нашлись противники и на Руси, среди дворян и боярства. Не минули эти события и Гаврилу Пушкина.

«Судя по ловкости и осмотрительности, проявленной Г. Г. Пушкиным на всех последующих поворотах его жизненного пути, он, переходя на сторону самозванца, — писал исследователь рода Пушкиных С. В. Веселовский, — шел в ногу с большинством людей своего круга, не предупреждая событий и не отставая от них».

Позже, создавая свою драму «Борис Годунов», А. С. Пушкин отвел своему далекому предку Гавриле Пушкину одно из центральных мест среди русских помощников самозванца. Уже при Лжедмитрии I Григорий Пушкин был пожалован в Боярскую думу, стал окольным. После гибели самозванца Пушкины служили новому царю Василию Шуйскому, а когда позиции этого царя оказались непрочными, то участвовали в его свержении и насильственном пострижении царя и царицы в монастыри.

При новой династии — Романовых — Гаврила Пушкин остался в Думе, сохранив свое, полученное еще при са-

мозванце, звание окольного. Г. Г. Пушкин управлял Челобитным, а позже Разбойным приказами. Службное положение Пушкиных упрочилось при царе Алексее Михайловиче. Один из сыновей Гаврилы Пушкина — Григорий — был пожалован в бояре, стал судьей Челобитного приказа, заведовал Оружейным и Ствольным приказами, Золотой и Серебряной палатами, ездил с посольством в Швецию. Брат Григория, Степан, дослужился до окольного: по семейной традиции, управлял, правда, недолго Челобитным приказом, бывал воеводой во многих городах, ездил в посольства. Его дети — Яков и Матвей, следуя по дороге, проторенной предками, унаследовали их место среди знати Российского государства.

За служебными успехами Пушкиных менее заметна родня Соковниных, Хованских, были они и большими почитателями книг. Ленинградский исследователь С. П. Луппов обнаружил и опубликовал сведения о людях, приобретавших книги на Московском печатном дворе. Среди них — Пушкины. Здесь упоминаются уже знакомые нам боярин Григорий Гаврилович Пушкин, его брат окольный Степан Гаврилович, тут же и другие Пушкины — стольник Петр Пушкин, окольный Борис Иванович Пушкин. Чаще всего среди покупателей встречается Григорий Гаврилович. Он покупал большую часть новинки Московского печатного двора. Он и стольник Петр Пушкин приобрели одну из первых русских печатных книг с большим количеством картинок, украшенное гравюрами издание по военному делу — «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей».

Самый большой интерес у Пушкиных вызывал свод законов Российского государства — знаменитое «Соборное Уложение 1649 г.» Особое внимание, которое было проявлено к этой книге, объяснялось и тем, что Пушкины участвовали в Земском соборе 1648—1649 гг., где выработывались законы, окончательно закрепившие на целых два с лишним века право помещиков владеть крепостными крестьянами.

Свидетельством непосредственного участия Григория Гавриловича и Степана Гавриловича Пушкиных стали их собственные росписи под решениями Земского собора.

Но вернемся опять к тем книгам, которые были в вотчине у Степана Гавриловича Пушкина. Если первая из упоминавшихся здесь книг — свидетельство неуклонного подъема рода Пушкиных, то за листами второй встают несчастья и беды, обрушившиеся на этот род и его окружение в XVII веке.

Эта книга — прекрасно сохранившаяся толстенная «Псалтырь со воследованиям», изданная в Москве в 1646 году.

Псалтырь недолго пробыла в пушкинской вотчине. Вскоре ее продали в один из рязанских монастырей. Следующие записи говорят, что книга и там долго не задержалась. Она оказалась в боярских хорамах. На этот

раз ее владельцем стал некий Кондратий Иванович Вербицкий, именовавший себя служилым человеком боярина Лопухина-Большого. О Вербицком почти ничего не известно. Другое дело его хозяин Петр Аврамович Лопухин-Большой. Дядя жены Петра I — Евдокии Лопухиной, он выдвинулся в первые ряды знати благодаря свадьбе своей племянницы, стал боярином, управлял двумя важными приказами — Большого дворца и Дворцовым судным. Но удержаться здесь ему не удалось. Уже в первые годы правления молодого Петра наметился конфликт между царем и частью знати, настороженно и с опаской следившей за началом преобразовательной деятельности, недовольной постоянными «экзерцициями», маневрами и учениями, приближением ко двору родственников людей и иностранцев.

Следствием разлада правящей верхушки стали судебные процессы. В 1694 году по указу Петра неожиданно был арестован Петр Аврамович Лопухин-Большой, его пытали, под пытками он и умер. Существо обвинений, предъявленных царицыному даде, осталось неизвестным — следственное дело погребено. Есть лишь косвенные намеки на содержание обвинения. Но не содержится ли подсказка к причине событий 1694 года в записи, сделанной на книге из пушкинской вотчины накануне беды, разразившейся над Лопухиным-Большим? Прочитируем эту запись:

«202 году декабря в 10 день (то есть в 1693 году) продал сию книгу Псалтырь со следованиями Иосифовского въходу боярина Петра Аврамовича Лопухина-Большого человек Кондратий Иванов сын Вербицкой зачисто, а подписал Кондратьей своею рукою, а купил Петр Христофоров».

В этой довольно обыкновенной записи есть одна неожиданная деталь: продавец, служащий у боярина Лопухина, подчеркивает, специально указывает, что проданная им книга — «Иосифовского въходу», то есть напечатана была при патриархе Иосифе, до книжного исправления, предпринятого патриархом Никоном и его преемниками. Подчеркивать «дониконовский выход» книги мог лишь человек, разделявший старообрядческие симпатии к «неисправленным» книгам, тем более, что в это время и правительство, и церковь с одинаковым усердием преследовали «любителей древнего благочестия». Следовательно, и продавец, и покупатель — люди близкие к расколу. Другое следствие: не свидетельствует ли это старообрядческое окружение боярина П. А. Лопухина-Большого о взглядах самого боярина?

В таком случае причастность к расколу вполне могла быть одной из статей обвинения П. А. Лопухина, а со сторонниками «старой веры» власти расправлялись сурово, хорошо запомнив роль староверов во время стрелецких выступлений и бунта Хованского, считая их (и не без основания) противниками начавшихся преобразований.

Однако вернемся к роду Пушкиных. В судьбе книги из вотчины окольного С. Г. Пушкина отразились не только судьбы ее непосредственных владельцев, но и того времени.

В 1694 году был запытан до смерти боярин Лопухин, спустя три года катастрофа разразилась и над Пушкиными. В конце февраля 1697 года стрельцы обратились с изветом (доносом) на бывшего стрелецкого полковника Ивана Цыклера. Иван Цыклер, родом из служилых иностранцев, сделал карьеру, командуя стрельцами, дослужился до полковника Стременного полка, особенно близкого ко двору, считался сторонником паревны Софьи, в 1689 году перебежал на сторону Петра.

Петр не слишком доверял перебежчику. Цыклер, хотя и получил награду и звание думного дворянина, должен был уехать на воеводство в Верхотурье, где про-

был с 1692 по 1695 год. Ненадолго он снова оказался в столице, чтобы уехать на новое воеводство — в только что отвоєванный Таганрог. Недовольный своей палатой, сохранив связи со стрельцами, среди которых было немало противников Петра, он начал искать возможных участников покушения на царя, интересовался, «можно ли его, великого государя, на пожаре или на Москве изрезать ножей в пять?»

Попад в застенки Преображенского приказа, ведавшего политическим сыском, он вскоре дал показания о своих сообщниках — окольным Алексеем Прокофьевичем Соковниным и о его зяте стольнике Федоре Пушкине (внуке Степана Гавриловича). А. П. Соковнин едва ли не был центральной фигурой заговора.

В схватке у русского трона двух кланов — Милославских, родни первой жены царя Алексея Михайловича, и Нарышкиных, откуда происходила царица Наталья Кирилловна, мать Петра I, Соковнины, несомненно, были на стороне Милославских. К тому же Соковнины отличались приверженностью к старой вере. Урожденными Соковнинными была боярыня Морозова и ее сестра княгиня Урусова, предпочившие смерть измене «древнему благочестию». А. П. Соковнин в течение довольно долгого времени подыскивал возможности устранить Петра. Роль его зятя — Федора Матвеевича Пушкина — была иной. Непосредственного отношения к заговору он не имел. Однако своего враждебного отношения к Петру не скрывал, был обижен, что его отца послали воеводой в только что отбитый у турок разоренный Азов, неоднократно и разным людям говорил, что «погубил-де государь всех и за то можно его, государя, убить...»

Этого было вполне достаточно, чтобы 4 марта 1697 года казнить Федора Пушкина вместе с Иваном Цыклером и Алексеем Соковниным. Отца Федора, Матвея Степановича, лишили боярства, отобрали имущество, сослали в Енисейск. Брата Матвея Степановича, Якова, ждала ссылка, сначала на Белоозеро, а затем в одну из своих деревень, в Касимов, «а из той деревни к Москве и в иные свои деревни ему не ездить».

О новых хозяевах книг из вотчины Степана Гавриловича Пушкина известно немного. Каким-то образом оказались они у староверцев, с крестьянами, уходившими на Урал. Дальше их читателями стали мастеровые уральских заводов — читатели бережные, судя по хорошо сохранившимся книжным переплетам, аккуратно подклеенным листочкам. Уральские читатели не оставили записей в книгах. Но кое-что о читателях известно. Так, «Псалтырь со исследованием», хранившаяся у Степана Гавриловича Пушкина, а позже — у боярина П. А. Лопухина-Большого, в нашем веке была у Олимпиады Александровны Пильщиковой, родившейся в Миассе и большую часть своей жизни прожившей в Златоусте. Там она вышла замуж за Петра Григорьевича Силлина, нянчила, воспитывала детей, прожила большую трудовую жизнь. А в 1976 году ее внучка, студентка Уральского университета Людмила Александровна Осипова, участница нескольких археографических экспедиций, принесла в Хранилище древних книг эту Псалтырь.

Сейчас Л. А. Дашкевич (Осипова) занимается историей Урала, его культурой, учится в аспирантуре Отдела истории Института экономики Уральского научного центра Академии наук СССР.

Вот такие истории с книгами из вотчины Пушкиных и их читателями.

Борис РЯБИНИН
Рисунки Е. Охотникова

ДВОЕ и необитаемый ОСТРОВ

В Ягодное я прилетел в сентябре 1985 года. Но событие, случившееся весной, все еще было на памяти у жителей поселка.

В тот день, 25 мая 1985 года, ничто не предвещало беды. Первоклассник Сережа Добрынин пришел из школы и доложил:

- Мама, я погуляю...
- Поешь, потом пойдешь.
- Не хочу. В школе поел.

Сережа Добрынин и Алеша Попов — дружки. Одному семь, другому одиннадцать, хоть разногодки, а привязались друг к дружке. Побегали возле дома, как обычно, поиграли, подурачились. Присоединился к ним третий, Андрей Буранов, по прозвищу «Слива». (Почему «Слива»? А кто их разберет! Слив не водилось в тех местах... Фантазия!) Андрей-то потом больше всего и калутает, сильно навредит поискам.

Было весело, кто-то предложил пойти на свалку.

Их район, окраинный и самый старый в поселке, прозвали «Шанхаем»: ветхие деревянные постройки, узенькие тесные улочки спускаются к Дебину, а там свалки мусора — будь здоров! — как монбланы, чего хочешь, все найдешь. Все это скоро несут, и на месте древних хибар вырастут новые каменные и благоустроенные дома; ну, а пока... Пока самое что ни на есть интересное и заманчивое занятие — рыться на свалке. В тот день они нашли пенопласт — два листа, каждый метр на два. Чем не плоты! С пенопласта все и началось.

С утра было тепло, светило солнце, думали, запоздалая весна наконец-то весть подала, но вот погода стала меняться. Похолодало, нависли низкие тучи, усилился ветер. Зашумела-забурилла даже тихоня Ягодинка; а про Дебин и говорить нечего. Но погода пацанам не помеха... Как напишут потом газеты, опробовали найденные «плавсредства» в ближайшей заводи, приспособили длинные палки вместо шестов и решили испытать свою отвагу на реке. Река полноводная, быстрая, недавно вскрылась, еще не освободилась полностью ото льда. Интересно, хоть и страшно. Сказано — сделано! Встали на «плоты» и — понеслись!

На третьего — Андрея — пенопласта не хватило, остался на берегу...

Галина Владимировна Добрынина, мать Сережи, субботничала по дому, хватилась сына лишь около восьми вечера. Поначалу не очень и беспокоилась: бегают ребята и пусть бегают: опять же родителей меньше отвлекают. Сосед-мальчик сообщил:

— Они на свалку собирались...

На свалку так на свалку. Но сегодня развлечение что-то затянулось. Обычно Сергей так долго не гулял.

Ближе к ночи встревожились все: забеспокоился даже глава семьи Николай Алексеевич Мурашов (обычно

его не сразу распевелишь): пообещал проучить мальчишку, когда тот появится. Пришли родственники.

— Я видел его на Дебине... — сказал племянник.

— Когда?

— Часов в пять...

— С кем?

— С Алешей и с Андреем.

В поиски включилась Галина Николаевна Попова, мать Алешки. Время близилось к полуночи. Останавливали шоферов: «Не видели мальчишек на свалке?..» Бросились к Андрею, разбудили мать, потом его:

— Где Сережа?

— Вы не расстраивайтесь, они с Алешей на пенопласте поплыли.. на плоту...

— Их не перевернуло?!

Выяснилось: когда их потащило течением, они стали кричать.

— А что же ты?

— Я забежал на автобазу и забыл. Заигрался...

«Заигрался!»

Бросились в милицию.

— Сейчас поздно — ночь, темнь, — сказал дежурный. — В семь утра подниму на поиск опергруппу. Принесите фотографии ребят...

Милиции не впервой слышать, что кто-то из мальчишек без ведома старших ушел из дому. Подождут. Куда они денутся?

Всю ночь отец Сергея с братом и с Поповым-отцом ездили на мотоцикле, останавливались, сходили вниз по реке, звали ребят: может, где-нибудь их прибило к берегу, услышат, отзовутся. Но в ночной мгле слышался лишь голос рассерженной реки. Вернулись в десять утра. Увидели опергруппу: тоже пошли искать. На календаре уже было 26-е число, воскресенье...

Часа в два или в три видят — к дому направляется милиционер.

— Ничего нет. До самого Рыбного дошли (это сорок километров).

И пошел день за днем в неизвестности. Продолжали искать. Поднимали вертолет — безрезультатно.

Весть, что потерялись двое мальчишек, всполошила поселок. Половодье подняло реку на пять метров, лед все крушит. Стали толковать, что утонули ребята, либо льдиной затерло тела, либо унесло... В двух километрах от поселка вниз по течению — остров. Может, там? Правда, в такую погоду туда еще никто не заглядывал, не бывало такого...

Оперуполномоченный Ягоднинского райотдела милиции, руководитель поисковой группы Ю. И. Стафиевко, авторитетно сообщал корреспонденту местной районной газеты:

— Все эти дни группа из трех человек прочесывала

берега Дебина метр за метром. Стреляли в воздух, кричали в мегафон... Никого и ничего! Группа была оснащена биноклями, наблюдательными трубами, рацией. Для поисков использовали служебно-розыскных собак. До самой Колымы проверили речку. Говорите, остров? На остров попасть не смогли, на лодке не перебраться...

Словом, вроде бы сделали все, что было в их силах. Вроде бы — потому что неясности оставались. Например, про тех же собак: сторожевые псы в Ягодном есть, а вот розыскных ищек вроде бы не видали... Не обращались к таежным охотникам, уж они-то мастера выискивать следы. Попозже стали говорить, что и остров осмотрен, только как попали туда, осталось неясно.

Наступило резкое похолодание, повалил снег, грянули заморозки. В спасение ребят, в то, что они живы, уже почти никто не верил. Только отец-Попов сказал матери Алеша: «Даже через сорок дней ты не оденешь черный платок. Сына мертвым пока не выдали...»

Сын у них был один.

Где же происходят описываемые события?

Не в средней полосе России, не на юге, а там, где климат совсем не балует людей: на крайнем северо-востоке страны — в Магаданской области. Дебин — приток Колымы; поселок Ягодное — колымская глубинка, от областного центра — Магадана — более полутысячи километров. Места вокруг безлюдные, тайга, горы, сойки, хозяева в этих краях медведь да волк; правда, за последнюю четверть века повыбили их и тут, но глухие уголки еще остались, хотя долина Колымы вдоль и поперек исхожена геологами, изрыта, изрождена вся искателями золота.

На восток пойдешь — на Чукотку придешь; прямо на север — к Ледовитому океану выйдешь... Сплошная романтика. Двенадцать месяцев зима, остальное — лето, лето, лето...

Места — волшебные. О многих сложены легенды еще в далекие от нас времена. Одна из них повествует, как скакал по горным кряжам чудесный Олень, и где оставил след — ищи благородный металл, найдешь. Совсем как сказ про Серебряные Копытца на Урале. Покров тайны окутывает и некоторые названия, привившиеся сравнительно недавно. Озеро Джека Лондона — слышали? От Ягодного тридцать километров. Почему — Джека Лондона? Почему Ягодное — понятно; брусника, голубика, смородина красная и черная, малина, подалше — жимолость. Как наступит ягодная пора, тащат целыми коробами, заготавливают на зиму, чтоб хватило до весны. Вообще, судьба не обидела эту суровую землю, послала ей много веселых и невеселых лесных и прочих сокровищ, приходи, пользуйся, только будь умником — не транжирь понапрасну. К себе строг, к земле добр. Дедова заповедь, потомкам в назиданье.

Но, скажем прямо, меньше всего — по крайней мере, в тот памятный майский день — это занимало юных ягодничков Алешу и Сережу, когда они спускали свои «плавсредства» на быстротекущий, торопящийся куда-то Дебин. Отправляясь в плавание на пенопласте, наши путешественники не собирались выяснять каких-либо загадок прошлого и не затевали никакой робинзоады. История их мало волновала; и с Джеком Лондоном они еще не успели свести знакомства. Вчера вон тоже плавали соседские ребята на лодках-самодельках, а мы чем хуже. Что накануне и день был приветливый, и вода тихая, а сегодня все переменилось — кто на это смотрит, коли приспичило? И то сказать, вода манит, притягивает: вечное движение! Не надо кнута — повезет сама.

Дух захватывает!! Под ногами все зыбко, одно неосторожное движение — и потерял равновесие, опрокинулся в бегущую живую стремнину.

Так оно и случилось. Разъяренная река подхватила утлые плотки и враз понесла. Мелькали строения на берегу, вскоре и «Шанхай» остался где-то позади, к реке подступил лес. Куски пенопласта несло среди сломанных и вывороченных с корнями деревьев, чудовищных коряг, острозубых хрустких льдин. Тяжелая льдина с разгона ткнулась в Алешин плот, закрутила его, перекосила, Алексей беспомощно взмахнул руками и упал в темный Дебин. Сережа принялся поспешно прибавлять к товарищу, помочь, но льдина ударила и в его плот, он тоже оказался в воде.

Старший хоть и плоховато, но плавал; младший не умел вовсе. Поток их понес...

Всегда спокойный, выдержанный Алексей не растерялся и тут: оглянулся и, изловчившись, ухватился за ветки, нависавшие над водой. Крепко держась за куст, старался не упустить Сергея, его он тоже успел подхватить, хотя не помнил, как ему удалось дотянуться до него и не дать захлебнуться. Видел только отчаянное Сережино лицо и как беспомощно шлепает тот руками по воде, то погружаясь с головой, то выскакивая с широко раскрытым, ловящим воздух ртом. Рванулся, ухватил, притянул к себе и теперь держал изо всех сил. Вода была холоднющая, обжигала, но ребята не чувствовали ничего. С трудом, сантиметр за сантиметром, Алеша выполз на отлогий берег сам и вытащил Сергея.

«Где опаснее, туда и лезет. На одном месте дыру вертит» — это так о Сергее говорила мать. Вот и доверьтесь...

Мокрые, дрожащие от холода, они долго отлеживались на ветру. Хрустела галька, рокотала вода... Неу-

жели пронесло? В первый момент ни о чем не думали — сплелись! Алеша стянул резиновые сапоги и вылил воду; Сережа последовал его примеру, удивившись, сколько воды могли вмещать ботинки. Потом в поселке скажут: нашелся ботинок, стало быть, ребята утонули; нет, оба ботинка были при нем.

Выглянуло солнце, обсушило их. Встали, пошли по берегу. Оказалось, их прибило к острову. Небольшой кусок земли с кустами по краю, с песчаными, перемещенными с галькой отмелями, с зарослями лиственницы, длинный, вытянутый, узкий: с одной стороны вода и с другой стороны вода — русло реки и ее рукав. Как выбираться? «Плавсредства», само собой, унесло...

Донеслось гарахтенье моторов: по левому приподнятому берегу Дебина тянулась трасса Магадан—Якутск, по ней в ту и другую сторону проносились автомашины, ребята даже видели их, но оттуда кому придет в голову смотреть на пустынный голый островок.

Близилась ночь. Стало холодно, страшно. Болели ноги.

Все же удача ждала их и на сей раз — в глубине острова наткнулись на домик... шалашик, хоть временное, а жилье! Изладил его кто-то из всякого бросового хламья, старых досок, выловленных в Дебине, фанеры, но сейчас он показался им царским домом. Видать, смастерили какие-нибудь любители романтики из их же села. Летом — прибежище для рыбаков; зимой, в пору лыжных походов, можно передохнуть, растопить железную печурку, часок-другой посидеть, обогреться. Вот и топчаны, матрацы, худенькое одеяло, стол. Чистая вода рядом — родничок, заботливо опривленный в деревянную бочку. Красотища! Живем, ура! Завернувшись в одеяло, прижавшись тесно друг к другу, ребята уснули.

Проснулись утром от холода. Этот холод! Теперь он не оставит их ни на минуту. Днем, правда, стало теплее, но все сильнее мучил голод. В домике нашли пачку чая, пачку соли и спичечный коробок с двумя спичками. Попытались разжечь огонь, но сырые ветки не горели. Спички кончились. Пошарили по углам, авось, еда какая завалась, — ничего! Нашли возле дома траву — гусиный лук, с жадностью съели... Сережка вспомнил рассказ геологов: когда заблудились в тайге и остались без еды, спасались почками. Отыскали березу, нарвали почек, стали макать в соль и есть. Напились из родничка.

Так прошел первый день на острове. Случись все попозже, ближе к осени, выручили бы ягоды; увя, до ягод было далеко...

В сонках, должно быть, таял снег, — Дебин разбушевался. В такую пору в реку не сунутся даже самые бывалые рыбаки... Ребята с тоской подолгу смотрели на хмурые волны, а надежда не покидала их — может, кто-нибудь вызовет из плена... Силы таяли, а тут еще комары — заедали заживо.

Обычай в этих краях известен: в домиках оставляют сахар, лук, соль, обязательно чай, консервы, курево, ложки, книжки... да, и книжки, чтоб не скучать... славный неписанный закон: помнить, что ты не один на свете. Сегодня ты о ком-то позаботишься, завтра тебя выручат. Но это в тайге, в глуши, далеко от жилья. А здесь — близко, село — рядом. Может, и запасов от этого оказалось всего-ничего.

На второй день, спустившись к урезу воды, они долго надсадно кричали, охрипли, но никто их не услышал, хотя машины продолжали пробегать по тракту. Крики заглушал шум реки: даже в Ягодном, в домах, во время паводка слышен ее рокот.

Так началась их жизнь на необитаемом острове.

Впрочем, сказать, что остров был так уж необитаем, пожалуй, нельзя. В домике обнаружались постоянные обитатели — мыши. Алексей лег спать, проснулся —

носка нет, а потом, глядь, лежит дырявый, изгрызливый. Белка бегала, гладила ее, но не трогала. Убить и съесть? Нет! Даже мысли не было.

Однажды ночью услышали рев, почти рядом. Медведь? Алешка вскопчил, закричал, звуки затихли. Ушел медведь... А может, и не медведь вовсе, а река рычала-гудела? Вооружились, однако, сковородой и топором, чтобы защититься в случае чего...

Два выстрела послышались вдалеке, — может, стреляли в медведей? А может, их искали?

После этого случая спать стали хуже, все время вскакивали, прислушивались.

Потянулись дни, похожие друг на друга, как серые волны Дебина.

Все больше мучил голод, слабость, ноги не держали. За травой теперь ползали на коленях. Нарвут, принесут в домик, там съедят. Потом подолгу лежат без движения. По утрам Алексей тормозил товарища, заставлял его подниматься, выходить на воздух. Не ссорились, держались друг за друга, как могли. Делились скудной пищей, уступали один другому, хотя и уступать было нечего: пучок травки, даже не пучок, а два-три тоненьких зеленых стебелька с белыми корешками.

И меж собой если и говорили теперь, то все больше о еде: кто что любит и что бы сейчас съел. Воображение рисовало дымящиеся тарелки густого горохового супа или жирного борща, но больше мечтали о вареной картошке (с тушенкой — пальчики оближешь!). От этих разговоров только сильнее разгорался аппетит, муки голода становились непереносимыми.

По долгу старшего Алексей старался за двоих. У него, у Алексея, у первого же и сдали силы. Через несколько дней родничок почему-то иссяк, за водой пришлось ходить к реке. Вроде бы и рядом, а сил совсем не стало, пока доберешься — измучишься. Во время одного такого выхода у Алеши закружилась голова, и он упал в реку. Теперь уже Сережа вытянул друга за ноги на берег. После этого случая они как бы поменялись ролями: Сергей стал больше ухаживать за обессиленным товарищем: приносил ему травку, выводил подышать «на улицу»...

Дни они не считали. Сколько их прошло, сбилось со счета. Знали только, что много. Дебин продолжал подниматься, все более отгораживая ребят от остального мира.

Ищут ли их? Они верили, что ищут. Слышали, как на сухопутье стреляли, звали их, но отозваться уже не могли: далеко, да и не стало сил. В галлоцианиях возникал родной дом, родители, сытое семейное застолье...

Наступил день, когда они уже не могли подняться. Лежали в полузабытьи. Но надежда не оставляла их...

Начиналась четвертая неделя пребывания на острове...

Нашли их на двадцать первый день. К острову в резиновой надувной лодке приплыли трое: Виктор Мирошников и Михаил Семкин, недавние выпускники Ягоднинской средней школы, и десятиклассник Володя Хлюпин.

Было 16 июня. Потом этот день журналисты назовут вторым днем рождения Сережи и Алексея.

С приближением лета поселковые ребята часто заглядывают на остров: приезжают сюда порыбачить. Колымские дети! Мать может и не знать, что они на рыбалку отправились. В тайге вырастают, спокойно ориентируются в любой ситуации; а тут что, остров какой-то, почти дома. Говорят, что домик на острове ими построен: может, и приехали проверить, каков он перед новым сезоном, тем более что установилась погода и река притихла.

— Там два домика,— рассказывал потом Володя Хлюпин,— один охотничий. Мы в нем оставляли запас чая, сахара, соль, печенье и сухари... Но ребята ничего не нашли — все было разорено. Оставляли с зимы лыжи, их сломали... Может, медведи, а может, и люди,— разбить да разломать для иных какое-то удовольствие... Ну, зашли в домик и нашли их. Ребят, значит. Я открыл дверь, а они с топором, думали медведь. Увидели нас, заплакали, никак в себя прийти не могут, до того рады! Глядеть на них — беда. Такие оба страшные. Сережка белобрысый, блондинчик, и вовсе стал белый... Алешка не лучше... Накормили их. У нас были две банки кильки и банка котлет. Много не давали: нельзя после голодовки. Чаем с сахаром напоили. Печку разожгли. Мышь поймали, пустили в воду — поплыла... Тут немного и наши робинзоны оживели, стали улыбаться. Мыши им, наверное, и не давали покою, они их за медведи принимали. Показывали, чем питались: белыми корешками стебельков. Даже не верилось, что живые, в школе объявляли, что ребята пропали.

— Живые-то живые. Но вид их пугал. Худощие, вроде бы даже и нереальные. И плакали как-то не обычно, беззвучно, словно и не замечая, что плачут. Однако раздумывать некогда, надо было выбираться с острова. Появление спасителей, казалось, прибавило им силы. Но ненадолго.

Пошли к лодке. Алешка отстал. Вернулись — он сидит на кочке скрючившись. «Я задыхаюсь...» Подняли его, понесли. Тут силы сдали и у Сережки. Взяли на руки и его. Алеша стонет: «Я тяжелый...» — «Молчи. Не таких носил!» — отвечал ему Володя. Мирошников и Семкин несли Сережку.

Благополучно добрались до Ягодного. Дорога к дому — мимо милиции. Зашли, вызвали «скорую». Машина увезла ребят в больницу.

— Почему плохо искали ребят? — (Ведь на поверку-то выходит, что искали-то плохо.)

Инспектор по делам несовершеннолетних Валентина Федоровна Дробот и Юрий Иванович Стафиенко, старший розыскной группы, да и другие, уверяют, что было сделано все, что можно. Все ли?

Остров — рядом с поселком, можно сказать, под носом, и длиной он всего с два километра, и не очень густо зарос. Не джунгли. Но именно остров-то и остался непрочесанным. (Удивление перед этим фактом выражали и «Известия»). Бездумно легко сработала вера в гибель ребят, в сомнительные заверения малоответственного подростка Андрея Буранова, утверждавшего, что видел, как утонул Алеша. Может, ему льстило, что он в центре внимания, что все знает? Но взрослые почему легко ему верили? Вообще роль Андрея в этой истории оказалась неприглядной. Примчался к Добрыньным: «Нашли вашего Сережку, один ботинок на нем. А Алеша утонул...» Действительно, ботинок нашли, только чей, опознать не удалось. Оставили находку на берегу, побежали за взрослыми, когда вернулись, ботинка же было — смыло волной.

Родители пропавших просили: поищите по домикам охотников, сенокосчиков, в тайге таких немало... На переговоры с авиаторами ушло несколько дней. В аэропорту поселка Семчан сперва отказали: «Конец месяца, а не выполнены еще более важные заявки», потом сообщили, что вылет назначен на первое июня, однако из-за плохой погоды вылетели только четвертого. Про остров кто-то сказал (кто — теперь не припомнит): «Смотрели там, никого нет...»

Как они выжили?

Лежали в больнице какие-то безразличные, неулыбчивые.

— Ты что, не узнаешь меня, сынок? — спрашивала Алешина мать, припадая к сынишке.

— Узнаю, — отвечал он тихо, не поднимая глаз, и надолго замолчал.

Сережа оправился от потрясения быстрее. Но и спустя многие месяцы он все еще будет вспоминать, как на острове с Алешей снали «в деревянной кроватке» и кто-то по ночам царапался в дверь, лез к ним...

Алеша вылежал больше месяца — расшалилось сердечико; Сережа провел в больнице двадцать пять дней. По-прежнему тянулось друг к другу: играли, посиживали молча рядышком, о чем-то беседовали.

Ребят часто навещали Володя Хлюпин, Мирошников, Семкин. Приносили гостинцы — лимонад, печенье. Приходила Сережина учительница Ирина Германовна Рябцева. Сидела подолгу, не спешила уходить, рассказывала новости.

Приходили родители, родственники, соседи...

Перебывала чуть не половина Ягодного!

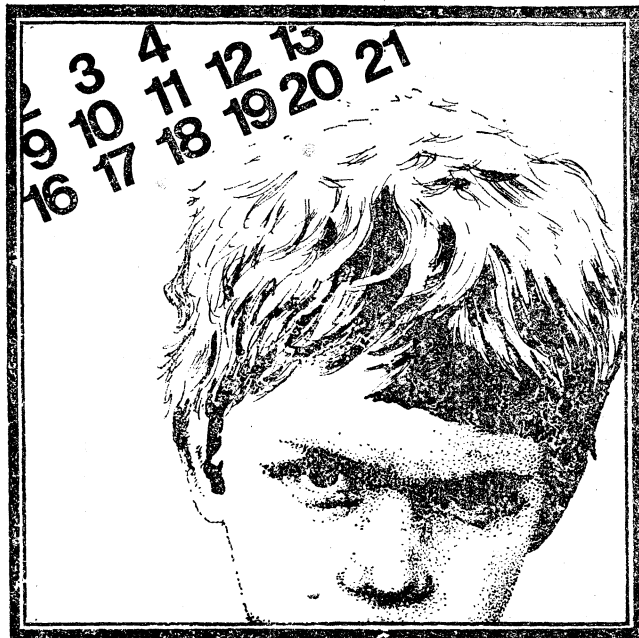
Врачи, медицинские сестры старательно ухаживали за маленькими пациентами, были начеку. Сережа в недавнем прошлом угодил под автобус: не напомнит ли о себе теперь прежняя травма?

...Ягоднинская районная больничка мне показалась игрушечной, маленький низенький домик, оконца до земли, будто из старинной сказки, не хватает лишь доброго волшебника; впрочем, вот он, в белом халате.

Заведующий детским инфекционным отделением Борис Александрович Синицин, приветливый, общительный человек — дети к нему тянутся, — охотно делится своими размышлениями:

— Случай уникальный, редчайший! Я работаю двадцать восемь лет, подобного в моей практике еще не бывало. Первый случай такого голодания, с таким исходом...

Случайность ли то, что произошло? Как сказать! В районе нет своих пионерских лагерей, детей возим в

Сосуманский район. Куда деваться в свободное время? Ребята часто без присмотра... К нам пострадавшие поступили шестнадцатого июня. Были тяжелые, с явными признаками дистрофии, предельно ослабленные, сильно истощенные комарами, в ссадинах и расчесах... Осторожно пришлось выводить и из стрессового состояния...

Делали, разумеется, все необходимое — от внутривенного вливания до щадящей диеты и лишь спустя время дали полноценное питание. Ребят еще какое-то время продолжал мучить голод, вернее, рефлекс голода... Не обошлось без осложнений. У Сережки был небольшой гепатит, у Алексея — миокардит, воспаление мышцы сердца. Сейчас все в норме. Оба на ногах, набрали прежний вес. Теперь им простор нужен, бегать, радоваться жизни!

Доктор помолчал и продолжал:

— Да, конечно, колымские дети — особенные. Стойкие, закаленные. Через шестидесятиградусные морозы пройдут и в тайге не растеряются. Старших ребят, ну, тех, которые спасли, вообще куда забрасывай как десантников. Словом, дети геологов, промысловых рабочих... народ дюжий! Ну и человеческие качества. Здесь у нас философствуют: «Если, мол, сравнивать с Западом, там дети съели бы друг друга, а здесь помогли». Может, так, может, не так, но доля истины есть.

Крайний Север чем, к примеру, еще характерен — здесь почти нет бабушек и дедушек. Как подходит время выходить на пенсию, уезжают «на материк», поближе к теплу; отец, мать работают, ребята предоставлены себе, поэтому они здесь более самостоятельны, чем, скажем, в средней полосе России. Случается, разобидятся на родителей и уезжают на день, на два в тайгу. Обыкновенная вещь!

Воспитывается независимость, хотя есть в этом и известная опасность: теряется чувство ответственности, дисциплины. Что же им все-таки помогло? А то, о чем я уже говорил: они с природой в контакте. Понимали, как нужно обходиться в подобной ситуации. Тайга им то же, что городская квартира! Погибают те, кто не знает Север, эти — выросли в окружении суровой природы, можно сказать, с первых шагов, с малолетства уже понимали и любили ее, тянулись к ней; и она отплатила им — не допустила до гибели... Умение обойтись малым — это, я считаю, тоже сыграло им добрую службу. Сработало чувство взаимопомощи, сознание своей ответственности за другого. Малыш себя отлично показал! Крепкий парень! Не гляди, что всего семь лет!

Какие выводы? Да они сами напрашиваются: ребята проявили настоящую выдержку и человечность. Выжили потому, что не нарушили главного старинного закона таежников, как у нас принято говорить, — не переслушали через упавшего человека. Не озлобились, не кинулись снимать что-то друг у друга: наоборот, делились последним. История поучительная и для иных взрослых.

— Я убежден, — эти слова доктор говорит с силой, — они могли бы еще неделю продержаться. Да, да! Такой запас прочности у них. Заметьте: менялась погода, стало тепло. Словом, выдержали бы еще. И вообще, эта история говорит о колоссальных возможностях и резервах человеческого организма...

Природа постоянно задает нам загадки.

В Брянской области потерялась Снежана Маркина, девочка двух с половиной лет. Родители привезли ее в поселок Ржаница из Риги, погостить у тети. Играла с ребятами на опушке леса, возле дома, и вдруг исчезла. По тревоге подняли районную милицию. Всю ночь с фонарями прочесывали лес, оглядывали каждый куст.

Нашли на другой день у поселка Красный Бор. Как ни в чем не бывало Снежана вышагивала по тропинке, пройдя больше пяти километров. Девочку осмотрел врач. Здоровехонька!

Поразительный факт преподнесло землетрясение в Мехико в 1985 году. Во время спасательных работ из-под развалин шестизэтажного родильного дома донесся детский плач. Откопали, спасли 58 младенцев. Без питья, без пищи новорожденные провели под обломками почти трое суток и остались живы.

История показывает: люди, пережившие кораблекрушение в океане и спасшиеся на плотках или в лодках, часто погибали отнюдь не от недостатка пищи и пресной воды, — их преждевременно убивал страх.

Один знаток тайги, дикой флоры и вегетарианского питания поучал: «Тут, брат ты мой, все имеет значение, каждая капелюшечка. К примеру, нашел траву, а как ее пользоваться? Листочки молодой крапивы сперва помять в ладошках, тогда можно есть. И не ужалит. Полевой лук — надо травинку потянуть вверх из стебелька, чтобы обнажился белый кончик, откусить его, а после жевать... Ничего, проживешь!»

Объективную оценку случившемуся в Ягодном дал кандидат медицинских наук Марк Белоковский в своем интервью корреспондентам «Известий».

Как ученого-исследователя Белоковского давно занимает проблема выживания в критической ситуации, режим питания в условиях вынужденного долгого голодания.

Напомним, какова была суточная температура на Дебине в период описываемых событий. Ночью до минус четырех-десяти, днем от нуля до плюс восьми градусов. Временами сильный ветер, снегопад, дождь, переходящий в ливень...

— Факт действительно уникальный, — говорит исследователь. — В картотеке, куда я стараюсь заносить все достоверные случаи пребывания людей в экстремальных условиях, ничего подобного нет. Не встречал я и в зарубежной печати упоминаний о ситуациях, когда дети без еды такой длительный срок и в таких условиях «робинзонили»... Дело в том, — и это надо подчеркнуть, — что растущий организм особенно чувствителен к недостатку таких компонентов питания, которые мы называем незаменимыми, — к белкам и витаминам...

Парадокс заключается еще в том, что, очевидно, ребятами страх ощущался не так, как он переносится взрослыми. Сложность обстановки воспринималась ими несколько по-иному, и это едва ли не самое примечательное...

Все кончилось почти счастливо! И однако же не могу обойти молчанием некоторые обстоятельства, вроде бы и далекие от случившегося, но, может быть, более других предопределившие драматическое событие: имею в виду семейный, бытовой фон, окружающий жизнь ребят.

У Сергея в доме часты были нянки. Оттого учился он невнятно: за партой на уроке голову на руки уронит и спит, — дома не давали ни спать, ни уроки готовить. Взрослым не до сына, отсюда — полная свобода...

Когда не осталось надежд, что ребята найдутся, родители цветы в реку покидали, потом девятый день справили, пили горькую за покойников. Когда же дети нашлись и их поручили заботам врачей, приходили «под мухой» в больницу — теперь уже «на радостях!».

Мальчишки экзамен выдержали, а пошел ли урок впрок взрослым?

Иван БЕЛЯЕВ

Рисунок Е. Таршиц

Живешь в степи — поешь про степь, живешь в лесу — про лес поешь.

Нашу деревушку окружают елово-пихтовые леса с редкими пятнами березняков и отдельными группами сосен, а вдоль по Сыльве тянутся серые ольшаники. Природа здесь изумительная. Цветут в начале мая целые поляны сиреневых хохлаток, и желтый гусиный лук проглядывает на низинных покосах и полянах сквозь прошлогоднюю траву, а где-то, на недоступных для праздношатающихся туристов лесных полянах, растут марьяны корни — пионы, по красоте мало чем уступающие садовым. И калужницы цветут так часто и обильно, что и сама Сыльва, и речки, впадающие в нее, кажутся по весне желтыми лентами. Отцветут калужницы, и пологие берега рек начинают покрываться сплошным белым ковром: это зацветает бутень клубненосный, по-местному горныш. И волчье лыко сиреневет на еланках среди еловых лесов и расцветает в палисадниках, каким-то чудом уберегаясь от безжалостного обламывания ради минутной прихоти. И даже не огромная ядовитость этого растения спасет его от бездумных и жадных рук, а глухомань тех мест, где оно растет.

Местами обильно цветет невзрачными желто-зелеными цветами володушка золотистая, а на зарастающих вырубках синеют в июле куртины цикория. И коньтень безбоязненно раскладывает свои крупные блестящие листья по моховым подушкам, и кислицы по весне скромно отцветают под раскидистыми шатрами ветвей огромных елей. И даже одноцветки кое-где беззвучно звонят в свои белые поникающие колокольчики. А как красивы синие акониты, кудреватые лилии-саранки, сиреневые ятрышники!

Богата природа, щедра природа — это особенно чувствуется здесь, в глухомани. И здесь же по-особенному чувствуется, как легко она ранима и как безжалостны мы к ней — словно сыновья, поднявшие руку на родную мать: не от нужды, не по необходимости губятся травы, распугиваются птицы и рыба, гуляет топор по зарослям можжевельника двухсотлетнего возраста. Просто оттого, что теперь принято называть витиеватыми словами — экологическая невоспитанность.

Живя среди таких чудесных мест, нельзя не полюбить их, а полюбив, нельзя удержаться от соблазна не рассказать о них.

Много здесь трав, обычных и редких, лекарственных и просто интересных. С большинством из них встречаюсь во время прогулок по лесам и лугам, есть в лесу приметные полянки-еланки с растениями редкими, которые не очень-то тянет показывать каждому встречному, а есть и такие редкие травы, которые во избежание их случайной гибели от бездумных рук я посчитал за лучшее перенести на грядки.

Таволга вязолистная

В начале сентября от первых осенних дождей ополноводнела наша горная речка, и в ее верховьях стал активно бродить хариус. Почти в каждом переката и омуте после каждого заброса в воздух взлетала рыбка, как серебряная ливейка, часто и мелко вибрирующая в полете. Полегли травы, и помехой рыболову остались только буреломы да таволга вязолистная. Доберешься до знакомого переката, надо бы закинуть удочку, а леска цепляется за наклонившуюся над водой таволгу. Возмешься убирать с пути плывущей снасти жесткие пенные стебли — распугаешь и без того излишне осторожного хариуса.

Летом в этих местах таволга стоит стеной выше человеческого роста. Пробьешь сквозь эту стену заметную тропку к знакомым перекатам и на заре, с удочкой наперевес, идешь, весь мокрый от росы, идешь и не знаешь, что ждет тебя за очередным поворотом тропинки: угрюмый лось ли тебе уступит дорогу или сам Михаил Топтыгин поднимется с лежки и встанет во весь рост на твоём пути. Часты стали такие встречи и у рыболовов, и у грибников-ягодников, много расплодилось зверья в этих глухих местах. И основным пристанищем и лесам, и ливым мишкам служат заросли таволги по низким берегам рек.

Таволга вязолистная, или, правильнее, лабазник, — это мощный многолетник с крепкими ребристыми

стеблями высотой до двух метров. Листья плотные, темно-зеленые, цветки мелкие, с желтовато-белым венчиком, собранные в крупные густые метелки. Отличный медонос. В летнюю жару в зарослях цветущей таволги стоит приятный запах, от которого с непривычки может заболеть голова.

Раньше крестьяне собирали лабазник в больших количествах, томили в корчагах, поставленных в умеренный жар русской печи, производили то, что теперь называется ферментацией, сушили протомленную траву в печах и заваркой для чаепития были обеспечены в изобилии. Теперь разве только в букет кто сорвет ее белый пышный душистый султан, да и то вскоре выбросит — осыпается цвет.

В народной медицине отвар цветков применяли как потогонное, мочегонное и вяжущее средство, порошок из сухих цветков нюхали при насморке.

Пихта

Когда попадаешь в елово-пихтовый лес, то первая забота — научиться отличать ель от пихты. Сначала по строению вершины — ель более остроконечная, потом по цвету коры — у ели кора темнее и шершавее, потом по наличию на коре пихты маленьких чечевичек, наполненных смолой, каких у ели нет. Постепенно узнаешь, что шишки у ели опадают целиком, а у пихты стержень шишки остается на ветви дерева, что ельнички часты, а пихтарники встречаются крайне редко, и так далее.

Древесина пихты ценится невысоко, но как лекарственное растение она завоевала большую славу и уважение. Особенно ценится пихтовое масло. Об его целебных свойствах написано много статей в журналах и газетах. Его рекомендуют применять при остеохондрозе и стенокардии, псориазе и невралгии, особенно при невралгии тройничного нерва, для заживления ран и при радикулите. Пихтовое масло обладает удивительной способностью проникать сквозь кожу и ткани к очагу болезни, оно регулирует давление крови: пониженное — выравнивает, высокое — снижает, не оказывая абсолютно никакого влияния на нормальное.

Однако, пихтового масла в аптеках нет, хотя технология его получения довольно проста: пихтовую лапку загружают в одночасные пихтоваренные установки, утрамбовывают, заливают водой, нагревают и отгоняют пихтовое масло, конденсируя его в холодильнике. Из одной тонны переработанной пихтовой лапки получается 13—15 килограммов масла. Сырья для его получения достаточно: на лесосеках страны ежегодно оставляются сотни тысяч тонн пихтовой лапки. Можно получить пихтовое масло более простым способом, вскрывая острым ножичком чечевички на стволе дерева, но это довольно трудоемкая операция, требующая бесконечного терпения: сборщица за день может собрать всего несколько граммов.

Пихтовое масло, однако, — не панацея от всех болезней и помогает не каждому. При его применении требуется совет и наблюдение врача.

Хохлатки

Есть растения, перед которыми человек останавливается в изумлении и восхищении, особенно увидев их впервые. Долго стоит он, раскрыв рот, и сердце ускоренно бьется от какой-то неизведанной радости.

Таковы, например, хохлатки. Расцветают они, чуть только сойдет снег, первыми в весеннем лесу — растении-

ца с нежными кружевными листочками и плотным соцветием из сиреневых цветков.

Первая моя встреча с хохлатками произошла за Большим Ключом на полянке среди ольшаников. Стоял апрель, снег стаял уже почти полностью, а на полянку вроде как бы кто-то насыпал сиреневых драгоценных камушков. Я подошел к краю поляны и замер в восхищении: штук двадцать хохлаток виднелось над прошлогодней травой. Я долго любовался ими. Когда же я пришел через неделю на эту же поляну, хохлаток уже не было видно. Сначала я подумал, что ошибся местом, но, внимательно приглядевшись, обнаружил и сами растения — увядающие и желтеющие. Как я узнал позднее, при теплой погоде хохлатки отцветают буквально за несколько дней, и вместо цветов появляются мелкие стручковидные плодики, которые созревают раньше, чем у всех других растений. К моменту появления на деревьях листья хохлатки желтеют и засыхают. Запасы питательных веществ у них сохраняются в желтых клубеньках величиной с вишню.

Нашел я и другие полянки с хохлатками, но каждую весну прихожу на эту, среди ольшаников, и подолгу люблюсь россыпями сиреневых цветов.

Богородская трава

Несколько раз в беседах с деревенскими старожилками я слышал, что есть в окрестностях нашей деревни богородская трава, — бабушки, мол, собирали и пользовались ею. Но где конкретно растет она, указать никто не мог. Может, там, около Сыльвы, на песчаных холмах, за восемь километров от деревни. А может, в другом месте. Вот в Староуткинске, за восемнадцать километров отсюда, да, точно, растет на скалах, и на могилах даже растет. А здесь?..

Облазил я окрестные елово-пихтовые леса, заглядывал и в малочисленные здесь сосняки и березняки, но тщетно. Богородская трава, она же тимьян ползучий, она же чабрец, растение степное — жаровыносливое, стойкое к засушливой погоде, любящее песчаные холмы и солнцепеки, пусть даже и в бору. По В. С. Говорушину, на Урале растет она главным образом на каменистых склонах гор, по трещинам и карнизам известняковых скал, реже по речным берегам и в сосновых борах. И особенно часто встречается в степях.

А на каких почвах искать ее, мне подсказала сама же богородская трава, та, что растет у меня около дома уже несколько лет. Нашел я ее впервые, после долгих поисков, много лет назад на заброшенной могиле близ деревни Скородум Тугулымского района Свердловской области. Я слышал, что чабрец любит солнечные песчаные пригорки, поэтому соорудил из карьерного песка в палисаднике холмик, с кладбища принес в консервной банке отводку с корнем и высадил. Через два года холмик нельзя было узнать: весь он был покрыт ползучими стебельками богородской травы с мелкими розовато-лиловыми цветочками, собранными в головчатые соцветия.

Потом наша семья из Тугулымского района переехала сюда, в деревню, и мы привезли с собой отводку богородской травы. На тучной унавоженной почве чабрец рос плохо, поэтому мы намыли ведер десять речной гальки и соорудили из нее грядку. На этой, казалось бы худшей, почве чабрец ожил, роскошно зазеленел и обильно зацвел.

В виде чая чабрец пьют от простуды, от бессонницы и при болях в области сердца. Мелко измолотой травой рыболовы пересыпают малинку. Добавка чабреца в соления делает их более душистыми и вкусными.

Бутень клубненосный

Мое знакомство с этим растением началось случайно: вскапывая пелину у реки под огород, я выконал корешок, похожий на желтый шарик размером с вишню. Сначала я подумал, что это клубенек хохлатки, но стояла середина мая, хохлатке пора было уже и отвести, а тут и признаков цветоноса не было. Я посадил клубенек на грядку и, как обычно, пометил колышком, поставленным с северной стороны высаженного растения. Через несколько дней показались из земли и стали подниматься вверх перистые, глубоко рассеченные листья. Такие же листья, поднимающиеся над землей, я увидел еще в нескольких местах и раскопал их. У основания листьев оказались такие же желтенькие клубеньки, а у некоторых растений клубни были большими, продолговатыми, немного похожими на морковь-каротель, только желтого цвета.

Когда я спросил у своего деревенского приятеля Афанасия Ивановича Волкова, что это такое, он ответил, что это — горныш, съедобное растение, клубни которого (бакловки) можно есть как сырыми, так и вареными в любое время года, и что в войну горныш спас много людей от голодной смерти, так как растет в этих местах в изобилии.

Действительно, по весне Сыльва кажется в желтой рамке от цветущей калужницы, потом ее пологие берега широко покрываются белым пологом цветущего горныша, или, по-научному, как я узнал позднее, бутеня клубненосного.

В разных книгах сведения о его ядовитости разные. Профессор Б. А. Вакар пишет, что клубни (клубневидные корни) съедобны, а П. Ф. Маевский, тоже большой авторитет в области ботаники, относит бутень клубненосный к ядовитым растениям. Я обратился к испытанному методу опробования трав на себе, поел клубней бутеня — и остался жив, как видите, не почувствовал даже малейших следов отравления.

В природе бутень встречается по лугам, кустарникам, лесным опушкам. Цветет с июня по август. Все растение покрыто жесткими волосками.

Гусиный лук

Сразу после мать-и-мачехи, еще до разворачивания листьев на берегах, цветет по низинным полянам гусиный лук. Зеленовато-желтые куртинки его очень заметны среди жухлой прошлогодней травы. Если внимательно рассмотреть растение, то можно увидеть, что его цветонок — это всего лишь околоцветник из шести желтовато-зеленых листочков, а листьев всего два, сидячих, расположенных у развили цветоножек цветков, а один лист ремневидный прикорневой.

Цветет гусиный лук всего недели две, к концу цветения желтеют и вянут листья, и остается глубоко под землей лишь луковича с накопленными за весну питательными веществами. Коробочка с семенами незрелой падает на землю и, полежав некоторое время, раскрывается. Семена гусиного лука распространяются муравьями.

Воронцы

Наша деревня расположена в окружении елово-пихтовых лесов, в которых растут воронцы — многолетние травянистые растения с очень красивыми тройчатыми,

глубоко рассеченными листьями и ярко окрашенными плодами.

Воронец красноплодный мы нашли впервые в километре от деревни, в месте, именуемом Песчаной горкой, когда ходили туда с женой за малиной. Набрал после полудня полные бидоны малины, мы решили выйти напрямик на дорогу и поэтому стали пробираться через буреломы. Старые полусгнившие стволы деревьев преграждали нам дорогу, и сучья больно царапали лицо и руки. Изредка между сваленными деревьями попадались небольшие полянки, шагов по 20—30 шириной, заросшие то осокой, то цикорием, через которые идти было много легче. На одной из таких полянок, поросшей невысокой травой, мы увидели воронец с торчащей вверх кисточкой продолговатых красных ягод, как бы покрытых лаком. Я разломил одну из этих ягод и увидел ряд белых семечек. Растение мы не тронули, ягоды оставили на съедение птицам. Они едят эти ягоды без вреда для себя, а семена, пройдя пищеварительный канал птиц, не теряют всхожести. Для человека же эти ягоды очень опасны.

Воронец черный мы с братом Алейшей встретили в середине сентября, когда пошли за рябиной на Саргинскую дорогу. Кисточки шаровидно-эллиптических плодов были вороньими, очень красивыми.

Потом из книг я узнал, что род воронец содержит шесть видов, есть среди них и воронец белый — с сильно рассеченными листьями и белыми плодами на красноватых стеблях. Все виды воронца ядовиты, неприхотливы и зимостойки, любят полутень, влажную почву. Их можно выращивать на приусадебном участке, но следует соблюдать осторожность ввиду их высокой токсичности.

В народной медицине трава воронец применяется очень редко, например, при детском испуге, с большой осторожностью и в малых дозах, так как не только ягоды, но и листья и стебли ядовиты.

Из спелых ягод воронца черного раньше варили черную краску для крашения шерсти и умели готовить из этих ягод прочные чернила. Молодые листья воронца дают красную краску.

Воронец нуждается в охране и тщательном изучении его лекарственных свойств: может, в этом ядовитом растении скрыта большая доброта, а мы до сих пор даже и не пытались понять ее.

Ряска

Есть растения большие, видные, цветущие яркими цветами, есть и малоприметные, а есть совсем крошечные, плавающие на поверхности воды, растения-листики размером 3—9 мм, с единственным крошечным корешком и с одной-тремя жилками на листочке. Это ряска. Относится она к типу нестичных и цветет крайне редко, а цветонок состоит из одной тычинки и одного пестика. Такого же размера, но только с несколькими корешками, собранными пучком, и с несколькими жилками есть растение, именуемое многокоренником, но оно лекарственного значения не имеет.

Ряска же, несмотря на свои малые размеры, считается очень важным лекарственным растением, так как ею можно излечивать, например, витилиго, то есть болезнь, что проявляется в виде бляшек беловато-молочного цвета, которые возникают на коже, а также целый ряд других болезней.

Ряска — довольно часто встречающееся растение. Порой она сплошным слоем покрывает поверхность прудов, ею кормят птицу, свиней, заготавливают ее, как сено,

на зимний корм скоту. По данным А. К. Кошчева, продуктивность ряски очень высока. За один день с гектара можно собрать до полутора тонны, а за летний сезон — до восьмидесяти тонн зеленой массы.

Современная медицина начинает уделять все большее внимание ряске, так как она содержит протеин, йод и бром. Есть упоминания о применении ряски в качестве десенсибилизирующего лекарства, которое уменьшает чувствительность организма к воздействию различных веществ, которые он не принимает, и как одного из средств борьбы с глаукомой, а также в ряде других случаев.

Заячья капуста

По кустарникам, склонам, лугам растет довольно необычное растение, хотя и очень распространенное для наших мест: широкие, плоские, мясистые, продолговато-эллиптические листья на прямом стебле высотой 30—70 сантиметров, розовые или пурпурные цветы в густых метельчатых соцветиях. По цветкам можно узнавать погоду. Если вечером цветки открыты — значит, наутро будет дождь. На корнях имеется несколько крупных мясистых клубней. В них откладываются запасы питательных веществ, которые используются на рост побега весной. Если помнить в горсти несколько листьев, то они заскряпят, отчего растение получило в народе название скрипуна, еще его называют заячьей капустой.

Научное название этого растения — очиток пурпурный. В народе свежее истолченное растение прикладывается на больные суставы, из сушеного растения делают припарки на суставы при хроническом ревматизме.

Очитки (пурпурный, большой, живучий, гибридный) близки к роду родиол, поэтому, считают ученые, могут иметь близкий химический состав и сходное фармакологическое действие. Они являются потенциальным источником новых высокоэффективных лечебных препаратов противовоспалительного, ранозаживляющего и транквилизирующего действия. Очитки вводятся в культуру, и, например, урожай очитка пурпурного составляет восемьдесят три килограмма на сто квадратных метров, а очитка живучего — даже сто пятьдесят три килограмма.

Пищут, что молодые листья можно класть в салаты. В мае попробовал, поел — пахнет талой водой и молодой капустой. И ничего особенного со мной не случилось.

Земляника

Была у Елизаветы Александровны в лесу любимая полянка, на которой она из года в год собирала землянику.

Нынче пришла она на знакомое место, а там трава вся помята, скручена, повыврана, — полакомился медведь ее земляникой.

Пока еще не поспела малина, земляника для мишек первое лакомство, благо, поспевают она дней на десять — пятнадцать раньше малины. И бродят медведи, которых в наших краях немало, от поляны к поляне, лакомятся сочной ягодой, жиреют. Потом перекинутся они в малиники, а еще позднее — на овсы, где все вытопчуг-укачают, но уж и наберутся жиру вдоволь, чтобы залечь по берлогам, порой даже недалеко от деревни.

И люди успевают собрать лакомых ягод, главным образом вдоль железной дороги, куда мишки подходить боятся. Походы за ягодами, особенно для детей — самая счастливая пора. Три-четыре недели длится ягодный

сезон, но за это время человек побывает как бы на домашнем курорте. И сама земля во время цветения и созревания земляники, кажется, и нежится, и отдыхает, шумит под июльским солнцем травами, умывается теплыми дождями и светлыми росами. Не зря же у земли и у земляники один корень слова.

Для больного человека земляника — клад. Свежие ягоды в больших количествах являются прекрасным средством при склерозе сосудов, гипертонии, запорах, поносах, язве желудка и особенно подагре, почечных и печеночных камнях. Известно, например, что знаменитый шведский ботаник Карл Линней полностью излечился от подагры, употребляя в больших количествах ягоды земляники.

Известный уральский ученый-биохимик и физиолог Леонид Иванович Вигоров рекомендует при хронических заболеваниях почек, при заболеваниях желудочно-кишечного тракта и гастрите дозу от пятисот граммов до килограмма, а больным подагрой — фруктовые дни, когда они в течение дня съедают полтора килограмма земляники или крыжовника, винограда, яблок.

Многие болезни излечиваются отварами корневищ и листьев земляники, хорош чай из собранных осенью ее чуть покрасневших листьев.

Профессор Н. М. Верзилин в своей книге «По следам Робинзона» предлагает следующий способ приготовления чая. Листья земляники собирают, начиная с мая, в течение всего лета, но лучший чай получается с осенних, более зрелых листьев, начинающих краснеть, то есть в конце августа и в сентябре. Многие пробуют заваривать просто высушенные листья, но такой чай невкусный, пахнет березовым веником. Для получения хорошего чая следует эти листья обрабатывать так же, как в Китае готовят листья чая.

Обработка листьев земляники, как и листьев других растений, производится следующим образом.

Завяливание: листья рассыпают слоем не толще 5 сантиметров в тени на день или сутки, пока они не сделаются вялыми.

Скручивание: листья скручивают между ладонями рук, пока не выступит сок.

Ферментация: скрученные листья насыпают слоем в 5 сантиметров в ящик или на противень, накрывают мокрой тканью и держат при температуре 26° шесть — десять часов.

Сушка: ферментированные листья сушат в течение сорока минут при температуре 100° (в вытопленной печи).

При заварке чая рекомендуют положить его в горячий фарфоровый чайник, обдать кипятком и сразу слить воду, затем залить кипящей водой. Чайник для сохранения тепла обернуть салфеткой и настаивать чай минут пять.

Так же готовят для чая листья иван-чая в июле — сентябре, листья брусники и черники — в мае — июле.

Валериана

Уж и знаешь-перезнаешь растение, вроде бы все узнал, на что оно способно, а когда за ним пристально понаблюдаешь долгие годы, вдруг в какое-то время откроется такое, что в изумлении только ахнешь.

Так было у меня, например, с валерианой. За долгие годы я научился выращивать ее не только рассадой, но и из семян, высаживал на грядке растения, взятые в лесу, поселил на своих грядках несколько видов валерианы из разных краев Советского Союза, добился получения толстых и длинных корней. И все же летом

1985 года валериана повела себя не совсем обычно: в июне стояли холода, и она поднялась еле-еле сантиметров на тридцать вместо полтора-двух метров. И зацвела! Видимо, собрала последние силы, не стала тратить их на рост стебля, а отдала цветам, чтобы не дать угаснуть своему роду.

Так, если самку обыкновенного комара лишить пищи, то она отгрызает себе крылья, съедает их и за счет этого набирается сил, чтобы снести два яичка. Погибни, но продолжи свой род! Этого правила, видимо, придерживается валериана, да и другие растения. И, к сожалению, не всегда придерживается человек.

Клевер

В детстве, мальчишками, мы бегали на клеверное поле искать гнезда земляных шмелей. Вот разрыт чуть заметный бугорок, вот в руках соты, чуть похожие на кусок сосновой коры. Вот острый нож снимает крышку сот. Мед!

Много всяких сортов меда мне довелось попробовать на веку: и липовый, и кипрейный, но вкуснее клеверного я, кажется, не встречал.

Клевера, клевера! Кроме красоты, медоносности и отменного корма для скота они еще, оказывается, и лечебные. Но кто поверит в то, что клевером можно вылечить, например, малокровие?

Вот зверобой, вот калган — это да, это лекарственные травы, а клевер, по мнению большинства людей, — так, ерунда. Если бы какая-нибудь бабка продавала на базаре клевер как лекарственную траву — ее засмеяли бы.

А между тем настой и чай из цветочных головок клевера применяют как отхаркивающее, мочегонное, потогонное и антисептическое средство при простуде, а также при малокровии и малярии. Размельченные, обваренные кипятком листья народная медицина рекомендует прикладывать к гноящимся язвам, нарывам, ожогам и ранам. С древних времен клевер служит частью ароматических целебных ванн и лечебных чаев.

Зверобой для профилактики

В окрестностях нашей деревни много зверобоя.

— Давай нарвем его побольше, — предложила жена, — и будем зимой постоянно пить его отвары.

— Зачем?

— Зверобой ведь от 99 болезней, вот он нас и будет предохранять от них. Для профилактики.

— Врачей бы спросить, что они скажут по этому поводу.

Профилактика — дело хорошее. Академик Павлов говорил, что «фунт профилактики дороже пуда лечения». Однако наши медики что-то воздерживаются от пропаганды постоянного приема отваров различных трав в качестве профилактического средства от всех болезней. И наверняка, не без основания.

В некоторых профилакториях, домах отдыха и других лечебных учреждениях, да и просто в столовых ставят на столы графинь с настоями лекарственных трав — это якобы должно предупредить десятки заболеваний, которые нам постоянно угрожают, отодвинуть старость, продлить нашу жизнь на добрый десяток лет.

А что за настой в тех графинах? Чаще всего это настой зверобоя или душицы. А выполняют ли они воз-

ложенную на них задачу, защищают ли нас от болезней? На это вряд ли кто сможет ответить, даже медицина. Занимаясь травами десятки лет, я часто задумываюсь над этим вопросом, а ответа пока еще не нашел.

Сам я постоянно настои трав не пью. Периодически, раз-два в год, пью мочегонные сборы трав, чтобы как следует прополоскать почки и так же раз-два в год пью желчегонные сборы трав, чтобы прочистить желчные пути и желчный пузырь. Это в пожилом возрасте делать надо, так советует и медицина.

Фрукты — неоспоримые защитники нашего здоровья, но и то их постоянно в больших количествах употреблять не рекомендуется, что уж там говорить о травах. Особенно это относится к стимуляторам типа лимонника, левзеи, золотого корня.

Вопрос о профилактике болезней отварами трав — большой и сложный. И пока в нем нет полной ясности, лучше, по-моему, травы без особой необходимости или указания врача постоянно не пить.

В поисках трав

Раньше, бывало, бабка внучке показывала целебную травку и рассказывала о способах ее применения. Хуже, когда нет бабки, а есть только рецепты сборов лекарственных трав. Надо найти растение в природе или узнать, растет ли это растение в наших местах. Наслышавшись я, например, что очанкой хорошо излечиваются болезни горла, да и глаз тоже, и захотелось мне найти эту травку. Поспрашивал на рынке у бабок, у знакомых, но никто не знал о ней. Тогда я обратился к определителям. В книге П. Ф. Маевского «Осенняя флора» (М., 1961) нашел описание семи видов очанок, в определителе В. С. Говорухина «Флора Урала» (Свердловск, 1937) — двенадцати. И когда через годы я встретил впервые очанку, то — уже как старую знакомую, настолько много я успел начитать о ней.

Такая же история случилась и с недотрогой. Я слышал, что это растение очень целебное, помогает хорошо, например, от геморроя и других болезней. Но все мои расспросы знающих людей не дали результатов, а сам я уже и не пытался искать недотрогу в наших местах, так как был уверен, что это растение у нас не растет. Однажды я смотрел по телевизору передачу «Мир растений», и там показали недотрогу как обыкновенное растение, растущее вдоль шоссе на дороге, его цветки и плодики, разбрасывающие с силой семена. И тогда я вновь заглянул в определитель В. С. Говорухина «Флора Урала». И там прочитал, что недотрога растет в Предуралье по всей области, а на восточных склонах Урала — только в Свердловском районе.

Кстати, границы распространения лекарственных трав указаны и в «Атласе ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР» (М., 1980), при поисках трав желательнее справляться с этой книгой.

Хорошо и полезно читать определители. В них приводятся не только описания растений, но и условия обитания и практическое значение тех или иных растений в быту и медицине. Жаль только, что издаются они почему-то очень редко. В Свердловске в последний раз, настолько мне известно, такая книга (Б. А. Вакар. Определитель растений Урала) была издана в 1964 году, и больше ничего подобного не издавалось.

Мне кажется, что если люди будут знать травы и их полезные свойства, то они будут беречь их от уничтожения, охранять родную природу.

ТАМ, ГДЕ СБЛИЖАЮТСЯ БЕРЕГА...

Нина ШИРОКОВА

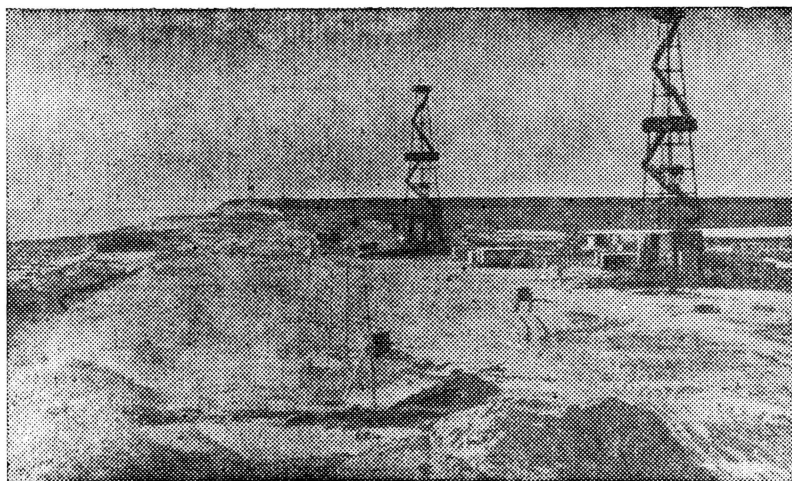
Фото Ю. Калининко

Модель транспорта «Байкал», на котором Г. И. Невельской открыл, что Сахалин — остров, стала недавним приобретением Охинского музея. Вернее сказать, не столь уж давним...

Когда в шестидесятых годах охинский энтузиаст и краевед Николай Григорьевич Клименко, еще не помышляя ни о музее, ни об экспедициях, начал собирать первые материалы по истории родного края, он даже мечтать не мог о подобном экспонате. Начинал Клименко, как все общественники: «прибирал к рукам» любопытные документы, искал по нивхским стойбищам предметы промыслов, просил у буровиков первую нефть с вновь открытых площадей...

Любое дело с кого-то начинается. Не будь одного человека — рано или поздно нашелся бы другой. Но что краеведческий музей в Охена-Сахалине начинал создавать Н. Г. Клименко, это подтверждают все старожилы северного города.

Главное богатство края — нефть. Образцы сахалинской нефти пред-

ставлены со всех площадей — Колендо, Одопту, Трапту... Каждый образец связан с именем геолога, открывшего месторождение, с именем бурового мастера, добывшего нефть из глубин земли.

Нелегко добираться к нефти буровикам, геофизикам, нефтяникам. Суровые условия, таежные дебри и болота, необустроенность дальних площадей... Но вот прошли геологи, а за ними прополз трактор с вагончиком-будкой, первым жильем буровиков, — и огласилась окрестность ревом дизелей... Отбурили проектную глубину — глядишь, уже на новое место поехала буровая вышка. Взяли ее на растяжку трактора и потащили по дороге. И так, пока вся площадь не будет разведана, пока не встанут на месте буровых, как стая клюющих птиц, насосы-качалки. Теперь им кланяться и кланяться земле, чтобы гнала в скважину нефть...

Вся история освоения и развития нефтяного края — от первой буровой вышки российского промышленника Зотова до бурения на шельфе Охотского моря — представлена в музее.

...Когда-то в этих краях только коренные жители — нивхи — промыслили рыбу и зверя. На Северном Сахалине очень много нивхских названий. Сотрудник Сахалинского научно-исследовательского геологоразведочного института Светозар Дмитриевич Гальцев много лет собирал и расшифровывал эти названия. После его кончины труд передан музею: 400 листов комментариев...

Название города Оха произошло тоже от нивхского: «охе» — гнилое, грязное место. Конечно, откуда было нивхам знать, что под ногами у них не грязь, а драгоценнейшее сырье... Да и нечем было им, жившим первобытно-общинным строем, добывать нефть. Испокоп веков у них были другие промыслы, о чем наглядно рассказывают экспонаты музея.

Лодка-долбленка восьми метров в длину сделана из одного ствола тополя. На ней жители здешних мест выезжали в море — за рыбой, за нерпой. На нерпу охотились с древним орудием «тла» — что-то вроде плавающей остроги; или ударяли зверя по голове дубинкой-колотушкой. Для ловли рыбы гораздо больше требовалось оснащения. Нивхи долго и кропотливо плели сети из крапивных ниток, сами изготовляли крючки, поплавки. Пешня, багор — это все рыболовецкие снасти.

А бычков и камбалу ловили

просто остройгой. Этим промыслом мог заниматься и ребенок — ходи себе по берегу и тыкай рыбу, только рассчитать надо сквозь слой воды, куда камбала вильнет, чтобы опередить ее и ударить точно. У нивхов глаз на этот счет верный.

Узкие, длинные ножи для разделки рыбы — совершенно необходимое орудие. Разделкой всегда занимались в общине женщины. Ножи привезены из разных стойбищ: из Луполово, Мияхво, с Вени и Чингай.

Среди орудий охотничьего промысла — обычных капканов, ловушек, самострелов, распялок для просушки беличьих и собольих шкур — неожиданно попадает форма для литья пули. Огнестрельное оружие нивхи заимствовали у русских.

Ну и, конечно, подбитые камушком лыжи, нарты... Без них не обходится ни один северянин. Но сколько бы ни было народов на севере, у каждого эти предметы сделаны, продуманы, украшены по-своему. Хоть небольшое, да отличие есть.

Богато представлена в этнографической экспозиции одежда нивхов: мужская юбка-коска из нерпичьего меха, праздничные халаты, обувь из шкур, шапки своеобразной конической формы. Нивхи очень любят украшать свое платье. Женский пихор сверху покрыт светлым шелком, а подклад — из лисьего меха, приятно облегающего лицо оушкой кашюнона. Халаты, и не только праздничные, украшены по вороту и обязательно по левой доле узкими цветными полосками. И украшения любили древние нивхи не меньше, чем сегодняшние модницы. А уж на аппликацию они все мастера-художники!

Что здесь «делает»... бревно? Это бревно не простое, а музыкальное, старинный инструмент. Правда, сделан он не из типичного для нивхов материала — бамбука, ствол его, видно, попал к нивхам случайно. Такие музыкальные бревна часто играли на нивхских ритуальных празднествах. Музыкой, как правило, заправлял шаман со своим бубном и колотушкой.

Организация экспедиций, задача которых — описывать остатки нивхских стойбищ, кладбищ с ритуальными амбарами, — тоже забота работников музея. Из дальних сел и сами идут на лыжах, плывут на лодках нивхи, чтобы передать в музей старые предметы быта или промысла. Семен Хохлун из Ныврово принес острогу. Петр Сергуз, житель села Луполово, подарил музею собранные его семьей халаты, шапки, обувь.

Старожилы Сахалина понимают, что пришла пора сохранять древние реликвии, рассказывающие о жизни, традициях, обычаях маленького народа, шагнувшего из первобытно-общинного строя прямо в век социализма.

Коренные перемены произошли в жизни этого народа, и многое из того, к чему веками были привычны нивхи, уходит, заменяется новым. Другими сетями, на других судах ловят рыбу нынешние жители острова. Один из музейных стендов посвящен Пайтану Герасимовичу Чайке, прославленному рыбаку шестидесятых годов, Герою Социалистического Труда. По-прежнему живут нивхи: их село Некрасовка представлено в экспозиции: благоустроенный, со всеми коммунальными услугами поселок.

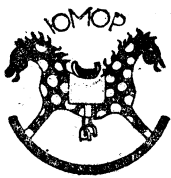
А вот еще один любопытный экспонат: первый нивхский букварь. У маленькой сахалинской народности еще буквально два десятилетия назад не было письменности. В создании нивхского алфавита, в составлении и подготовке к изданию букваря принял участие писатель-нивх Владимир Санги.

Около трехсот единиц хранения составляет ныне этнографический материал. Приходят в Охинский краеведческий музей свои и приезжие, ведут сюда школьников на экскурсии. В небольших этих залах умудрилось вместиться огромное Время... Время географических открытий и освоения нефтяного Сахалина. И старое, и новое. И древнее, и сегодняшнее...

На снимках:

Центр города Оха-на-Сахалине.
Нивхская женщина играет на древнем инструменте.
На новой нефтяной площади.
Знаменитые нивхские аппликации.

Рисунки С. Ашмарина

Странная встреча

Это совсем не походило на сон в новогоднюю ночь. Да и о какой ночи могла идти речь, если дело происходило жарким июльским днем...

Я немного отстал от своих товарищей, когда спускался со склона густо поросшей арчевником горы и, подойдя к реке, остановился как вкопанный. На берегу реки, облокачиваясь на странного цвета и формы камень, стоял ОН... Я его сразу узнал. Громадная сутулая фигура, густо поросшая волосами. Сваливавшиеся волосы закрывали голову и лик. Хорошо были видны травинки, веточки и ягоды шиповника, запутавшиеся в его бороде. Снежный человек!!! О нем столько написано. Его никто никогда не видел, зато узнать может каждый, ведь найдено столько следов! А «Комсомолка» буквально сотни энтузиастов созывает сюда, в верховьях Каратага, на поиски неуловимого. Гоминоид стоял не шелохнувшись, пристально глядя в лом, который я держал в руках. Затем он так же внимательно оглядел меня с ног до головы совершенно осмысленным взглядом, тяжело сопнул и вдруг хриплым басом спросил: «Мужик, а почему ты с ломом?» Я опешил. «Иети говорит!» То, что его заинтересовал лом, меня не удивило. Этот лом смущал всех, кого я ни встречал в горах: будь то турист или альпинист, биолог или чабан. И даже надоело всем объяснять, что лом — это мой рабочий инструмент, я им рейки восстанавливаю. А рейки снегомерные, а нужны они для того... И т. д. и т. п. Неужели этот гоминоид говорить может?

Реликтовый опять тяжело сопнул и попросил сигарету. В лапах незнакомца она казалась травинкой.

— Ты ничего подозрительного здесь не встречал? — спросил он.

— Чего подозрительного? — ответил я.

— Ну такого, загадочного... — гоминоид закашлял.

— Летящих тарелок?

— Да нет. Тут, понимаешь, снежного человека ищут. Так ты не встречал?

Я начал было убеждать «искателя гоминоидов» в тщетности поисков, но не тут-то было. Он тут же завалил меня примерами встреч со снежным человеком. И кричит кто-то по ночам, и следы оставляет на земле 49—54 размеров, и сахар из пачки таскает, и даже банку со сгущенкой кусал. Поблагодарив за си-

гарету, незнакомец взялся своими могучими руками за рюкзак, который первоначально мне показался странной формы камнем...

— А посуду в кишлаке принимают? — спросил он сурово. — Ну ладно, а то тут вчера погуляли... — Он, ухнув, взвалил на себя рюкзак, который жалобно зазвенел порожней тарой, и зашагал по тропе вниз, к кишлаку, и вскоре скрылся за поворотом. На тропе явно были отпечатаны следы 49—54 размера...

А. ПИРОВ

«А ты, Маринка?..»

Уютный летний вечер собрал вместе восторженных пятикурсниц энергетического факультета. Сгрудившись в скверике перед общежитием дружной стайкой, они наперебой щебетали. Тонкая девушка, грациозно сидевшая верхом на скамейке, словно на спортивном коне, с пылом доказывала подружкам, что если бы не институт, где бы она осуществила свою мечту — стать мастером спорта по гимнастике?!

— Это чепуха! — раскрыла душу волоокая шатенка, затягиваясь длинной сигаретой. — Вот я в институте познакомилась с Володькой и вышла замуж...

— Положим, — перебила ее девушка в очках, за которыми скрывались трудолюбивые глаза пчелки. — А жить дальше как будешь? Ты же плохо подготовлена к ведению домашнего хозяйства. Лично я, например, за пять лет научилась вязать, шить и кроить, отлично готовить бутерброды и холодную закуску!..

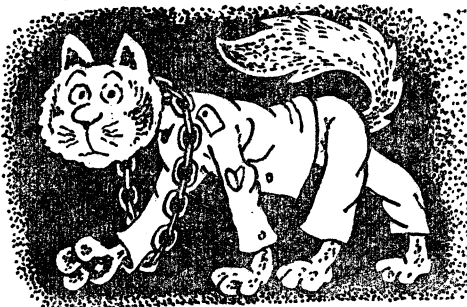
— Подумаешь!.. — молвила джинсовая девушка, поводя узкими плечами. — Радости-то — выскочить за первого, кто предложит руку и сердце... Надо самой выбирать! Некоторые после лекций, сложив ручки, сидят до вечера в библиотеке... Я же не пропустила ни одной дискотеки — как в институте, так и в общежитиях. Научилась по-настоящему танцевать, петь, играть на гитаре, целоваться — словом, постигла все секреты общения с молодыми людьми, узнала все их слабости. В течение суток могу подогнать на себя джинсы любой фирмы и носить их как самая настоящая леди... Так что спутника в жизни я буду выбирать сама!.. А ты, Маринка, так и думаешь замуж в юбке выйти?! — обра-

тилась она к молчавшей до сих пор девушке.

— Я об этом еще как-то не думала, — смущенно ответила Марина. — Девочки, просто мне кажется, что я получила неплохие знания; наверное, даже смогу самостоятельно разработать проект теплостанции...

Сокурсницы с сожалением воззрились на Маринку. Пять лет в институте прошли для нее даром...

Б. МАТЮНИН

БАХ —

и готово!

Пусть все останется таким же, а у меня будет испанское имя Педро!

Бах!

Все осталось таким же. Сугробы. Парни. А я — испанец чернобрый. Улыбка как фотовспышка.

— Привет, Педро!

Улыбка.

— Салют, Педро!

Улыбка в ответ. Я ж языка не понимаю. Гость из дружественной страны. Иду, тарашу глаза на достижения.

Эх, хорошо быть гостем!.. Гораздо лучше, чем Ниткиным. Только как сделать? Э-э, тут нужна волшебная палочка!

А пусть я сам буду волшебной палочкой. Такой деревянной, тоненькой и волшебной! Классно!

Бах!

Я — волшебная палочка! Приношу пользу людям. Стоит мною взмахнуть — возникает всякая польза.

А что, если стать пользой?

Бах!

И вот я — польза! Все мне рады. Все улыбаются. Старики и молодежь.

Бах!

Я — улыбка молодежи!

Я — хохот! Хха-ха-ха!

Мудряшки

И в театре одного актера необходим хотя бы один талант.

Когда сны сбываются, не забывай проснуться!

М. КУЗЬМИН

Если и лез за словом в карман, то только к классикам.

— Ниткин! Ты где находишься? Почему ты хохочешь на уроке? Ниткин! Встань! Повтори тему сочинения.

— Тема сочинения, Ольга Васильевна... сочинения... «Кем я хочу стать, когда вырасту».

— И кем же ты хочешь стать?

— Я хочу стать... хочу стать...

— Снегирев, не подкашивай Ниткину!

— Я хочу стать ученым.

— Хорошо. Садись и пиши: ученым.

Ниткин сел и начал выводить в тетради: «Хочу стать котом ученым, чтобы ходить по цепи кругом...»

А Ольга Васильевна пошла к столу и тоже стала писать. Отчет. «В четвертом классе «Б» была проведена контрольная работа на тему «Кем я хочу стать». По результатам сочинения: врачей — семь, инженеров — один, товароведов — пятнадцать, ученых...»

— Мия-ууу!

— Ниткин! Встань сейчас же!.. И сними с себя эту глупую цепочку.

А. ДУДОЛАДОВ

Из характеристики на Ваньку-встаньку: «...морально устойчив».

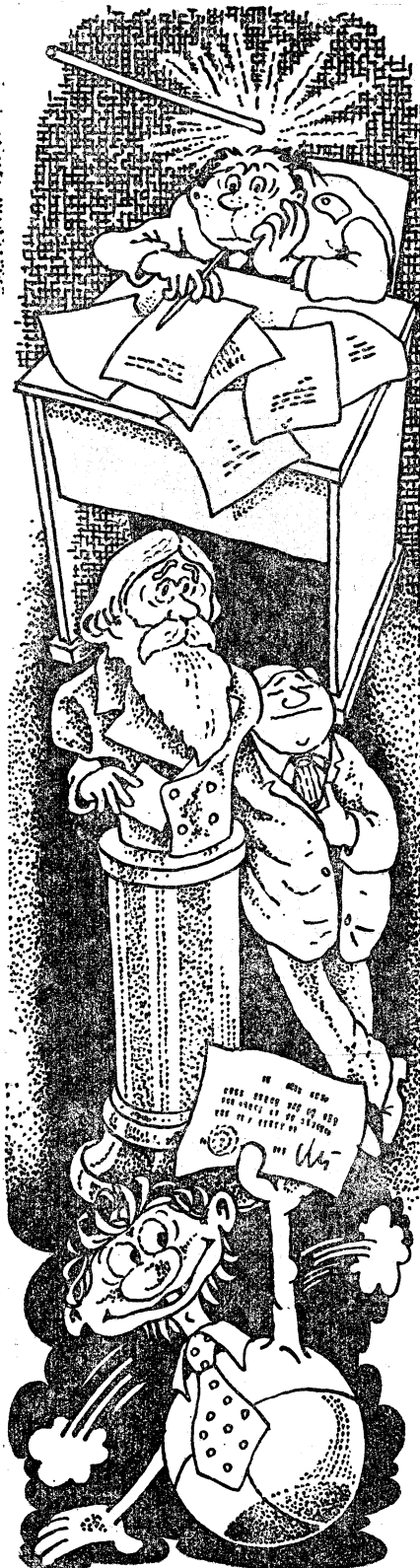
Не переливай из пустого в порожнее через край!

А. БАРАНОВ

Турист везде пройдет, но природе от этого не легче.

Чем меньше времени уделяешь физкультуре, тем больше требуется его на лечение.

Д. ПЕРЛИН

«ЗА ПОЛТАВСКУЮ БАТАЛИЮ»

В рамке под стеклом висит у меня серебряный кругляш размером чуть больше крышки от кефирной бутылки. Это — медаль «За Полтавскую баталию». Когда-то на драгунском мундире носил ее мой пращур по материнской линии Иван Рогожа, участник битвы.

От отца к старшему сыну передавалась в роду Рогожиных эта медаль. Видимо, существовало и семейное предание, от которого мне в наследство достались только крохи: имя пращура да название рода войск, в котором он служил. Скудность сведений объясняет тот факт, что у моего деда, Александра Рогожина, не было сыновей, одни дочери. А девчонки не очень-то запоминают рассказы отцов, если они касаются батальных. Я же был слишком мал, чтобы придавать значение деталям деловых рассказов. Когда подросток спохватился, да деда-то уже не было в живых. Так на мне и прервалась цепочка «семейной хроник». Хорошо, хоть сама медаль

сохранилась. Помню, как в войну, в голодный март сорок третьего года мама совсем было собралась променять серебряную регалию на полмешка картошки. Но в последний момент сняла с пальца обручальное кольцо... Долго плакала потом от радости, что не подалась соблазну, сохранила семейную реликвию.

Медаль «За Полтавскую баталию» — одна из первых российских наград, которой были удостоены все участники генерального сражения. Петр Первый справедливо считал, что в бою побеждает армия, а не отдельные личности. Значит, каждый участник битвы — от фельд-маршала до рядового — должен быть отмечен специальной медалью. А особо отличившиеся могут быть удостоены еще и других наград.

Этот принцип массового награждения участников тех или иных крупных сражений, решающих исход операции, возродился в Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Миллионы военнослужащих были награждены медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина»... Рисунок и металл медалей для всех награжденных, независимо от звания и должности, был одинаков.

Наградная система, введенная в армии Петром Первым, хотя и имела сословный характер, была весьма демократична. Кроме медали «За Полтавскую баталию» были отчеканены медали, «персонально» посвященные еще одиннадцати победным сражениям, в том числе и знаменитому Гангутскому бою. В государствах Западной Европы того времени ничего подобного не наблюдалось, поскольку армии там

состояли в основном из наемников, для которых война была ремеслом. Они предпочитали серебро в кармане, а не на груди в виде знака воинской доблести. В русской же армии наградные медали всегда были не только зримой формой благодарности за выполнение воинского долга, но и средством воспитания в защитниках отечества патриотизма, мужества, верности присяге.

В. ПАШИН

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. главного редактора), Н. Г. НИКОЛОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь) А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фактастики), Л. С. Будрина (технический редактор), В. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 27.06.86. Подписано к печати 4.08.86. НС 12145. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 385 000 экз. (2-й завод 250 001—385 000). Заказ 476. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

ПЛАТЬЯ ДЛЯ ПОДРУЖЕК

Фото И. Горячева

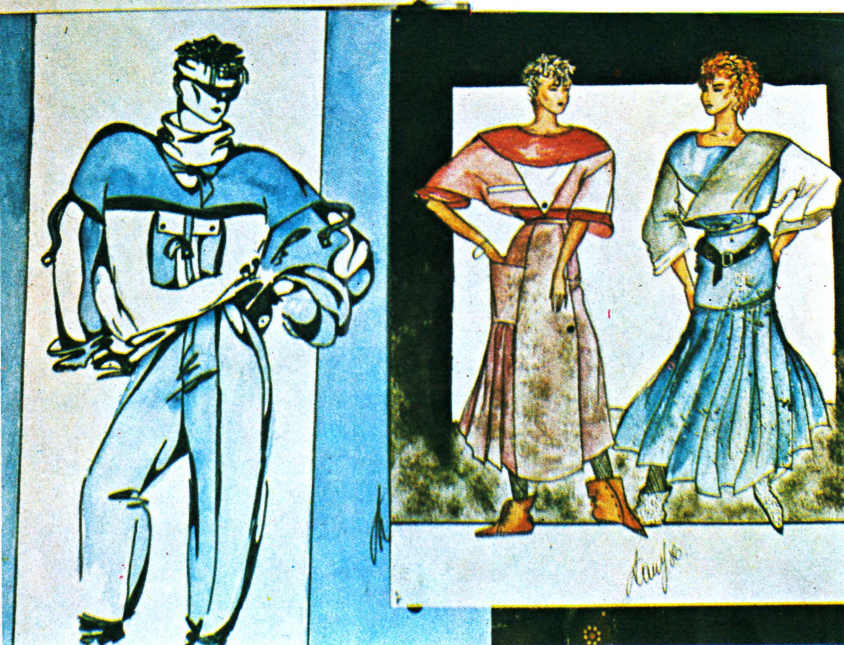
Интересные модели, не правда ли? Не от Кардена, не от Зайцева... Они — от Андрея Каменских, выпускника 49-й свердловской школы. Но кто знает, может, когда-нибудь и это имя будет символом авангардистской моды.

Началось, как у многих, с забавы — нравилось придумывать костюмы. В седьмом классе Андрей стал пробовать рисовать и шить сам. Когда журнал «Пионер» объявил конкурс на лучшие модели одежды для подростков, он послал несколько эскизов и занял первое место.

Андрей считает, что одежда для подростка должна быть разнообразной, яркой и, вместе с тем, недорогой и несложной по технологии. В классе девчонки с его мнением считались. Кстати, платья для выпускного бала одноклассницы шили по его эскизам.

Андрей Каменских выбрал себе жизненную дорогу: художественное училище, текстильный институт. Он решил стать профессиональным художником-модельером.

Игорь Горячев

ТРАВА. Г. Метелев, г. Свердловск

ПОВЕЯЛО ВЕСНОЙ. Л. Круль, г. Уфа

6-я ЗОНАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА
«УРАЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ» в г. Свердловске.

ЖИВОПИСЬ

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР. П. Ладнов, г. Челябинск.

КАМНИ УРАЛА. А. Заусаев, г. Свердловск

Цена 40 коп. Индекс 73413
Уральский СЛЕДОПЫТ, 1986, № 10, 1—342.